

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

28 2025
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 28 (579) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Николаевич Лузин* (1883–1950), советский математик.

Николай Николаевич Лузин родился в Иркутске. Его отец происходил из крепостных крестьян графа Строганова, но к моменту рождения сына владел небольшой торговой лавкой в городе. Когда пришло время отдавать Николая в гимназию, семья переехала в Томск, где была Томская мужская гимназия.

Поначалу у юного Николая никак не складывались отношения с математикой, родителям даже пришлось нанять репетитора — студента Томского политехнического института. И вот внимательный студент с задатками хорошего педагога заметил, что мальчику с трудом удается заучивать правила и решать шаблонные задачи, тогда как трудные и оригинальные он наоборот решает с удовольствием и вполне успешно.

Когда Николай окончил гимназию, его семья переехала в Москву, а сам он поступил на физико-математический факультет Московского университета. Именно тут он встретил своего главного учителя — молодого профессора Дмитрия Федоровича Егорова, который в будущем стал президентом Московского математического общества. Он же поспособствовал тому, чтобы после окончания обучения Лузина оставили в университете на кафедре.

Но в те годы Николай Лузин переживал тяжелейшую депрессию и даже помышлял о самоубийстве. Он сомневался в правильном выборе жизненного пути и разочаровался в науке. Преодолеть душевный кризис Николаю помог его близкий друг, однокурсник по университету и будущий религиозный философ Павел Александрович Флоренский. Вероятно, под его влиянием, вернувшись в Москву, Николай Лузин начал изучать медицину и теологию. Но все же любовь к математике победила: в 1908 году он сдал магистерские экзамены и получил право преподавать математику.

Николай Лузин стал приват-доцентом университета и вместе с Дмитрием Егоровым занимался наукой. В последующие годы он учился и работал за границей — в немецком Геттингене и Париже. А в 1915 году Лузин защитил диссертацию по теме «Интеграл и тригонометрический ряд», которая во многом была необычна: в каждом ее разделе содержались новые проблемы и новые подходы к решениям классических задач, использовались обороты «мне кажется», «я уверен», что было не принято в научной среде. Тем не менее, защита прошла успешно, а сама диссертация стала настольной книгой молодого поколения русских математиков. Так 34-летний Николай Лузин стал профессором Московского университета.

Профессор Лузин был необычайно популярен у студентов. Он обладал даром преподносить математику как «зрелище необычайной красоты» (его слова). Постепенно вокруг Лузина начал складываться особый кружок, а точнее целый мир, который уже в 1920 году получил название «Лузитания». «Лузитане» собирались на квартире Николая Николаевича в доме № 25 на Арбате (сейчас там установлена памятная доска). Атмосфера интеллектуальной игры, театральности, тон которой задавал Лузин, сплотила молодых людей. Вместе они ездили в Петроград, занимая целый вагон,

а там ходили по улицам и пели песни. Но главной, конечно же, оставалась математика.

По воспоминаниям его учеников, Лузин учил их в первую очередь самостоятельности мышления, умению искать нестандартные пути для решения той или иной математической задачи. Сами «лузитане» даже называли свои творческие изыскания «научным театром».

Но в конце 1920-х годов «Лузитания» подошла к своему распаду. Бывшие студенты и аспиранты повзрослели и захотели самостоятельности. Накопились и внутренние претензии к учителю, которые в полной мере проявились во время так называемого «дела Лузина». В сентябре 1930 года по делу «катакомбной церкви» (антисоветское движение в православной среде Советской России) был арестован учитель и друг Николая Лузина Дмитрий Егоров. Он умер в ссылке в Казани. К тому времени Лузин стал известным советским ученым — вице-президентом Московского математического общества, который выступил с докладом о своих достижениях на VIII Международном математическом конгрессе в Болонье и издал монографию по дескриптивной теории множеств. Одним из создателей этой теории был молодой талантливый математик Михаил Суслин, ученик Лузина. Он очень рано ушел из жизни, скончавшись от тифа. Спустя несколько лет его смерть поставили в вину Николаю Лузину, который якобы ревновал к успехам Суслина и препятствовал ему в поисках работы.

Официальная политическая травля Лузина началась в июле 1936 года двумя статьями в газете «Правда»: «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске». Лузина обвиняли в идолопоклонстве перед Западом, в том, что он — один из тех советских ученых, кто свои передовые разработки считает нужным сначала публиковать в иностранной печати, а не в советской. Часть учеников Лузина также выступила против него, обвиняя в том, что он присвоил себе чужие идеи. Но за Николая Лузина заступились многие советские ученые с мировым именем, в том числе академики Владимир Вернадский и Петр Капица. Поэтому специально созданная комиссия Президиума Академии наук СССР смягчила свою позицию, и дело Лузина не переросло в судебное.

Но на несколько лет ученый остался без работы. Клеймо «врага в советской маске» осложнило последние четырнадцать лет жизни Лузина. В 1939 году Виктор Сергеевич Кулебакин принял Лузина на работу в Институт автоматики и телемеханики АН СССР (ныне Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова). И здесь, когда травили другого исследователя, Георгия Владимировича Щипанова, Лузин (вместе с Кулебакиным) поднял голос в его защиту. Позднее условия компенсации Щипанова были признаны выдающимся открытием.

Умер Николай Николаевич Лузин 28 февраля 1950 года в Москве от острого сердечного приступа. Похоронен на Введенском кладбище.

Спустя много лет после смерти, в 2012 году, академик Лузин был полностью оправдан.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Девликамов И. А.

Административная ответственность
за правонарушения в промышленности 135

Касёва А. С.

Уголовно-правовая характеристика условно-
досрочного освобождения от отбывания
наказания 137

Киракозова А. С.

Мошенничество при получении выплат:
требования к доказыванию 139

Коренев К. Б.

Уголовно-правовая характеристика
убийства, совершенного в состоянии
аффекта 141

Коробов С. С.

Специфика уголовной ответственности
медицинских работников в РФ 144

Левенкова А. Е.

К вопросу о предмете договора
строительного подряда 146

Листвин Д. В.

Проблемы правового регулирования
мультимедийных продуктов 148

Листвин Д. В.

Понятие и признаки мультимедийного
продукта 150

Листвин Д. В.

Правовая природа брачного договора 151

Магомедгаджиева П. М.

Самоубийство как организованное
преступление: проблемы законодательной
регламентации 154

Магомедгаджиева П. М.

Правовые последствия генетических
экспериментов: китайский
и российский опыт 158

Маленок М. Ю.

Взаимодействие гражданского общества
и государства 161

Молостов Д. В.

Полномочия и процессуальная
самостоятельность следователя 164

Назарько В. С.

О необходимости учета и доказывания
вины мнимых собственников в делах
о банкротстве (в защиту «соломенных
человечков») 166

Палазник И. А.

Взаимодействие органов публичной
власти — субъектов РФ в законотворческом
процессе 169

Перевозова К. Д.

Особенности страховых правоотношений
в условиях цифровизации 171

Поздняков М. Е.

Административная ответственность
за правонарушения в энергетике 174

Полищук В. В.

Анализ правоприменительной практики
недействительности сделок
с недвижимостью 176

Сергеев Б. И.

Обстоятельства, подлежащие установлению
при расследовании преступлений в сфере
электронных средств платежа 178

Соломонович И. И.

Социальная защита: понятие, направления,
формы, субъекты. Социальное обеспечение:
понятие, формы. Соотношение социальной
защиты и социального обеспечения 181

Уразов А. А.

Тенденции развития микрофинансовой
деятельности в РФ 184

Утеева Л. А.

Методы юридической науки, используемые
при исследовании особенностей и свойств
судебного штрафа как меры уголовно-
правового характера 186

Чупина Д. А.

Цифровизация правосудия: облегчение
доступа к правосудию или угроза для
судебного процесса? 188

Шаяхметова В. М.

Исторические этапы становления и развития
института прав и свобод человека
и гражданина в РФ 190

Шиманец М. К.

Следователь как участник уголовного
судопроизводства: процессуальный статус
и проблемы его определения 192

Шиманец М. К.

Ведомственный и судебный контроль
за деятельностью следователя 194

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Административная ответственность за правонарушения в промышленности

Девликамов Игорь Аритович, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится характеристика, а также анализ современного состояния правового института административной ответственности за правонарушения в промышленности. Обозначены основные тенденции развития, приведена статистика, выявлены проблемы и сделаны выводы, направленные на совершенствование правового регулирования и снижение числа правонарушений

Ключевые слова: правонарушения в промышленности, ответственность за правонарушения в промышленности, безопасность в промышленности, административные правонарушения в промышленности, нарушение обязательных требований, промышленность.

Administrative liability for offenses in industry

The article provides a description and analysis of the current state of the legal institution of administrative liability for offenses in industry. The main development trends are outlined, statistics are provided, problems are identified and conclusions are made aimed at improving legal regulation and reducing the number of offenses

Keywords: offenses in industry, liability for offenses in industry, safety in industry, administrative offenses in industry, violation of mandatory requirements, industry.

В современных условиях административная ответственность за правонарушения в сфере промышленности приобретает особую значимость. Данный правовой институт ориентирован на обеспечение выполнения норм безопасности и защиты окружающей среды, что является значимым элементом для стабильного развития экономики. Правовые нарушения в промышленности, такие как невыполнение требований охраны труда, экологические правонарушения и несоблюдение норм безопасности, могут иметь значимые последствия как для здоровья рабочих, так и для экологии в совокупности. Эти проблемы требуют тщательного анализа и действенных мер по их предупреждению, так как они оказывают негативное воздействие на общество и экономику.

За последние 10–15 лет в России фиксируется существенное усовершенствование законодательства в сфере административной ответственности. В ответ на возникающие вызовы, связанные с правонарушениями в промышленности, был утвержден ряд новых норм и поправок, ориентированных на ужесточение ответственности за нарушения. Преобразования в подходах к регулированию

правонарушений в этой сфере демонстрируют желание государства повысить степень безопасности и защиты окружающей среды, и, кроме того, улучшить условия труда на предприятиях.

Основополагающие направления развития правового института административной ответственности включают упрощение процедур привлечения к ответственности, что позволяет более эффективно реагировать на правонарушения. Ужесточение санкций за нарушения, со своей стороны, является сдерживающим параметром для потенциальных правонарушителей. Вдобавок, интеграция современных технологий контроля и надзора, таких как автоматизированные системы мониторинга, помогает увеличению эффективности обнаружения и предотвращения правонарушений в промышленности. Эти преобразования подчеркивают значимость административной ответственности как средства поддержки правопорядка и безопасности в сфере промышленности.

Проблемы, относящиеся к административной ответственности в промышленности, нуждаются в глубоком анализе. В первую очередь, нужно выделить основные виды

правонарушений в данной сфере. К ним относятся нарушение требований промышленной безопасности, нарушение требований к организации безопасного использования и содержания подъемных механизмов, нарушение требований к обеспечению безопасности гидротехнических сооружений. Они могут привести к тяжелым последствиям, в том числе травмам и гибели рабочих, загрязнению природной среды и финансовым убыткам для предприятий.

Роль органов контроля в предотвращении правонарушений также является ключевым аспектом. Такие органы, как Ростехнадзор, Ространснадзор и другие службы осуществляют надзор и могут применять меры ответственности к нарушителям.

Последствия правонарушений в промышленности могут быть очень серьезными. Они угрожают здоровью и жизни людей, наносят ущерб экологии.

Самыми очевидными проблемами в сфере правоприменения, предотвращении и профилактики правонарушений являются:

- необходимость пересмотра устаревших норм права
- проблемы правоприменительной практики
- бланкетный характер законодательства

Административная ответственность в сфере промышленности регулируется рядом норм: КоАП РФ Глава 9. Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике.

Федеральным законом от 21.07.1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [5], Федеральным законом от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [7], другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ

В последние годы законодательство претерпело существенные корректировки. Был принят Федеральный закон от 13.07.2020 N 207-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9], увеличивающий ответственность за экологические правонарушения, что указывает на растущее внимание к вопросам охраны окружающей среды. Наряду с этим, были составлены новые законопроекты, направленные на улучшение условий труда и повышение безопасности на производстве.

Федеральным законом от 5 апреля 2021 года № 71-ФЗ «О внесении изменений в статью 9.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [10] усилена административная ответственность за нарушение правил или норм эксплуатации тракторов, самоходных и дорожно-строительных машин, а также другого оборудования. Здесь аналогично наблюдается, что законодательство стало более жестким касательно несоблюдения правил эксплуатации тракторов и других машин, что предполагает повышение штрафов или других мер.

Как можно увидеть из таблицы 1, количество рассмотренных дел с 2022 по 2023 гг. уменьшилось на 9 %, но при этом числа все еще достаточно высокие. Эти данные подтверждают потребность в комплексном решении проблемы, более жестком контроле и увеличении ответственности за правонарушения.

Основные виды правонарушений, предполагают особое внимание со стороны органов контроля. Их функция в предупреждении правонарушений является особенно важной, вместе с тем, на их эффективность не-

Таблица 1. Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике [14]

Показатель	2023	2022
	Рассмотрено дел	
Нарушение требований промышленной безопасности или условий лицензий на осуществление деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов (9.1 КоАП)	37	36
Нарушение норм и правил безопасности гидротехнических сооружений (9.2 КоАП)	14	13
Нарушение правил или норм эксплуатации тракторов, самоходных, дорожно-строительных и иных машин и оборудования (9.3 КоАП)	1	4
Нарушение правил в области строительства и ремонта объектов капитального строительства, несоблюдение требований к выдаче свидетельства о допуске к работам (9.4 ч. 2, 3, 9.5, 9.5.1 КоАП)	31	68
Нарушение правил использования атомной энергии, законодательства о пользовании топливом и энергетикой (9.6, 9.9, 9.11, 9.16, 9.17, 9.18 КоАП)	233	414
Уклонение от исполнения требований доступности для инвалидов объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктур (9.13, 9.14, 11.24 КоАП)	1453	1464
Нарушение правил недискриминационного доступа, порядка подключения (технологического присоединения) (9.21 ч. 2, 9.22 КоАП)	1051	1089
Нарушение правил обеспечения безопасного использования и содержания внутридомового и внутриквартирного газового оборудования (9.23 ч. 5, 6 КоАП)	24	27
Иные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике (иные статьи главы 9 КоАП)	1721	1903
Всего правонарушений в промышленности, строительстве и энергетике	4565	5018

редко влияет недостаток ресурсов и квалифицированных кадров. Результаты правонарушений для общества и экономики могут оказаться очень серьезными, что заостряет внимание на потребности в более строгом контроле и ужесточении ответственности за нарушения.

Для улучшения эффективности применения законодательства требуются:

- переоценивание устаревших норм права
- проведение регулярного анализа и обновления законодательства для устранения пробелов

— повышение правовой определенности в законодательстве

Перспективным курсом для будущих исследований выступает изучение практики других стран в сфере административной ответственности за правонарушения в промышленности. Это даст возможность обнаружить эффективные подходы и адаптировать их к российским. Кроме того, важно продолжать исследование правоприменительной практики и ее последствий, что содействует в дальнейшем улучшении законодательства.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 21.07.1997 N 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 21.07.1997 N 117-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности гидротехнических сооружений» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
8. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 13.07.2020 N 207-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
10. Федеральный закон от 05.04.2021 N 71-ФЗ «О внесении изменения в статью 9.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
11. Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
12. Постановление Правительства РФ от 24.11.1998 N 1371 (ред. от 03.02.2023) «О регистрации объектов в государственном реестре опасных производственных объектов» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
13. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 N 401 (ред. от 20.02.2025) «О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
14. Судебная статистика по административным правонарушениям в промышленности, строительстве и энергетике [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/69> (дата обращения 29.04.2025 г.).

Уголовно-правовая характеристика условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

Касёва Алёна Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Работа посвящена исследованию института условно-досрочного освобождения (УДО) с точки зрения его социальных и правовых аспектов. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования системы уголовного правосудия, в том числе для решения проблем перегруженности исправительных учреждений, соблюдения прав человека и эффективной реабилитации осужденных.

Ключевые слова: УДО, решение проблем, уголовное правосудие, досрочное освобождение.

Criminal-legal characteristic of conditional parole from serving punishment

The work is devoted to the study of the institution of conditional early release (CER) from the point of view of its social and legal aspects. The relevance of the topic is due to the need to improve the criminal justice system, including to solve the problems of overcrowding in correctional facilities, respect for human rights and effective rehabilitation of convicts.

Keywords: parole, problem-solving, criminal justice, early release.

Условно-досрочное освобождение (статья 79 УК РФ) представляет собой один из самых применяемых институтов уголовного права, которые регламентируют досрочное освобождение от отбывания наказания. Несмотря на широкое распространение исследуемого института уголовного права, возникает вопрос о качестве его применения на практике, так как изучение статистических данных свидетельствует о том, что на протяжении нескольких лет имеется тенденция роста уровня рецидива среди лиц, освобожденных условно-досрочно, из чего можно сделать вывод, что рассматриваемый вид освобождения не оказывает необходимого влияния на осужденных, отбывающих наказание. [1]

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы России на период до 2030 г. указано на необходимость более эффективной адаптации к жизни в гражданском обществе лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Потеря социальных связей у лиц, освобождаемых из ИУ, отсутствие жилья, легальных средств к существованию нередко влияют на рост рецидивной преступности. В связи с этим дополнительную актуальность приобретают вопросы постпенитенциарной помощи и контроля за поведением таких лиц, в том числе в рамках недавно принятого федерального закона «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ (далее – Закон о пробации). Принятие данной Концепции и появление Закона о пробации подтверждают изменение вектора в сфере противодействия рецидивной преступности в России с ужесточения наказания на ресоциализацию лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в том числе условно-досрочно. [4]

При условно-досрочном освобождении от наказания в виде лишения свободы должна учитываться степень исправления осужденного (ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), что теоретически должно приводить к недопущению совершения им повторного преступления. Однако, на практике это наблюдается далеко не всегда и, как представляется, из-за того, что законом не установлена обязанность при решении вопроса об условно-досрочном освобождении прогнозировать вероятность совершения нового преступления, и, соответственно, такая оценка не дается на практике. Закрепление исправления осужденного как в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской

Федерации (далее – УИК 5 РФ), так и в ст. 44 УК РФ в качестве одной из целей наказания периодически подвергается справедливой критике со стороны ученых. Кроме этого, при подобном освобождении зачастую проблематично говорить о восстановлении социальной справедливости. Таким образом, при условно-досрочном освобождении не всегда достигаются цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). [1]

На высокий уровень рецидивной преступности в России среди лиц, условно-досрочно освобожденных, и фактической нереализуемости такой цели наказания как исправление обращено внимание в последние годы не только правоприменителем, но и многими авторами [1].

В то же время условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в настоящее время продолжает оставаться одной из часто применяемых мер досрочного освобождения от наказания. [5]

Повышению эффективности предупреждения преступного и иного правонарушающего поведения лица, условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания в виде лишения свободы, будет способствовать:

— обязательное возложение судом соответствующих постпенитенциарных обязанностей на осужденного при принятии решения об его условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы;

— введение понятия испытательного срока на период оставшейся неотбытой части наказания с возможностью его продления не более чем на один год в случае уклонения лица от исполнения, возложенных на него судом обязанностей, уклонения от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, или совершения нарушения, за которое он был привлечен к административной ответственности;

— предоставление уголовно-исполнительной инспекции права обращаться в суд с предложениями о продлении испытательного срока, а также об отмене полностью или частично испытательного срока либо о выполнении ранее установленных обязанностей для освобожденного лица; — обязательная отмена судом условно-досрочного освобождения и исполнение оставшейся неотбытой части наказания в случае нарушения лицом законодательства, за которое на него было наложено административное взыскание, или злостного уклонения от ис-

полнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения, либо от назначенных судом принудительных мер медицинского характера;

— предоставление уголовно-исполнительной инспекции права проводить первоначальные розыскные мероприятия в отношении лиц, освобожденных условно-досрочно. [3]

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Бриллиантов А. В., Бабаян С. Л. Пути совершенствования применения досрочного освобождения от отбывания наказания // Пенитенциарная наука. — 2023. — Т. 17, № 3(63). — С. 245–253.
3. Бабаян С. Л. Пути совершенствования применения к осужденным позитивных стимулов в виде досрочного освобождения от отбывания 205 наказания // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. — 2023. — № 2(16). — С. 7–17.
4. Адоевская О. А. О возможности и пределах учета международного опыта ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. — 2018. — Т. 4, № 1. — С. 68–72.
5. Тит А. А. Условно-досрочное освобождение от наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тит Александр Александрович. — Москва, 2018. — 266 с.

Мошенничество при получении выплат: требования к доказыванию

Киракозова Алина Сергеевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье проведён анализ уголовно-правовых и уголовно-процессуальных изменений, связанных с введением ст. 159.2 УК РФ (ФЗ № 207-ФЗ от 29.11.2012), регулирующей ответственность за мошенничество при получении выплат. Выявлены проблемы доказательства объективных признаков состава преступления — обмана и злоупотребления доверием — в условиях усложнённых схем незаконного обогащения за счёт социальных, бюджетных и иных выплат.

Ключевые слова: мошенничество при получении выплат, доказывание, межведомственное взаимодействие, оперативно-розыскные мероприятия, криминология, экспертное исследование.

Мошенничество при получении выплат в последние годы приобретает все более широкий размах, что обусловлено как ростом объемов социальных и иных целевых выплат, так и усложнением схем противоправного обогащения за их счет. При этом социальный ущерб от подобных преступлений традиционно недооценивается широким кругом граждан, что порождает уверенность злоумышленников в безнаказанности их действий. Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования механизмов выявления, фиксации и доказательства преступного умысла субъектов мошенничества при получении выплат, что поможет снизить масштабы подобной преступной активности и укрепить доверие общества к правоохранительной системе.

Целью статьи является анализ особенностей доказывания мошенничества при получении выплат на этапах проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования, направленных на объективное выявление умысла и усиление доказательственной базы в уголовных делах по ст. 159.2 УК РФ.

29 ноября 2012 года был принят Федеральный закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс

Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ-207), которым в УК РФ была введена отдельная статья 159.2 «Мошенничество при получении выплат» (Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ). Целью законодателя при формировании этой нормы стало — адаптировать уголовно-правовую модель к особенностям экономических преступлений в социальной сфере, усилить ответственность за незаконное задержание бюджетными и социальными средствами.

По конструкции ст. 159.2 УК РФ воспроизводятся классические признаки мошенничества (обман или злоупотребление доверием), однако охватываются исключительно выплаты, «предназначенные для социальных целей» (часть 1 ст. 159.2 УК РФ). Нововведение затронуло как материальную сторону (включение в Особенную часть УК РФ нового квалифицированного состава), так и процессуальную — закрепление процедуры возбуждения производства по делам данной категории с участием органов соцобеспечения (см. п. «б» примечания к ст. 159.2). Особенностью стала и фиксация ответственности за мошеннические схемы при получении выплат, оформленных в рамках федеральных и региональных программ [1].

Одновременно с введением специализированной нормы законодатель придал преступлениям по ст. 159.2 УК РФ статус дел частного-публичного обвинения. Это означает, что уголовное преследование начинается не по инициативе органов прокуратуры, а на основании частного обвинительного заявления уполномоченного лица (органа соцобеспечения).

Практика показала, что данный переход ограничил оперативные возможности правоохранительных органов на стадии доследственной проверки. Если ранее сообщения о факте незаконного получения выплат поступали «из любых источников» и могли послужить основанием для проведения не только проверочных мероприятий, но и незамедлительного возбуждения уголовного дела, то после 2012 г. инициатива сместилась на сторону поставщиков выплат. В результате многие факты мошенничества остаются необнаруженными до тех пор, пока орган соцобеспечения формально не заявит о преступлении, что затягивает сроки начала расследования и препятствует своевременному изъятию доказательств [2, 3].

В связи с чем в научных дискуссиях широко обсуждается целесообразность перевода мошеннических деяний в экономической сфере в «частно-публичную» категорию. Так, Занькин Д. В. [2] подчёркивает, что «исключительное значение для изобличения мошенников и доказывания умысла на совершение мошенничества имела информация о содержании их неформальных разговоров, полученная оперативным путем», однако оперативные подразделения МВД лишены права на самостоятельное возбуждение и предварительное расследование без заключения органов соцобеспечения.

Прокументов Л. и Архипов А. [4] аргументируют, что формулировочная неточность диспозиции ст. 159.2 УК РФ («социальные выплаты» без закрепления термина в законе) усугубила ситуацию, создав множество разночтений в правоприменении). В то же время политэкономическое обоснование публичного преследования мошенничества при получении выплат основывается на том, что государство несёт прямой ущерб, и потому защита публичных интересов должна быть возложена на органы прокурорского надзора и следствия без «привязки» к инициативе потерпевшего.

Следовательно, многие авторы настаивают на возврате дел по ст. 159.2 УК РФ в публично-правовую плоскость — как наиболее адекватной современной криминогенной обстановке меры по противодействию финансовым преступлениям [2, 4]. Это позволит снять искусственные барьеры для оперативно-розыскной деятельности и укрепить доказательственную базу на ранних стадиях расследования, что соответствует общей тенденции европейского уголовного процесса по усилению роли государства в защите общественных интересов.

Далее перейдем к анализу особенностей процесса доказывания объективных признаков мошенничества при получении выплат. Так в основе любого преступления по ст. 159.2 УК РФ лежит классический признак мошенни-

чества — обман или злоупотребление доверием. Вокруг обмана или злоупотребления доверием «строится» весь состав мошенничества. Для разграничения уголовно-правового и гражданско-правового порядка ответственности необходимо доказать, что субъект сознательно ввёл в заблуждение уполномоченный орган или лицо, а не допустил случайную ошибку или добросовестное заблуждение.

Анализ практики показывает, что именно умышленное искажение фактических данных (например, представление фиктивных договоров или справок) позволяет квалифицировать деяние как уголовное преступление, а не гражданско-правовой деликт. При этом тщательный анализ мотивов и целей субъекта, а также обстоятельств совершения действий является главной задачей следствия [1].

Установление истинного умысла злоумышленника при получении выплат затруднено тем, что в социальных схемах мошенники стремятся замаскировать свои действия под законные. Занькин Д. В. подчёркивает, что «исключительное значение для изобличения мошенников и доказывания умысла на совершение мошенничества имела информация о содержании их неформальных разговоров, полученная оперативным путём» [2].

Кроме того, привлечение специалистов из органов соцобеспечения или иных уполномоченных структур необходимо для разъяснения сложных процедур оформления выплат и выявления несоответствий между реальными основаниями и представленными документами. По мнению Прокументова Л. и Архипова А. [4], участие эксперта должно быть обязательным условием как следственных, так и оперативно-розыскных мероприятий, особенно в гласных ОРМ, когда необходимо получить доступ к внутренней документации органов выплаты средств [4].

Документальные доказательства являются «ядром» доказательственной базы по делам о мошенничестве при получении выплат. В ч. 1 ст. 159.2 УК РФ прямо перечислены документы, которые должны быть изъятые и приобщены к материалам дела: заявления на выплату, расчётные справки, договоры и иные бумаги, фиксирующие факт получения незаконных средств [1, 5].

Следователь обязан провести все необходимые следственные действия: выемку, обыск — для изъятия оригиналов указанных документов и закрепления на них признаков преступления (поддельные подписи, искусственно созданные шаблоны форм). Только после формализации таких бумаг как вещественных доказательств возможно построение логически цельной версии преступления и обоснование обвинения в суде.

Выявленные особенности доказательства обмана и злоупотребления доверием акцентируют необходимость:

1. Возврата уголовных дел по мошенничеству при получении выплат в публично-правовую сферу, исключая зависимость от частных заявлений органов соцобеспечения.

2. Формализации понятия «социальные выплаты» в диспозиции ст. 159.2 УК РФ для исключения практических разночтений и укрепления доказательной базы.

3. Разработки и внедрения унифицированной методики изъятия, приобщения и экспертизы документов, фиксирующих незаконные выплаты, на этапах доследственной проверки.

4. Усиления межведомственного взаимодействия между следственными структурами, органами экономической безопасности и социального обеспечения, а также

обязательного привлечения профильных экспертов при гласных и негласных ОРМ.

Реализация указанных рекомендаций позволит повысить эффективность уголовного преследования за мошенничество при получении выплат, обеспечит своевременное изобличение умысла субъектов преступлений и укрепит защиту публичных интересов. Перспективой дальнейших исследований является эмпирический мониторинг влияния предложенных механизмов на динамику выявляемости и раскрываемости подобных преступлений.

Литература:

1. Александрова И. А. Мошенничество при получении выплат // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 г. М., 2013. С. 258–260.
2. Занькин Д. В. Отдельные проблемы расследования мошенничества при получении выплат // Современное право. 2014. № 10. С. 110–114.
3. Александрова И. А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 54–62.
4. Прокументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. № 1. С. 67–74.
5. Ураков Д. И. Мошенничество при получении выплат: требования к доказыванию // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — №. 1 (35). — С. 193–198.

Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного в состоянии аффекта

Коренев Кирилл Борисович, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного в состоянии аффекта, с точки зрения современного российского законодательства. В ходе данного исследования рассматриваются различные подходы к толкованию аффекта. Анализируются ключевые признаки аффекта как исключительного эмоционального состояния, влияющего на квалификацию преступления. Исследуются критерии разграничения вменяемости и нахождения в состоянии аффекта.

Ключевые слова: убийство, аффект, эмоциональное состояние, состав преступления, уголовная ответственность.

В соответствии со ст. 107 УК РФ, уголовная ответственность наступает за лишение жизни, совершенное под влиянием сильного душевного волнения. Данный состав преступления в системе уголовного права относится к категории привилегированных, что обуславливает необходимость детального анализа его элементов.

Изучение объективной составляющей преступления требует определения его объекта и объективной стороны. Родовым объектом преступных деяний, включенных в Раздел 7 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие защиту личности. Поскольку убийство в состоянии аффекта входит в группу преступлений против жизни и здоровья, его видовым объектом выступают жизнь и здоровье человека (глава 16 УК РФ). Непосредственным объектом данного деяния признается жизнь человека.

Согласно ч. 1 ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» [1].

Следуя диспозиции статьи, под аффектом применительно к данной норме следует понимать состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения.

В уголовно-правовой доктрине аффект понимается не как поверхностная эмоциональная реакция на внешние раздражители, а как глубокое психическое состояние личности. В отличие от обычных эмоциональных прояв-

лений (таких как гнев, страх или желание мести), аффективное состояние отличается особой интенсивностью, тотальностью воздействия и способностью подавлять сознательный контроль. Подобное состояние существенно нарушает когнитивные функции человека, искажая процессы восприятия реальности и способность к волевой регуляции своих действий.

Понятие аффекта не является собственной категорией уголовного права, поскольку характеризует психическую сторону человека. Данное понятие активно заимствуется российской наукой уголовного права из психологии [2, с. 198].

Рассмотрим психологический аспект исследуемого понятия. По мнению В. А. Бугаева, Д. В. Мельникова: «В психологии под аффектом понимают сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями, содержание и характер которых может изменяться под влиянием воспитания. Одной из характерных особенностей аффектированного поведения является то, что оно возникает в качестве ответной реакции на уже свершившуюся ситуацию. Аффект по своему содержанию является непродолжительным, длится от десятков секунд до 2–3 минут» [3, с. 213].

Автор Ю. А. Шель считает: «Аффектом считается душевное волнение, а именно сильное эмоциональное переживание. Признаками состава убийства, совершенного в состоянии аффекта, выступают внезапно возникшее сильное душевное волнение, то есть аффект, под воздействием которого осуществляется убийство, противоправное или аморальное поведение потерпевшего, из-за которого возникает аффект у виновного» [4, с. 56].

Предлагается также рассмотреть на примере судебной практики по делам о преступлении, предусмотренном ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, как суды толкуют понятие аффекта. В приговоре Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 19.10.2017 года понятие «аффект» интерпретируются в точном соответствии с положением УК РФ: «К. совершила убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим аморальным поведением потерпевшей, при следующих обстоятельствах...» [5]. Альтернативно понятие «аффекта» раскрывается в приговоре Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 19.08.2017 года: «Подсудимая П. ...находясь в состоянии выраженного эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на ее сознание и психическую деятельность (что выразилось в частичном сужении сознания; нарушении произвольной регуляции деятельности...(фрагментарности и неполноте восприятия, частичной амнезии на детали криминальной ситуации и собственные действия, явлениях астенического синдрома), и достигавшего степени выраженности аффекта, обусловленное психотравмирующими агрессивными действиями потерпевшего, имев-

шими длительный и систематический характер, вместе с аморальным поведением последнего, а также выразившегося в нанесении ей телесных повреждений...» [6].

Согласно нормативным положениям и доктринальным подходам, аффект в уголовном праве представляет собой особое психоэмоциональное состояние, возникающее исключительно как реакция на противоправное поведение потерпевшего. Важно подчеркнуть, что эмоциональное возбуждение, не связанное с противоправными действиями со стороны потерпевшего, не может квалифицироваться как аффект в смысле ст. 107 УК РФ. Уголовно-правовое значение имеет исключительно то эмоциональное состояние обвиняемого, которое возникло как непосредственная реакция на противоправное или аморальное поведение потерпевшего.

В психологической науке выделяют различные формы аффективных состояний, включая такие виды аффекта, как гнев, страх, отчаяние, ненависть, ужас и даже радость. Однако анализ судебной практики показывает, что в большинстве случаев при рассмотрении дел по ст. 107 УК РФ фигурируют именно аффективные состояния гнева, страха и ненависти.

С точки зрения конструкции состава преступления, убийство в состоянии аффекта относится к материальным составам. Преступление считается оконченным исключительно с момента биологической смерти потерпевшего, что является обязательным условием для квалификации деяния по указанной статье.

Состав преступления, предусмотренный ст. 107 УК РФ, относится к категории привилегированных видов убийства. Его принципиальное отличие от основного состава убийства (ст. 105 УК РФ) заключается в существенно меньшей степени общественной опасности. Это объясняется тем, что совершение преступления в состоянии аффекта ограничивает способность лица в полной мере осознавать свои действия и руководить ими, что объективно снижает уровень опасности такого деяния для общества.

Субъективная сторона любого состава преступления отражает отношение лица к совершенному деянию, а также цели, мотивы совершения преступления. Убийство, совершенное в состоянии аффекта, имеет отличительные особенности субъективной стороны состава преступления. Поскольку аффект является криминообразующим признаком состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, то «аффективное» преступление совершается в состоянии душевного волнения, эмоционального всплеска, что отражается и на отношении виновного к совершенному преступлению.

Вопрос о форме вины состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, не решен однозначно в доктрине. Сомнения юристов по поводу формы вины рассматриваемого состава преступления обусловлены тем, что преступление совершается в состоянии эмоционального волнения, а значит возможны некие отклонения. При этом, патологический аффект не принимается во внимание, поскольку он полностью исключает вменяемость

виновного лица. Физиологический аффект имеет кратковременный, непродолжительный характер, интенсивность проявления в момент возникновения, при этом он не исключает возможность лица осознавать характер совершаемых действий и руководить ими, а значит и не исключает вины.

Поскольку аффективное состояние лица изучается не только юристами с целью правильной квалификации по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, но и психологами, в литературе, посвященной рассмотрению признаков субъективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта, сложились несколько точек зрения относительно понимания формы вины убийства, совершенного в состоянии аффекта. Так, например, психологи придерживаются точки зрения, что убийство, совершенное в состоянии аффекта, может быть совершено только с прямым умыслом, поскольку при совершении преступления виновное лицо желает избавиться от источника раздражения, подавления, угнетения, а значит виновный желает наступления общественно-опасных последствий в виде смерти потерпевшего [7, с. 5–6].

Ряд юристов считают необходимым рассматривать убийство, совершенное в состоянии аффекта, как преступление, совершаемое с косвенным умыслом, поскольку аффективное состояние притупляет осознание происходящего, а значит виновный в момент не может желать наступления смерти потерпевшего, при этом допускает наступление такого общественно-опасного последствия.

Считаем необходимым придерживаться точки зрения о том, что убийство, совершенное в состоянии аффекта, может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, поскольку аффект может проявляться с различной интенсивностью, а значит виновный может как желать наступления смерти другого человека, так и относиться с безразличием и сознательно допускать эти последствия. Аналогичной точки зрения придерживается Р. Р. Тухбатуллин: «Убийство в состоянии аффекта может быть совершено и с прямым, и с косвенным умыслом» [8, с. 26]; Н. С. Жданов: «Субъективная сторона убийства, совершенного в состоянии аффекта, так же, как и объективная, обладает определенными особенностями, так как аффект имеет влияние на все ее признаки. Как было сказано выше, в науке нет единого решения проблемы определения умысла в преступлениях указанного вида. Проанализировав существующие точки зрения, мы

пришли к выводу о том, что убийство в состоянии аффекта может быть совершено как с прямым умыслом, так и косвенным» [9, с. 234].

При исследовании состава преступления, предусмотренного ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, наибольший интерес вызывает признак вменяемости субъекта исследуемого преступления. Как следует из диспозиции ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, в момент совершения преступления, предусмотренного ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, субъект находится в состоянии аффекта. Однако следует ограничивать вменяемость и нахождение в состоянии аффекта. Поскольку состояние аффекта не исключает вменяемости, лицо, находящееся в состоянии аффекта и признанное вменяемым, является субъектом преступления, предусмотренного ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

Таким образом, на основании проведенного анализа объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, можно сделать вывод о том, что важным признаком объективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта, является «аффект», содержание которого раскрыто в диспозиции ч. 1 ст. 107 УК РФ. Характерной чертой объективной стороны рассматриваемого состава преступления выступает его совершение исключительно путем активных действий. При этом принципиально важным условием является установление факта, что указанные действия осуществлялись обвиняемым именно в состоянии аффекта. Юридически значимым обстоятельством выступает доказанность аффекта у обвиняемого в момент совершения преступления, что автоматически влечет применение специального состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ.

Рассматривая вопрос о форме вины состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, считаем, что умысел при совершении убийства в состоянии аффекта может быть, как прямым, так и косвенным. Нельзя согласиться с теми авторами, которые предлагают исключать косвенный умысел на убийство в состоянии аффекта, поскольку в состоянии аффекта виновный может не в полной мере осознавать характер совершаемых им действий, а значит нельзя исключать безразличного отношения к наступлению смерти потерпевшего.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Непомнящая, Т. В. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для бакалавров. / под ред. Непомнящая Т. В., Гринберг М. С. — М.: Проспект. 2020. — 448 с.
3. Бугаев, В. А., Мельников, Д. В. Особенности квалификации убийства в состоянии аффекта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2018. — № 4(70). — С. 213–216.

4. Шель Ю. А. Убийство в состоянии аффекта // Законность. — 2015. — № 2. — С. 56–58.
5. Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан по делу № 1–467/2017 от 19 октября 2017 года // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/545715.html> (дата обращения: 07.07.2025).
6. Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 1–409/2017 от 19 августа 2017 года // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/456160.html> (дата обращения: 07.07.2025).
7. Алимova, Э. Р. Убийство в состоянии аффекта: проблемы учета особенностей субъективной стороны // Актуальные вопросы противодействия преступности с учетом специфики северного региона. — 2022. — С. 4–8.
8. Тухбатуллин, Р. Р. Субъект и субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии аффекта // Российский следователь. — 2014. — № 8. — С. 26–30.
9. Жданов, Н. С. Субъективные признаки убийства, совершенного в состоянии аффекта / Н. С. Жданов. Текст: неопосредствованный // Молодой ученый. — 2018. — № 17 (203). — С. 233–236.

Специфика уголовной ответственности медицинских работников в РФ

Коробов Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Темой статьи является рассмотрение ключевых аспектов уголовной ответственности медицинских работников, выявление особенностей ее применения и анализ проблемных вопросов, возникающих в правоприменительной практике. Уголовная ответственность медицинских работников представляет собой особую область, требующую подробного понимания как правовых норм, так и специфики медицинской деятельности. В силу особой роли медицинских работников в обществе, их профессиональные действия регулируются не только общеуголовными нормами, но и специальными положениями, учитывающими особенности медицинской деятельности.

Ключевые слова: ответственность медицинских работников, уголовная ответственность, преступления в здравоохранении, медицинская ошибка

Уголовная ответственность в общем понимании представляет собой юридическую ответственность, наступающую за совершение преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Для медицинских работников, как и для любого другого гражданина, действует принцип равенства перед законом, означающий, что они несут ответственность за совершение преступлений на общих основаниях. Однако, в силу специфики их профессиональной деятельности, ряд статей Уголовного кодекса имеет особое значение для медицинских работников.

Ключевыми элементами состава уголовного преступления являются:

Объект преступления: здесь подразумеваются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым причинен или мог быть причинен вред. В случае с медицинскими работниками, объектом преступления часто выступает жизнь и здоровье пациента.

Объективная сторона представляет внешнее проявление преступления, включающее деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия и причинно-следственную связь между деянием и последствиями. Для медицинских работников важным аспектом является установление связи между действиями (или бездействием) и наступившим вредом для здоровья пациента.

Субъект преступления — подразумевается лицо, совершившее преступление, достигшее возраста уголовной

ответственности и вменяемое. В случае с медицинскими работниками, субъектом преступления является лицо, имеющее медицинское образование и осуществляющее профессиональную деятельность.

Субъективная сторона как внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию, включающее вину (умысел или неосторожность), мотив и цель. Вина является обязательным элементом состава преступления, и ее установление имеет решающее значение для квалификации действий медицинского работника.

В Уголовном кодексе Российской Федерации [1] отсутствуют отдельные статьи, предназначенные исключительно для медицинских работников. Однако ряд статей, таких как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ) и незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ), имеют особое значение для медицинской практики.

Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) [1]: эти статьи применяются в случаях, когда смерть или тяжкий вред здоровью пациента наступили в результате ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей. Ключевым аспектом является установление причинно-следственной связи между действиями (или

бездействием) врача и наступившими последствиями. При этом необходимо доказать, что медицинский работник предвидел возможность наступления таких последствий, но самонадеянно рассчитывал на их предотвращение, либо не предвидел возможности наступления таких последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть.

Неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ) [1]: эта статья предусматривает ответственность за неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, тяжкого вреда здоровью или смерть. Для привлечения к ответственности по данной статье необходимо установить, что медицинский работник имел возможность оказать помощь, но не сделал этого без уважительных причин [8].

Незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ) [1]: данная статья предусматривает ответственность за незаконное производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. При этом необходимо учитывать, что прерывание беременности по медицинским показаниям, осуществляемое в установленном порядке, не является незаконным абортom.

Уголовный кодекс РФ также предусматривает ряд обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые могут иметь особое значение для медицинской практики. К таким обстоятельствам относятся:

— Необходимая оборона (ст. 37 УК РФ): медицинский работник вправе причинить вред посягающему лицу, если это необходимо для защиты себя или других лиц от общественно опасного посягательства.

— Крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ): медицинский работник вправе причинить вред охраняемым уголовным законом интересам для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости. Например, проведение операции без согласия пациента в случае угрозы его жизни.

— Обоснованный риск (ст. 41 УК РФ): медицинский работник вправе совершить действия, связанные с риском для здоровья пациента, если это необходимо для достижения общественно полезной цели и риск оправдан. При этом необходимо учитывать, что риск не может быть признан обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия [6].

— Исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ): Медицинский работник не подлежит уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уго-

ловным законом интересам при исполнении обязательного для него приказа или распоряжения. Однако, это правило не действует, если приказ или распоряжение были заведомо незаконными.

Квалификация преступлений, совершаемых медицинскими работниками, обычно представляет собой довольно сложную задачу, требующую учета множества факторов [4]. Одной из основных проблем является установление причинно-следственной связи между действиями (или бездействием) врача и наступившими последствиями. В ряде случаев бывает сложно определить, явились ли действия врача непосредственной причиной вреда здоровью пациента, или же вред был вызван другими факторами, такими как тяжесть заболевания, индивидуальные особенности организма и т. д.

Другой проблемой является определение вины медицинского работника [7]. Для привлечения к уголовной ответственности необходимо доказать, что врач проявил небрежность или халатность при исполнении своих профессиональных обязанностей. Однако, определить, что именно следует считать небрежностью или халатностью в конкретной ситуации, бывает весьма сложно.

Также возникают вопросы при квалификации действий медицинских работников, связанных с применением новых методов лечения и диагностики [5]. В таких случаях необходимо учитывать, насколько обоснованным был риск, связанный с применением новых методов, и были ли соблюдены все необходимые меры предосторожности.

Совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей медицинскую деятельность. Трудно спорить с тем, что необходимо разработать более четкие и конкретные правила и стандарты оказания медицинской помощи, чтобы избежать разночтений и ошибок при квалификации действий медицинских работников. Также следует создать эффективную систему контроля за качеством оказания медицинской помощи, которая позволит выявлять и предотвращать нарушения прав пациентов.

Было бы весьма желательно создание специализированных экспертных учреждений для проведения судебно-медицинских экспертиз по делам, связанным с медицинской деятельностью. Необходимо создать специализированные экспертные учреждения, которые будут обладать достаточной квалификацией и опытом для проведения судебно-медицинских экспертиз по делам, связанным с медицинской деятельностью.

В заключение следует отметить, что уголовная ответственность медицинских работников является важным инструментом защиты прав пациентов и обеспечения высокого качества медицинской помощи. Однако, ее применение должно быть основано на строгом соблюдении принципов законности, справедливости и гуманизма. Необходимо постоянно совершенствовать нормативно-правовую базу и правоприменительную практику в этой области, чтобы обеспечить эффективную защиту прав пациентов и медицинских работников.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета, N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
2. Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724; 2013. — № 52. — (Ч. 1). — Ст. 6951.
3. Приказ Минздравсоцразвития России от 15.05.2012 N 543н (ред. от 27.03.2019). Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению // КонсультантПлюс.
4. Саяпина, С. М. Врачебная ошибка или правонарушение: о практике подмены понятий / С. М. Саяпина // Health and Social Care Journal. — 2019. — № 2 (9). — С. 37–61.
5. Пивень Д. В. Контроль качества и безопасности медицинской деятельности: моногр. / Д. В. Пивень, И. С. Кицул; Иркут. гос. мед. акад. последиплом. образования. — М.: Менеджер здравоохранения, 2021. — 171 с.
6. Данилов Е. О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5 (126).
7. Внукова В. А. Проблемы применения юридической ответственности в сфере здравоохранения // Медицинское право. — 2018. — № 4. — С. 18–23.
8. Гнатюк, О. П. Качество медицинской помощи. Врачебные ошибки и профессиональные правонарушения / О. П. Гнатюк // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. — 2016. — № 1. — С. 21–27.

К вопросу о предмете договора строительного подряда

Левенкова Алёна Евгеньевна, студент
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Настоящая статья посвящена проблеме отсутствия единого подхода определения предмета договора строительного подряда. Анализируются научные работы и судебная практика по данному вопросу, предлагаются пути по совершенствованию российского законодательства в рассматриваемой сфере отношений.

Ключевые слова: существенные условия договора строительного подряда, предмет договора строительного подряда, признание договора строительного подряда незаключенным.

On the subject of the construction contract

Levenkova Alyona Yevgenyevna, student
Leningrad State University named after A. S. Pushkin

This article is devoted to the problem of the lack of a unified approach to determining the subject of a construction contract. The article analyzes scientific papers and judicial practice on this issue, and suggests ways to improve Russian legislation in this area of relations.

Keywords: essential terms of the construction contract, the subject of the construction contract, recognition of the construction contract as not concluded.

Современное общество невозможно представить без такой материальной отрасли как строительство. На протяжении многих веков строительство служило важнейшим инструментом для достижения общественно полезных целей, обеспечивая население жильем и необходимой инфраструктурой, а государство и бизнес — объектами промышленного, добывающего, стратегического и производственного назначения, необходимыми для экономического развития. Основным соглашением на правовом уровне, регулирующим строительные от-

ношения является договор строительного подряда. Его значимость обусловлена экономической значимостью строительной деятельности и высокой степенью ответственности за качество и безопасность возводимых объектов.

Бесспорно, предмет договора относится к числу существенных условий, однако определение предмета договора строительного подряда является предметом продолжительных дискуссий в юридической доктрине. Игнорирование необходимости согласования суще-

ственных условий договора строительного подряда влечет наступление неблагоприятных правовых последствий для сторон, поскольку именно эти условия имеют принципиальное значение для достижения целей, преследуемых при заключении контракта.

Гражданским законодательством установлено, что «договор строительного подряда заключается на строительство или реконструкцию предприятия, здания (в том числе жилого дома), сооружения или иного объекта, а также на выполнение монтажных, пусконаладочных и иных неразрывно связанных со строящимся объектом работ» [1].

А. С. Михалева в своей научной работе о предмете договора строительного подряда отмечает: «Предмет договора должен быть сформулирован сторонами с той степенью определенности, которая позволяет индивидуализировать объект порождаемых договором обязательств. Невозможность такой индивидуализации, а именно неопределенность или неопределенность предмета договора, может повлечь невозможность его исполнения» [2, с. 177].

К сожалению, в юридической литературе нет единообразия в определении предмета рассматриваемого договора. Многие авторы определяют договор строительного подряда по-разному, что связано с многогранностью природы самого договора, включающего элементы гражданского права, строительной деятельности, подрядных отношений и технического регулирования.

В частности, Н. В. Черная определяет предмет рассматриваемого договора как: «Результат деятельности подрядчика, выраженный в конкретной материальной форме» [3, с. 43]. В противовес указанной позиции, Е. А. Суханов утверждает, что «предмет договора строительного подряда составляет сам строительный процесс, то есть обоюдные действия подрядчика и заказчика» [4, с. 973]. Приверженцы третьей точки зрения рассматривают предмет договора подряда как комплекс, включающий и материальный и правовой компоненты. Под материальным компонентом, соответственно, понимается результат выполненных работ, в то время как правовой компонент охватывает деятельность сторон в ходе исполнения договорных обязательств.

Отсутствует унифицированный подход по поводу предмета договора строительного подряда и в судебной практике. Суды выделяют либо объект строительства, либо сами строительные работы. Первый подход исходит из содержания п. 1 ст. 741 ГК РФ, согласно которой: «Риск случайной гибели или случайного повреждения объекта строительства, составляющего предмет договора строительного подряда, до приемки этого объекта заказчиком несет подрядчик» [1]. Несмотря на то, что данная позиция находит свое отражение в нормах гражданского права, она подвергается обоснованной критике в научной литературе. Так, например, О. Г. Ершов отмечает, что «признание предметом договора строительного подряда объекта строительства приведет к отождествлению этого договора с договором купли-продажи. В то же время в отличие от купли-продажи нормы о строительном подряде

направлены на регулирование отношений, связанных не только с передачей готового объекта строительства, но и с выполнением работ. Строительные работы также не могут признаваться предметом договора строительного подряда, поскольку в таком случае последний будет отождествлен с договором возмездного оказания услуг, который не предполагает наличие материального результата» [5, с. 103].

Помимо этого, А. В. Бежан и А. С. Киракосян подчеркивают, что «наибольшее распространение получила теория «сложного предмета», согласно которой предмет договора состоит из двух элементов: работ (процесса их выполнения) и результата работ (овеществленного объекта)» [6, с. 30]. Представляется, что позиция ученых-правоведов, поддерживающих интегративный подход, является наиболее практически значимой и комплексной по сравнению с ранее упомянутыми точками зрения, поскольку она объединяет противоположные взгляды, четко демонстрируя специфические характеристики договора строительного подряда.

В науке также отмечается, что предмет договора строительного подряда раскрывается в технической документации и, следовательно, условие о предмете считается определенным после согласования сторонами технической документации, которая подготовлена в порядке, установленном законодательством. В судебной практике также отсутствует единое мнение относительно причисления технической документации к существенным условиям договора строительного подряда. Важно иметь в виду, что отсутствие согласованной технической документации осложняет разрешение конфликтов в суде о качестве и объеме выполненных работ, кроме того, несогласование условия о предмете в указанном виде влечет признание договора незаключенным.

Так, например, в Постановлении Седьмого Арбитражного Апелляционного суда города Томск от 5 ноября 2024 г. по делу № А67–11865/2022 сказано: «силу статей 702, 708, 740 Гражданского кодекса Российской Федерации существенными условиями договора строительного подряда являются предмет договора, начальный и конечный сроки выполнения работ, стоимость работ и содержание технической документации» [7].

Между тем, отсутствие утвержденной технической документации не является безусловным основанием для признания договора незаключенным. В п. 5 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» указано: «Если заказчик ознакомлен с типовым проектом объекта, то можно считать, что предмет договора сторонами согласован» [8]. Следовательно, основываясь на вышеизложенном, необходимо признать, что техническая документация не является существенным условием договора строительного подряда.

Отношения в области строительного подряда характеризуются сложной многоуровневой структурой договорных связей, включающей как основные обязательства сторон, так и дополнительные соглашения с субподрядчи-

ками и иными участниками. Учитывая высокую значимость строительной отрасли для экономики нашей страны, возникает необходимость в совершенствовании правового регулирования отношений строительного подряда. Обширная судебная практика по изучаемому договору выявила недостатки действующего законодательства, которые, прежде всего, проявляются в различном применении правовых норм участниками правоотношений по договору строительного подряда. Помимо этого, отсутствие единообразной судебной практики по данным вопросам требует дальнейшей унификации и систематизации законодательства.

Таким образом, можно констатировать отсутствие единого подхода в отношении определения предмета договора строительного подряда как в научных исследованиях, так и в судебной практике. Устранение противоречий в понимании предмета договора строительного подряда безусловно является актуальным вопросом. Одним из возможных путей разрешения противоречий в обсуждаемом вопросе могла бы стать унификация подхода к содержанию предмета договора строительного подряда, что позволило бы снизить вероятность признания таких договоров незаключенными по причине отсутствия согласования одного из ключевых условий — предмета договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14 — ФЗ (ред. от 13.12.2024 г. № 459 — ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Михалева А. С. Предмет договора строительного подряда в российском гражданском праве / А. С. Михалева. — Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 177–180.
3. Черная Н. В. Объект незавершенного строительства как предмет договора строительного подряда // Юридический мир. — 2010. — № 11. — С. 42–45.
4. Суханов Е. А. Гражданское право. Обязательственное право: Учебник. М.: Волтерс Клувер, — 2018. — 1208 с.
5. Ершов О. Г. Предмет договора подряда на выполнение проектных работ в строительстве / О. Г. Ершов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 4. — С. 98–106.
6. Бежан А. В., Киракосян С. А. Заключение договора строительного подряда на выгодных условиях // Юрист. — 2014. — № 1. — С. 30–41.
7. Постановлении Седьмого Арбитражного Апелляционного суда города Томск от 5 ноября 2024 г. по делу № А67–11865/2022. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Проблемы правового регулирования мультимедийных продуктов

Листвин Даниил Владимирович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальное право, авторское право, мультимедийный продукт.

Современная цифровая эпоха характеризуется стремительным развитием новых технологий, и как следствие новых форм культурного обмена, среди которых особое место занимают мультимедийные продукты. Их повсеместное распространение и возрастающая экономическая значимость актуализируют вопросы правового регулирования данной сферы. Однако отсутствие четкой законодательной дефиниции и единообразного понимания правовой природы мультимедийных продуктов создают существенные сложности как для авторов, так и для правоприменительной практики.

Исторически термин «мультимедиа» появился в 1970-х годах и первоначально применялся к традиционным сред-

ствам информации — печатным изданиям, телевизионным передачам и другим медиаформатам. В работах И. Вернер отмечается, что изначально под мультимедиа понималась совокупность средств для обработки и представления информации различных типов [1, с. 5]. С развитием компьютерных технологий это понятие претерпело существенную трансформацию, включив в себя цифровые формы интеграции текстовых, аудиальных и визуальных компонентов.

Современные исследователи определяют мультимедиа как сложный технологический синтез различных форм представления информации (текста, звука, статичных и динамичных изображений, анимации), реализуемый по-

средством компьютерных систем. Особое значение в этом контексте приобретает интерактивный характер взаимодействия пользователя с таким контентом, что принципиально отличает мультимедийные продукты от традиционных форм творческого выражения [2, с. 1].

Правовое регулирование мультимедийных продуктов сталкивается с существенными сложностями, обусловленными отсутствием четкой законодательной дефиниции. Российское гражданское законодательство, упоминая «мультимедийный продукт» в ст. 1240 ГК РФ, ограничивается лишь указанием на его сложный состав как продукта интеллектуальной деятельности, не раскрывая его содержания. Такой законодательный пробел создает значительные проблемы правоприменительной практики, что подтверждается анализом судебных решений. В качестве примера можно привести судебное решение, в котором в качестве мультимедийного продукта рассматривается не результат интеллектуальной деятельности, а носитель, на котором выражен данный результат [3].

Анализ зарубежного опыта также демонстрирует отсутствие единого подхода к квалификации таких объектов. В странах общего права (США, Великобритания) преобладает тенденция к отнесению мультимедийных продуктов к аудиовизуальным произведениям. В то же время в континентальной системе права (Франция, Германия) прослеживается более дифференцированный подход, учитывающий специфику конкретного продукта. Особый интерес представляет японская практика, где Верховный суд занял компромиссную позицию, признав мультимедийные продукты особым видом кинематографических произведений [4, с. 17–18].

Таким образом, явно прослеживается проблема отсутствия единого понимания правовой природы, и как следствие отсутствие законодательного определения мультимедийного продукта как в отечественной, так и в зарубежной практике.

Следующей немаловажной проблемой следует выделить вопрос: является мультимедийный продукт самостоятельным объектом авторского права, или он подпадает под уже существующие категории? Ключевой проблемой является определение творческого характера мультимедийных продуктов как объектов авторского права. В соответствии со ст. 1257 ГК РФ, творческий характер произведения определяется по наличию особых признаков деятельности по его созданию: самостоятельности, независимости и достаточной свободы творческого процесса [5]. Применительно к мультимедийным продуктам это требование вызывает особые сложности ввиду их комплексной природы.

Хотя отдельные разновидности мультимедийных продуктов (например, компьютерные игры) безусловно обла-

дают признаками произведений искусства, другие виды (деловые приложения, электронные справочники) скорее соответствуют критериям программ для ЭВМ. Это обуславливает необходимость дифференцированного подхода к их правовой квалификации, учитывающего как творческую составляющую, так и функциональное назначение конкретного продукта.

Также дискуссионным остается вопрос терминологического оформления рассматриваемого явления. Понятия «мультимедийный продукт» и «мультимедийное произведение» отражают различные аспекты правовой природы данных объектов. Первый термин подчеркивает их технико-экономические характеристики, второй — творческую составляющую. В работах И. Стаматуди обосновывается предпочтительность термина «продукт», поскольку данный термин лучше отражает коммерческий потенциал и технологическую природу данных объектов [4, с. 49–50].

Что же касается самого понятия мультимедийного продукта, научные определения мультимедийных продуктов варьируются от акцента на их технической составляющей до признания принципиально новых качеств цифровых творческих произведений [6, с. 19–35; 7 с. 61]. Такое разнообразие подходов свидетельствует о сложности и многогранности рассматриваемого феномена, а также о необходимости разработки комплексного понятийного аппарата.

Современная правовая доктрина стоит перед необходимостью разработки комплексного подхода к регулированию мультимедийных продуктов. Такой подход должен учитывать:

1. Технологическую специфику;
2. Творческую природу;
3. Экономическое значение;
4. Особенности создания и использования.

Особое внимание следует уделить:

1. Четкому законодательному определению мультимедийного продукта;
2. Разработке критериев их охраноспособности;
3. Механизмам защиты прав авторов;
4. Особенности распоряжения исключительными правами.

Мультимедийные продукты представляют собой принципиально новое явление в сфере интеллектуальной собственности, сочетающее в себе творческие и технологические компоненты. Их правовое регулирование требует комплексного подхода, учитывающего как традиционные принципы авторского права, так и специфику цифровой среды. Решение этой задачи предполагает дальнейшие теоретические исследования и совершенствование законодательной базы, направленные на создание сбалансированного правового режима, способствующего развитию цифрового творчества и инноваций.

Литература:

1. Вернер И. Всё о мультимедиа. — Киев: BHV, 1996. — 320 с.
2. Шлыкова О. В. Культура мультимедиа: учеб. пособие. — М.: ФАИР, 2004. — 416 с.

3. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2010 по делу № А41–6117/09 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Котенко Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: дис.... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 187 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // СЗ РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
6. Подшибихин Л., Леонтьев К. Продукты мультимедиа: правовые проблемы // Интеллектуальная собственность. — 2002. — № 9. — С. 19–35.
7. Годра Ф. Правовой режим произведения мультимедиа // Интеллектуальная собственность. Авторское право. — 2002. — № 6. — С. 61–68.

Понятие и признаки мультимедийного продукта

Листвин Даниил Владимирович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальное право, авторское право, мультимедийный продукт.

Мультимедийные продукты, обладая специфическими признаками, занимают особое место среди объектов авторского права. В работе К. Д. Савицкой «Признаки мультимедийного произведения» приведен перечень наиболее встречающихся в научной литературе признаков мультимедийного продукта [1, с. 124–128]. Целью данной статьи является анализ данного перечня и выделение ключевых признаков мультимедийного продукта. Определение ключевых признаков даст возможность предложить понятие мультимедийного продукта.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие признаки мультимедийного продукта:

- интерактивность;
- наличие в структуре совокупности нескольких результатов интеллектуальной деятельности;
- сложность;
- цифровая форма;
- виртуальность;
- наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода);
- предоставление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред;
- наличие нескольких сюжетных линий;
- художественный дизайн интерфейса и средств навигации;
- воплощение на материальных носителях;
- необходимость использования специальных технических устройств для работы с мультимедийным произведением.

Интерактивность является определяющей характеристикой мультимедийного произведения, отличающей его от традиционных аудиовизуальных объектов. Данный признак предполагает двустороннее взаимодействие пользователя с системой, при котором действия пользователя изменяют контент в реальном времени. Именно интерактивность обеспечивает уни-

кальность мультимедийного продукта, делая его динамичным и адаптивным.

Следующим рассматриваемым признаком будет являться наличие в структуре совокупности нескольких результатов интеллектуальной деятельности, который означает, что мультимедийный продукт представляет собой сложный объект, объединяющий различные формы контента (текст, графику, звук, программный код). Данный признак нельзя назвать ключевым, поскольку не каждый мультимедийный продукт обладает данным признаком. Например, электронные энциклопедии или учебники могут быть относительно простыми по структуре, оставаясь при этом мультимедийными [2, с. 86].

Следующей группой рассматриваемых признаков является группа, объединяющая признаки, связанные с особой электронной формой мультимедийного продукта. К данной группе признаков следует отнести виртуальность, электронную форму, необходимость использования специальных технических устройств для работы с мультимедийным произведением и наличие в структуре компьютерной программы. В современном мире виртуальность рассматривается в её компьютерном понимании и обладает следующими характеристиками: содержательная (как свойства идеального объекта, означающего создание с помощью компьютерных технологий имитации объективной реальности или отображения мира, вымышленного автором) и формально-юридическая (определяющая выражение результата интеллектуальной деятельности в электронной (цифровой) форме и возможность его функционирования с помощью компьютерных устройств) [3, с. 65–66]. Данную группу признаков следует отнести к ключевым признакам мультимедийного продукта, поскольку вне электронной формы мультимедийный продукт существовать не может. Так или иначе, каждый мультимедийный продукт содержит в себе программный код, который может восприниматься

пользователем лишь посредством специальных технических устройств. С точки зрения автора, конкретизация каждого из признаков данной группы является излишней. Таким образом, данную группу признаков можно объединить в один признак, а именно признак электронной формы мультимедийного продукта.

Следующей группой признаков, с точки зрения автора, следует отнести к второстепенным признакам мультимедийного продукта. Например, такие признаки, как, предоставление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред и наличие нескольких сюжетных линий, характерны лишь для мультимедийных продуктов, которые одновременно являются сложными объектами авторского права. Но, как уже было указано, не каждый мультимедийный продукт является сложным объектом. Например, классическое приложение для бизнеса, чаще всего, не будет обладать данными признаками, но все еще будет являться мультимедийным продуктом. Признак художественного дизайна интерфейса, также не является обязательным, поскольку встречается лишь в отдельных видах мультимедийных продуктов. Что же касается такого признака, как воплощение мультимедийного продукта на материальных носителях, данный признак потерял свою актуальность с развитием информационных технологий. В настоящее время этот признак нельзя назвать важнейшим, поскольку подавляющее большинство мультимедийных продуктов в современном мире размещается

на электронных площадках сети Интернет, а не переносятся на флешках и дискетах.

В результате анализа были выделены следующие ключевые характеристики мультимедийного произведения:

1) мультимедийный продукт существует только в электронной (цифровой) форме и не может существовать вне виртуальной реальности;

2) мультимедийный продукт обязательно должен обладать признаком интерактивности, то есть обеспечивать возможность пользователя взаимодействовать с его элементами;

3) для обеспечения возможности пользователя взаимодействовать с мультимедийным продуктом используются специальные технические устройства и наличие в составе мультимедийного произведения компьютерных программ (оригинального программного кода), без которых мультимедийный продукт не может существовать вовсе.

Исходя из проанализированных признаков мультимедийного продукта, возможно предложить следующее его понятие: мультимедийным продуктом является выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем. В данном понятии упоминаются важнейшие признаки изучаемого явления, раскрывая его содержание что позволяет отличить мультимедийный продукт от иных результатов интеллектуальной деятельности.

Литература:

1. Савицкая К. Д. Признаки мультимедийного произведения // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. D. — 2022. — № 12. — С. 124–128.
2. Копылов А. Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. — 2022. — № 6. — С. 86–95.
3. Котенко Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: дис.... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 187 с.

Правовая природа брачного договора

Листвин Даниил Владимирович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: правовая природа, сделочная природа, брак, брачный договор.

Правовая природа такой договорной конструкции, как брачный договор, до сих пор не ясна. Большинство авторов склонны полагать, что брачный договор следует относить к институту сделкой и, следовательно, признавать такую договорную конструкцию сделкой, на которую распространяются общие положения о сделках. Полагаем, что для определения того, является ли брачный договор гражданско-правовой сделкой, необходимо ис-

ходить из самого понятия сделки и анализа брачного договора на наличие признаков сделки.

Как известно, сделка представляет собой волеизъявление или несколько волеизъявлений, то есть выражение частной воли, направленной на то, чтобы вызвать правовое последствие [1, с. 127]. Выражение воли осуществляется путем произведения поведенческого акта и, кроме того, осуществляемый акт направлен на осуществление

определенной цели, достижения определенного результата. Иными словами, осуществляемый акт направлен на возникновение желаемых гражданско-правовых последствий.

Составляющими сделки являются два элемента: во-первых, это акт — конкретное действие, во-вторых, это определенная направленность на достижение конкретного результата.

Вернемся к брачному договору и рассмотрим его непосредственно в формате двусторонней сделки, которая представляет собой договор. Договор представляет собой двустороннее волеизъявление, направленное на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Как отмечается в доктрине: «по своей сути договор — это одна из самых типичных разновидностей сделок, особенность которой состоит в том, что для порождения соответствующего правового эффекта необходимо волеизъявление нескольких лиц». [2, с. 792].

Исходя из указанной выше доктринальной позиции и буквального толкования как закона (ст. 153 ГК РФ) и правоприменительной практики, брачный договор можно назвать гражданско-правовой сделкой. Как всякая сделка, брачный договор, являясь двусторонним соглашением, в главную очередь, имеет четкую цель (*causa*), выражаемую в определении режима имущества супругов.

Кроме того, в пользу гражданско-правовой природы брачного договора также указывают следующие аспекты. Во-первых, как указывает М. Г. Масевич «брачный договор должен соответствовать основным требованиям, предъявляемым к гражданско-правовым сделкам» [3, с. 301]. Кроме того, применение гражданского законодательства не противоречит семейным отношениям, в соответствии со ст. 4 СК РФ «... есть все основания, думается, для признания и брачного договора разновидностью гражданских договоров» [4, с. 122]. Во-вторых, применение правил о недействительности сделок к брачным договорам прямо допускается ст. 44 СК РФ. Нет причин возражать против возможности поставить брачный договор или его отдельные положения под отлагательное или отменительное условие по правилам ст. 157 ГК РФ.

Таким образом, проецируя на брачный договор доктрину гражданско-правовых сделок, совершенно очевидно, что данный институт по всем признакам подпадает под определение двусторонней сделки и, как следствие, гражданского договора. Однако возникает справедливый вопрос, если природа брачного договора так ясно выражена в форме гражданско-правовой сделки, то почему в науке ведутся споры касаясь его правовой природы?

Данная дискуссия имеет более глубокие корни, которые уходят в спор о самостоятельности семейного права как отрасли. Как отмечает Н. В. Багрова, «дискуссионность места семейного права, как уже было отмечено, оказывает влияние и на обоснование отраслевой принадлежности договоров, регулирующих имущественные отношения супругов. Правоведы, не признающие самостоятельность семейного права, расценивают природу

анализируемых договоров исключительно как гражданско-правовую» [5, с. 164].

В дальнейших параграфах будут рассмотрены аргументы исследователей, которые придерживаются разных позиций как о самостоятельности семейного права, так и о правовой природе брачного договора.

Итак, как утверждают некоторые исследователи, в частности, А. В. Слепакова, брачный договор представляет собой особое семейно-правовое соглашение. Свою позицию она обосновывает тем, что брачным договором также могут регулироваться алиментные и личные отношения [6, с. 275].

Аргументы в пользу семейно-правовой природы брачного договора высказываются такими исследователями как А. Е. Казанцева [7, с. 45], О. Н. Низамиева [8, с. 281]. Они отмечают особые требования к форме брачного договора, невозможность прекратить обязательства новацией или исполнением. Кроме того, невозможно использовать никакие способы обеспечения исполнения обязательств, кроме неустойки.

Говоря об алиментных отношениях супругов, следует отметить, что в брачный договор возможно включение положений о содержании супруга в браке и в случае его расторжения. Такой супруг не может самостоятельно осуществлять деятельность, приносящую ему достаточный для проживания доход. Иными словами, такое лицо, с точки зрения имущественных отношений, является экономически слабым лицом. К подобным отношениям могут относиться, например, выплата единовременной компенсации супругу или предоставление содержания ему на определенный срок (в браке, после расторжения брака до вступления в новый, достижения общим ребенком совершеннолетия, в течение пяти лет после развода).

Анализируя алиментные отношения супругов, безусловно, следует отметить некоторый родственный аспект, проявляющийся в заботе о супруге, однако, воспринимая супруга как экономическую единицу, нельзя в полной мере утверждать, что алиментные отношения лишены какой-либо гражданско-правовой природы и носят исключительно семейно-правовой характер. Вместе с тем, в брачный договор допускается включать такие положения как, например, ответственность за измену или оскорбления; запрет на написание мемуаров о совместной жизни; регулирование гражданства ребенка, его места жительства и установление размера расходов на него; определять раздел имущества в зависимости от пола рожденного ребенка.

Особенно любопытна практика по условиям, включаемым в брачный договор. Например, в зависимости от поведения супруги было поставлено разделение имущества на доли. В брачном договоре было предусмотрено условие о том, что имущество будет поделено на $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$ супруги и супруга соответственно, в том случае, если супруга будет вести себя недостойно [9]. Недостойным поведением по брачному договору считались такие действия как супружеская измена, пьянство, хулиганские действия.

Тем не менее, прослеживается взаимосвязь личных и имущественных отношений. Сама категория «недостойное поведение супруги» является оценочной категорией и касается личных взаимоотношений мужа и жены, хотя бы последствия данных отношений и распространяются на имущественную сферу отношений супругов. К примеру, насколько действия супруга являются недостойным поведением, какие его действия можно считать хулиганскими, что для другого супруга будет являться изменой, а что пьянством? Восприятие данного поведения является довольно субъективным со стороны супруга, и пределы недостойного поведения будут определяться разными супругами по-разному.

Похожие дела также были рассмотрены Вольским районным судом Саратовской области [10] и Темрюкским районным судом Краснодарского края [11]. В первом случае в зависимости от поведения супруга был поставлен переход права собственности на автомобиль. Измена супруга повлекла переход автомобиля в собственность жены. Во втором случае, в зависимости от поведения супруга была поставлена принадлежность квартиры. Из-за измены супруга и последующего расторжения брака, квартира осталась в собственности супруги.

Как уже было отмечено, некоторые условия имеют существенно личный характер, тем не менее, данные условия напрямую связаны с имущественными последствиями для

супругов. Например, условие о недостойном поведении, имеющее в качестве последствия переход права собственности на то или иное имущество, по своей природе является сделкой под отлагательным условием.

Возвращаясь к семейно-правовому соглашению, серьезным недостатком точки зрения о том, что брачный договор является институтом *sui generis*, представляющий собой семейно-правовое соглашение, является то, что четких критериев и признаков, позволяющих выделить семейно-правовое соглашение на фоне гражданско-правового соглашения, не выявлено. Ссылки на особый субъектный состав данных соглашений, особых отношений, которые регулирует такое соглашение, представляется, не являются достаточным аргументом в обоснование самостоятельности семейно-правовых соглашений. Более корректным представляется обозначить семейно-правовые соглашения не в качестве самостоятельного института, а гражданско-правовым соглашением со специально предусмотренными особенностями в интересах семейных отношений и субъектов таких отношений.

Безусловно, брачному договору присущи семейно-правовые аспекты, в части личных отношений супругов, однако это не означает, что брачный договор можно признать исключительно семейно-правовым соглашением, имеющим самостоятельную семейно-правовую природу, отличную от гражданско-правовой.

Литература:

1. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Том I, полутом 2: Введение и общая часть / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф; Перевод с 13-го немецкого издания проф. И. Б. Новицкого, кандидата юридических наук Г. Н. Полянской и В. А. Альтшулера; под редакцией, с предисловием и вводными замечаниями заслуженного деятеля науки проф. Д. М. Генкина и проф. И. Б. Новицкого. — М.: Издательство иностранной литературы, 1950. С. 127.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2017. С. 792.
3. Антокольская М. В. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / М. В. Антокольская [и др.]; отв. ред. И. М. Кузнецова // М.: Юристъ. 2000. С. 301.
4. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд. — Москва: Статут. 2020. С. 122.
5. Багрова Н. В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03 / Том. гос. ун-т. — Томск. С. 164.
6. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М., 2005. С. 275.
7. Казанцева А. Е. Брачный договор / А. Е. Казанцева // Информационный бюллетень Алтайской краевой нотариальной палаты. 1997. № 15. С. 45.
8. Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье / О. Н. Низамиева. — Казань: Таглитат, 2005. С. 281.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 декабря 2014 г. по делу № 33–40935/2014
10. Решение Вольского районного суда Саратовской области от 31 августа 2012 года по делу № 2–342/2012
11. Решение Темрюкского районного суда Краснодарского края от 21 ноября 2014 года по делу № 2–2399/2014

Самоубийство как организованное преступление: проблемы законодательной регламентации

Магомедгаджиева Патимат Муртазаалиевна, помощник судьи
Дорогомиловский районный суд г. Москвы

Данное исследование анализирует общественные отношения, нацеленные на защиту человеческой жизни, где она является главным объектом преступных посягательств. Многие исследователи подчёркивают необходимость особого внимания к интересам несовершеннолетних в этой сфере. Проблема самоубийств становится достаточно острой в России. Самоубийства совершают люди, чувствующие себя одинокими, уязвимыми и лишёнными поддержки. Их исчезновение может пройти незамеченным для окружающих. Стоит отметить, что среди ушедших из жизни были верующие, оставившие своё имущество религиозным объединениям. Внешнее проявление преступления, его объективная сторона, рассматривается через способ его совершения: активные действия лица, организующего деятельность, направленную на подстрекательство к суициду широкого круга лиц, преследуя при этом преступные цели. Организация такой деятельности предполагает использование как материальных, так и нематериальных ресурсов для достижения заранее определённых целей. Под «деятельностью» понимается осознанное влияние человека на окружающую среду для достижения конкретного результата. Организация деятельности, цель которой — склонение к суициду, определяется как любое обращение к окружающим, направленное на формирование суицидальных мыслей и намерений. В отличие от доведения до самоубийства, призыв к нему является открытым и не имеет конкретного адресата.

Ключевые слова: суицид, самоубийство, преступление, информационные технологии, сеть Интернет, объект преступления, организация деятельности, информация, склонение, воздействие, давление, пропаганда, онлайн-группы, виктим.

Suicide as an organized crime: problems of legislative regulation

Magomedgadzhieva Patimat Murtazaaliyevna, associate judge
Dorogomilovsky District Court of Moscow

This study analyzes social relations aimed at protecting human life, where it is the main object of criminal attacks. Many researchers emphasize the need for special attention to the interests of minors in this area. The problem of suicide is becoming quite acute in Russia. Suicides are committed by people who feel lonely, vulnerable and deprived of support. Their disappearance may go unnoticed by others. It is worth noting that among those who passed away were believers who left their property to religious associations. The external manifestation of a crime, its objective side, is considered through the method of its commission: the active actions of a person organizing activities aimed at inciting a wide range of people to suicide, while pursuing criminal goals.

The organization of such activities involves the use of both material and non-material resources to achieve predetermined goals. «Activity» is understood as a conscious human influence on the environment to achieve a specific result. Organization of activities aimed at inciting suicide is defined as any appeal to others aimed at forming suicidal thoughts and intentions. Unlike incitement to suicide, the call to suicide is open and has no specific addressee.

Keywords: suicide, crime, information technology, Internet, object of crime, organization of activity, information, inducement, influence, pressure, propaganda, online groups, victim.

Среди преступлений против жизни особое место занимают преступления суицидального характера. Действия, связанные с доведением до самоубийства, с подстрекательством к самоубийству и оказанием содействия в его совершении (110–110.2 УК РФ), являются очень опасными для общества. В частности, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, как преступление, обладающее высоким уровнем латентности, вызывает особую тревогу в обществе. Проблема суицида в России стоит особенно остро, особенно неблагоприятная динамика наблюдается среди несовершеннолетних, вызывая крайнее недоумение тем, что почему вполне в благоприятных семьях подростки решаются на столь ужасный шаг.

Группы виктимов образуются из социальных сирот, представителей различных религиозных сект, несовершеннолетних лиц, которые вовлекаются в процесс самоуничтожения посредством оказания различного рода воздействия, зачастую — через социальные сети. В этой связи статья 110.2 УК РФ является своевременной и социально — обусловленной реакцией и призванной защитить жизнь людей.

Вопросам уголовно-правового противодействия суициду и его различным формам уделяли внимание многие начинающие исследователи, включая М. А. Артамонову, А. М. Бычкову, Т. Н. Нуркаеву, Э. Л. Раднаеву, А. О. Семину, И. А. Семенцову и других.

За последние десять лет наблюдается тревожный рост суицидального поведения, включая попытки и случаи

суицида, в особенности среди молодёжи и подростков. А. В. Мещерякова и А. В. Цыкора в своём психолого-юридическом исследовании, посвящённом проблеме вовлечения несовершеннолетних в суицидальные действия, выделяют три формы такого склонения, среди которых первый тип суицидального поведения — это истинное самоубийство, определяемое намеренными поступками, направленными на лишение себя жизни, причинение значительного ущерба физическому состоянию, провоцирование рискованных обстоятельств, нередко протекающими на фоне депрессивного состояния, угнетённого расположения духа и тяжёлого психоэмоционального переживания. Второй тип — суицидальное поведение с целью демонстрации осознанного стремления обратить взоры людей, находящихся вокруг, на себя, на личные проблемы и эмоциональное состояние, будучи, по сути, криком о поддержке или формой манипуляции. Третий тип — скрытый суицид проявляется в завуалированном и закамуфлированном деструктивном поведении, представляющем собой опасное «заигрывание со смертью» [1, с. 138].

Психологи утверждают, что подростки с психологическими травмами, девочки с проблемами в социализации, одарённые дети и жертвы насилия особенно подвержены риску суицидального поведения. Часто к вовлечению юных пользователей в суицидальные онлайн-игры причастны сверстники из благополучных семей, демонстрирующие пренебрежение и жестокость по отношению к своим жертвам. Однако, в роли организаторов «групп смерти» чаще всего выступают взрослые с серьёзными психологическими проблемами, психическими расстройствами или сексуальными отклонениями, проблемами в социализации.

По информации, полученной в ходе журналистского расследования, около 130 несовершеннолетних стали жертвами онлайн-игры «Синий кит». Согласно информации, предоставленной Следственным комитетом Российской Федерации, количество подростковых самоубийств составило 720 случаев в 2016 году и 692 в 2017 году. За первые три квартала 2018 года эта цифра достигла 583 [2, с. 17].

Таким образом, в 2017 году в УК РФ появились статьи 110.1 и 110.2, устанавливающие ответственность за склонение к суициду и организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству. Общество осознало угрозу неправомерного использования информационных технологий, применяемых для психологического влияния с целью подталкивания к суициду, в особенности среди несовершеннолетних [3, с. 373]. Текущая ситуация во многом обусловлена активностью «групп смерти» в различных онлайн-сообществах. Новые формы преступлений против жизни оказывают разрушительное воздействие на детскую психику и деформируют их поведение.

Разработчики законопроекта, проанализировав опыт применения существующих законов, констатируют, что манипулирование подростками нередко совершается людьми, обладающими глубокими познаниями в детской психологии. Постепенное вовлечение в подобные группы и тщательно продуманная система задач, представляющая

собой некий обряд посвящения, вызывают «азарт» и заинтересованность несовершеннолетних, могут провоцировать суицидальные мысли или попытки самоубийства [4, с. 122, 123].

Родовым объектом преступления 110.2 УК РФ является совокупность общественных отношений, направленных на охрану личности. Видовой объект представляет систему общественных взаимосвязей, ориентированных на защиту здоровья и жизни граждан. Непосредственно в рассматриваемой норме объектом преступного действия выступает комплекс общественных отношений, нацеленных на обеспечение безопасности жизни. Следовательно, жизнь другого человека становится прямым и ключевым объектом противоправного деяния.

Внешнее проявление преступления, его объективная сторона, представленная способом реализации, в рассматриваемой норме проявляется как активное действие. Это физическая активность субъекта, который, преследуя преступные цели, занимается организацией действий, направленных на стимулирование у неопределённого числа людей суицидальных наклонностей. Организация деятельности включает в себя объединение как материальных, так и нематериальных активов для достижения заранее определённых целей.

Следует учитывать, что оценка степени опасности, исходящей от тех или иных действий, во многом зависит от индивидуального восприятия. В связи с этим, обсуждения по данному вопросу редко приводят к продуктивным выводам, особенно когда речь идёт о чувствительных темах, тесно связанных с религиозными, политическими убеждениями и эмоциональной сферой.

Ключевой особенностью выступает широкое распространение призывов и подстрекательств к суициду. Воздействие может быть направленным на конкретные группы риска или более широким, затрагивающим всю информационную среду — оба варианта рассматриваются как преступление, предусмотренное ст. 110.2 УК РФ. Важно, чтобы при таком давлении лица, испытывающие его, понимали смысл и последствия получаемой информации, и при этом были свободны в выборе своего поведения. Способность самостоятельно принять решение о лишении себя жизни зависит от возраста, степени развития и психологического состояния индивида. В противном случае, деяние подпадает под действие других статей закона.

Указанное деяние заключается в социально опасных и активных поступках, направленных на то, чтобы подтолкнуть индивида к суицидальному исходу. Создание подобной активности предполагает распространение данных о способах добровольного ухода из жизни и явные побуждения к его осуществлению, то есть донесение сведений о самоуничтожении до неопределённого круга лиц.

Интерес представляет определение момента окончания преступления. И по этому поводу А. Э. Велиев указывал, что преступление считается завершённым, когда предприняты активные шаги, нацеленные на распростра-

нение: а) сведений о методах лишения себя жизни; б) побуждений к самоубийству [5, с. 116].

Е. В. Авдеева отмечает специфичность объективной стороны преступления в ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, которая выражена в распространении сведений о способах совершения самоубийства или в подстрекательстве к нему [6, с. 18]. Преступление признается оконченным, когда приняты целенаправленные действия по распространению сведений о методах лишения себя жизни или подстрекательству к его совершению.

С другой стороны, Н. А. Егорова [7, с. 11] пишет: «наказуемой в ч. 1 ст. 110.2 УК РФ признается только организация такой деятельности, но не сама эта деятельность». Похожую мысль высказывает и О. В. Артюшина, по мнению которой «не всякий факт распространения соответствующей информации и (или) призыва может быть оценён как соответствующая организация деятельности. Для привлечения к ответственности необходимо установить наличие признаков, присущих именно организационной деятельности» [8, с. 86]. Особенность преступления, в котором происходит склонение к суициду, заключается в отсутствии прямого физического воздействия; оно происходит через психологическое воздействие, такое как манипулирование, введение в заблуждение и создание атмосферы страха. Распространение сведений о способах лишения себя жизни может осуществляться посредством открытой демонстрации материалов (видеороликов, изображений, музыкальных композиций и т. п.) в медиaproстранстве или на интернет-ресурсах. Подстрекательство к суициду может быть реализовано через проведение агитационных мероприятий, публичные выступления и другие подобные формы активности.

«Критерии оценки информации о способах самоубийства и призывах к самоубийству» необходимы для принятия решений о включении доменных имён, указателей страниц сайтов и сетевых адресов в Единый реестр, и являются основаниями для такого включения [9].

При анализе контента, содержащего суицидальные наклонности, применяются определенные параметры: непосредственное подталкивание к уходу из жизни, оформленное как совет, мольба или директива; изображение суицида как способа разрешения трудной проблемы; положительное восприятие или одобрение самоубийства, действий, приводящих к нему, или планов его совершения, а также пропаганда суицида; наличие доводов, подталкивающих к самоубийству, включая завуалированные стимулы, способные повлиять на выбор в пользу самоубийства. Это может выражаться в наглядных иллюстрациях, восхваляющих суицидальные поступки других, или в заявлениях о выгодах, которые обрели те, кто совершил самоубийство, представляя его как адекватное и рациональное решение.

Субъективная сторона преступления выражена в виде прямого умысла. Преступное лицо осознает, что подталкивает или помогает другому человеку лишить себя жизни, и желает наступления его смерти. При оценке ор-

ганизации деятельности, побуждающей к самоубийству (ст. 110.2 УК РФ), в особенности при склонении к нему (ст. 110.1 УК РФ), ключевым фактором является целенаправленность намерения виновного. В частности, в соответствующих критериях, к подобным действиям относят, например, призывы, уговоры или приказы совершить самоубийство, указание на суицид как способ разрешения проблем, одобрение самоубийства, предоставление аргументов в пользу суицида и т. п. В таких обстоятельствах сложно представить, что отсутствует намерение спровоцировать самоубийство, поэтому подобная форма мотивации к суициду по праву считается противозаконной и представляет угрозу для общества.

Субъектом данных преступлений выступает физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, вменяемое. Причины организации побуждения к самоубийству могут быть разнообразными, в том числе и деструктивное воздействие на молодёжь с экстремисткой идеологией преступного лица.

Признаком, отягчающим наказание в ст. 110.2 УК РФ, является то действие, которое связано с публичным высказыванием, показом «видеоролика» или видеообращения для публики, использованием СМИ или информационных сетей, включая интернет. В этом случае наказание предусматривает лишение свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с возможным лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до семи лет.

Для придания действиям широкой огласки используются такие методы, как публичные выступления, демонстрации, распространение информации и другие подобные способы. При этом решающим фактором является не количество людей, ознакомившихся с информацией, или число просмотров в интернете, а обеспечение открытости и доступности обращений и материалов для широкого круга лиц.

Когда в интернете происходит подстрекательство к самоубийству, онлайн-среда становится не просто средством связи между инициатором и жертвой, а катализатором, ускоряющим принятие рокового решения, создавая деформированное представление о реальности. Молодым людям внушают идею о «загробной жизни» как о «психоэнергетической» сущности в цифровом виде, что легко воспринимается современными подростками. Для поколения, выросшего в цифровой среде, такое представление о «продолжении» существования в интернете кажется вполне логичным. Утверждается, что после смерти человек проходит через «цифровую реинкарнацию» и навсегда становится частью сети. Также к совершению самоубийства могут привести унижающие человеческое достоинство видео, распространяемые в сети [10, с. 107].

В примечании к данной норме содержится на возможность освобождения от уголовной ответственности. «Лицо, совершившее преступление, статьёй 110.2 УК РФ, добровольно прекратившее соответствующую преступную деятельность и активно способствовавшее рас-

крытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Для установления причинно-следственной связи верная квалификация является затруднительной. Это позволяет отличить причину от простого повода — обстоятельства, предшествующего явлению и создающего благоприятные условия для его возникновения, но не являющегося его подлинным источником или решающим фактором.

М. Г. Макаров метко подметил, что причинно-следственная связь зиждется на принципе порождения. Причина, по его мнению, выступает определяющим фактором, который приводит к появлению (или предотвращению), а также к прекращению существования последствия. Данный постулат является основополагающим для всех прочих отличительных черт [11, с. 135].

Сложности в определении состава преступления могут возникнуть из-за пересечения новой формулировки статьи 110.2 Уголовного кодекса РФ с концепцией соучастия, так как определенные действия, например, склонение или материальное стимулирование к совершению преступного деяния, могут быть расценены как подстре-

кательство, а рекомендации и передача сведений — как оказание помощи.

При изучении признаков соучастия, имеющих значение для этой работы, необходимо подчеркнуть, что исследователи, например, М. А. Саблина, акцентируют внимание на таких чертах подстрекательства, как наличие намерения, конкретность адресата и цель вовлечения в противоправное действие. При планировании действий, имеющих целью побуждение к убийству, фактор адресности, по нашему мнению, отсутствует [12, с. 130].

Важно отметить, что законодатель обоснованно выделил в части 2 статьи 110.2 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления с использованием публичных выступлений, произведений, предназначенных для широкой аудитории, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Важной особенностью является широкое распространение пропаганды самоубийства и побуждение к его совершению. Воздействие может быть направлено как на определённые группы людей, так и на всё информационное пространство в целом. Оба варианта рассматриваются как нарушение закона, подпадающее под статью 110.2 УК РФ.

Литература:

1. Мещерякова, А. В. Выявление и пресечение деятельности лиц, склоняющих несовершеннолетних к суицидальному поведению с использованием сети Интернет // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 6. С. 137–143. С. 138.
2. Нуркаева, Т. Н. Спорные вопросы толкования нормы об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства / Т. Н. Нуркаева, М. А. Артамонова // Научный портал МВД России. 2020. № 2(50). С. 16–22. EDN LDHNE.
3. Семенцова, И. А. Проблемы уголовной ответственности за деяния, направленные на доведение до самоубийства через Интернет / И. А. Семенцова, Е. А. Федорова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 2. С. 372–378. EDN HQBTGO.
4. Левандовская, М. Г. Уголовно-правовая характеристика организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства / М. Г. Левандовская // Закон и право. 2019. № 9. С. 122–126. DOI 10.24411/2073–3313–2019–10419. EDN THWOOF.
5. Велиев, А. Э. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства: проблемы толкования и законодательной регламентации / А. Э. Велиев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2023. Т. 1, № 2(104). С. 116–126. DOI 10.51965/2076–7919_2023_1_2_116. EDN COLVGE.
6. Авдеева, Е. В. Новеллизация российского законодательства в сфере уголовно-правового обеспечения права на жизнь // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 18–21.
7. Егорова, Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека / Н. А. Егорова // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11–17. EDN UTCXOP.
8. Артюшина, О. В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 85–92.
9. Приказ Роскомнадзора от 27.02.2023 № 25 (ред. от 17.10.2024) «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих

идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.04.2023 № 73053) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.04.2023

10. Борков, В. Н. Уголовно-правовые и психологические аспекты побуждения к самоубийству / В. Н. Борков, О. А. Дизер // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 1(84). С. 106–112. DOI 10.24412/1999–6241–2021–184–106–112. EDN NNYUZX.
11. Макаров М. Г. Сложность и вариативность категорий диалектики. Л. 1988. С. 135.
12. Саблина, М. А. Подстрекательство: терминологический и квалификационный аспекты / М. А. Саблина // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 129–139. DOI 10.17323/2072–8166.2016.4.129.139. EDN XRJWCV

Правовые последствия генетических экспериментов: китайский и российский опыт

Магомедгаджиева Патимат Муртазаалиевна, помощник судьи
Дорогомиловский районный суд г. Москвы

В данной работе проводится анализ юридических аспектов, возникших в связи с экспериментом профессора Хэ Цзянькуя из Южного научно-технического университета SUSTech (Шэньчжэнь, Китай). Опираясь на китайские источники, рассматриваются вероятные уголовно-правовые меры, которые могут быть применены в связи с первым в истории случаем редактирования генома человека.

Китайские специалисты в области уголовного права в основном согласны с тем, что действия Хэ Цзянькуя являются незаконными и заслуживают наказания. Однако предлагаются различные квалификации совершенного деяния, такие как незаконная медицинская практика, подделка документов или мошенничество.

Автор статьи приходит к заключению, что правовые системы Китая и России не готовы к адекватному реагированию на противозаконные действия в области генетических технологий. В работе оценивается степень общественной опасности различных манипуляций с генами человека. К безусловно опасным для общества манипуляциям отнесены: 1) генетическое редактирование эмбриона с последующей имплантацией, когда родители не знают о вмешательстве и его возможных последствиях; 2) использование генной терапии или других форм трансгенеза на человеке без его ведома о сути процедур и их возможных последствиях.

Ключевые слова: генетика, общественная опасность, генетические технологии, этика, уголовное право, редактирование гена.

Legal consequences of genetic experiments: Chinese and Russian experiences

Magomedgadzhieva Patimat Murtazaaliyevna, associate judge
Dorogomilovsky District Court of Moscow

This paper analyzes the legal aspects of the experiment conducted by Professor He Jianqiu of Southern University of Science and Technology (SUSTech) in Shenzhen, China. Based on Chinese sources, it examines the potential criminal penalties that may be imposed in the first-ever case of human genome editing.

Chinese criminal law experts generally agree that He Jianqiu's actions are illegal and should be punished. However, various qualifications of the act are proposed, such as illegal medical practice, forgery of documents, or fraud. The author concludes that the legal systems of China and Russia are not ready to adequately respond to illegal actions in the field of genetic technologies.

The article assesses the degree of public danger posed by various manipulations with human genes. The following manipulations are considered to be particularly dangerous for society: 1) genetic editing of an embryo followed by implantation, when the parents are unaware of the intervention and its possible consequences; 2) the use of gene therapy or other forms of transgenesis on a human without the person's knowledge of the procedures or their potential consequences.

Keywords: genetics, public danger, genetic technologies, ethics, criminal law, gene editing.

Развитие молекулярной и синтетической биологии, генетики и биотехнологий вызвало необходимость правовой оценки рисков противоправных действий

с геномом человека и других организмов. Технологии редактирования генома, такие как CRISPR/Cas9, вышли за пределы лабораторий и используются в генной терапии

для лечения наследственных заболеваний, иммунодефицитов и других болезней, а также для создания невосприимчивости к вирусам. Ранее генная терапия ограничивалась точечным лечением и коррекцией последствий генетических заболеваний, но CRISPR/Cas9 позволяет редактировать ДНК с высокой точностью, предотвращая развитие тяжелых заболеваний на эмбриональной стадии [11, с. 8–10].

25 ноября 2018 года Хэ Цзянькуй объявил об успешном редактировании гена CCR5 в эмбрионах, чтобы предотвратить заражение ВИЧ. Он и его группа внедрила мутацию CCR5-Δ32 в хромосому, что препятствует присоединению вируса к Т-клеткам. Генетически отредактированные эмбрионы были имплантированы, в результате чего родились девочки-близнецы Нана и Лулу. Также сообщалось о еще одной беременности с отредактированным эмбрионом. Дэвид Балтимор назвал эксперимент безответственным и сигнализирующим о провале саморегулирования в научной деятельности [4, с. 24]. Хэ Цзянькуй не совершил научно-технического открытия, так как технология CRISPR [12, с. 413–424] и свойства мутации CCR5-Δ32 были известны ранее. Однако он первым реализовал рождение генетически модифицированных людей, нарушив принципы генетических исследований, установленные на Конференции по рекомбинантным технологиям 1975 года. Эта конференция ввела мораторий на генно-инженерные эксперименты из-за потенциальных рисков, а затем разрешила их возобновление при условии соблюдения строгих мер безопасности и отказа от практического использования результатов при отсутствии информации о рисках. Ограничения касались содержания и процедуры экспериментов, обеспечивая изоляцию биологических агентов в зависимости от уровня риска. Эксперимент Хэ Цзянькуя показал неэффективность саморегулирования в генной инженерии человека и устаревание асиломарских принципов. Это требует поиска новых сдерживающих мер, включая уголовно-правовое регулирование.

Китай является лидером в биомедицинских технологиях, связанных с генами человека, но имеет неразвитое законодательство в этой сфере. Отсутствие регулирования является фактором развития новых технологий. Постановление № 460 от 2003 года устанавливает этические принципы исследования эмбриональных стволовых клеток человека, запрещая репродуктивное клонирование, куплю-продажу гамет, оплодотворенных яйцеклеток, эмбрионов и тканей плода. Установлены нормы для исследований стволовых клеток: культивирование бластоцисты не более 14 дней, запрет на имплантацию в репродуктивную систему человека или животного, и запрет на сочетание зародышевых клеток человека с клетками других видов. В Китае применение технологий генного модифицирования, включая CRISPR, в отношении взрослых пациентов разрешено при согласии комитета по этике больницы и самого пациента (ст. 8–9 Постановления № 460). Простота согласования привела к более частому ис-

пользованию CRISPR-технологий в Китае, чем в других странах мира вместе взятых. Постановление № 460 КНР, как и другие нормативные акты, не устанавливает ответственности за нарушение, а является сводом правил профессиональной этики, основанным на правилах Асиломарской конференции. Из-за особенностей правовой системы КНР ведомственное регулирование имеет юридическую силу, равную закону [8, с. 44–45].

Нарушение Хэ Цзянькуем запрета на имплантацию генетически модифицированных эмбрионов выявило проблему отсутствия эффективного правового регулирования и контроля, что создает риск неправомерной модификации генов человека и других экспериментов, направленных на получение прибыли или известности. Китайское законодательство оказалось не готово как к контролю над подобными исследованиями, так и к привлечению к ответственности за нарушения. Хэ Цзянькуй, возможно, станет первым ученым, привлеченным к ответственности за создание генетически модифицированного человека. Он находится под домашним арестом и подвергается уголовному преследованию в Китае. Полная информация о предъявленном обвинении отсутствует из-за закрытости правоохранительной системы КНР, но на основе опубликованных материалов можно предположить возможную правовую оценку его дела. Хэ Цзянькуй может подозреваться в совершении преступления по ст. 336 УК КНР («Незаконная медицинская практика»). Данная статья предусматривает наказание за незаконное занятие врачебной практикой без статуса врача. Наказание варьируется: при отягчающих обстоятельствах — до 3 лет лишения свободы, ареста или надзора со штрафом; при серьезном вреде здоровью пациента — от 3 до 10 лет лишения свободы со штрафом; в случае смерти пациента — от 10 лет лишения свободы и выше со штрафом [3, с. 152–153].

Согласно разъяснению Верховного народного суда КНР, незаконная медицинская практика включает: 1) медицинскую деятельность без квалификации или с незаконно полученной квалификацией; 2) деятельность после отзыва сертификата врача; 3) сельскую медицинскую практику без сертификата сельского врача; 4) выполнение семейным акушером операций, не связанных с принятием родов. Отягчающие обстоятельства: 1) легкая или общая дисфункция, вызванная повреждением органов и тканей; 2) распространение или риск передачи инфекционных заболеваний класса А; 3) использование поддельных, некачественных лекарств или не соответствующих стандартам медицинских изделий, создающих угрозу здоровью; 4) повторное наказание за незаконную медицинскую практику.

Судебное толкование не позволяет квалифицировать действия Хэ как незаконную деятельность, поскольку: он — специалист в медицинской генетике, вмешательство произведено медперсоналом в медцентре, а медицинское вмешательство касалось только применения репродуктивных технологий для вживления эмбриона. Манипуляции по редактированию гена эмбриона мед. актом не считаются.

Хэ обвиняется в подделке разрешительных документов комитета по медицинской этике госпиталя, где проводилась имплантация генетически модифицированных эмбрионов. Согласно китайскому законодательству, биомедицинские исследования на людях требуют наличия независимого комитета по этике. Юрист Пан Цзюлин считает, что если подделка документов использовалась для обмана родителей и получения денег, действия Хэ могут быть квалифицированы как мошенничество (ст. 266 УК КНР). Предполагается, что фальсификация документов была обусловлена необходимостью обойти ограничения на манипуляции с геномом человеческого эмбриона. Действия профессора могут быть квалифицированы по ст. 280 УК КНР («Фальсификация документов»). Данная статья предусматривает наказание за фальсификацию, переделку, куплю-продажу, кражу, грабеж или уничтожение официальных документов, удостоверений и печатей государственных органов в виде лишения свободы до трех лет, ареста, надзора или лишения политических прав со штрафом. При отягчающих обстоятельствах предусмотрено лишение свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом. Действия Хэ могут быть квалифицированы как должностные и административные нарушения, в частности нарушение ст. 33, 35 Инструкции № 11 от 12.10.2016 в части получения информированного согласия пациента на медицинское вмешательство.

В китайском праве нет ответственности за незаконные манипуляции с геномом. Дело Хэ стало водоразделом между этикой и правом в генетических исследованиях. Профессор Ван Юэ считает действия Хэ угрозой генофонду человечества и предлагает ввести уголовную ответственность за преступления с использованием новых технологий. Он отмечает, что упрощенная регистрация проектов, а не лицензирование, способствовала совершению преступления. Ученый подчеркивает необходимость усиления контроля в этой сфере и нахождения баланса между технологической свободой и общественной безопасностью.

Профессор Пэн Синьлинь считает, что генетическое редактирование, проведенное Хэ Цзянькуем, является научным исследованием, нарушающим медицинскую этику, но необязательно преступлением. Для признания нарушения этики преступлением необходим серьезный социальный вред и признак универсальности (опасность «сама по себе»). По мнению Пэна, случай Хэ не обладает признаком универсальности, и неизвестно, будут ли рожденные дети угрозой обществу. Он также призывает к осторожной оценке предложений об изменении законодательства в связи с этим случаем.

Профессор Се Чжун из Китайского политико-юридического университета считает эксперимент Хэ Цзянькуя «безумной авантюрой» из-за непредсказуемых этических, эволюционных и репродуктивных последствий. Он подчеркивает серьезность проблемы и настаивает на необходимости наказания в данном случае.

Процесс внесения поправок в уголовное законодательство Китая сложен и длителен, что продемонстрировал

случай в лаборатории Хэ, выявив неготовность правовой системы оперативно реагировать на нарушения медицинской и исследовательской этики. Российская правовая система также не готова к подобным ситуациям: редактирование человеческого эмбриона и его имплантация не являются преступлением, даже без ведома родителей о генетическом редактировании. В российском уголовном праве не защищается «генетическое достоинство человека», и даже очевидные случаи противоправного вмешательства в геном человека не могут быть квалифицированы как преступления.

Китайские юристы неоднозначно оценивают дело Хэ Цзянькуя. Не все манипуляции с геномом можно считать противоправными из-за недостатка знаний о последствиях и общественно полезной цели эксперимента по созданию иммунитета к ВИЧ. Генная терапия также является вмешательством в генетическую информацию, и ее применение для лечения наследственных заболеваний развивается. Однако общественно опасными манипуляциями с геномом являются: 1) внесение изменений в геном эмбриона с последующей имплантацией без информирования родителей о характере вмешательства и последствиях; 2) применение генной терапии или иного трансгенеза без информирования человека о характере манипуляций и возможных последствиях.

Оценить общественную опасность манипуляций с геномом человека сложно, хотя определенные основания для этого имеются.

Масштабное применение генной инженерии несет в себе ряд угроз: экологические и видовые риски, появление устойчивых к лечению бактерий и вирусов, непредсказуемость последствий внедрения генов в геном человека, риск ошибок из-за слабой изученности генов, возможность «геномной идентичности» и обострение этических вопросов. Неизвестно, куда именно встанет имплантируемый ген, и это может привести к нежелательным последствиям для здоровья, включая отдаленные эффекты у потомков. Эксперименты на животных показали риск развития опухолей и нарушений развития. Модификация генома может привести к созданию людей с идентичными признаками, как положительными, так и отрицательными. Использование генной инженерии для улучшения когнитивных и физических способностей вызывает этические споры, особенно в контексте возможного социального неравенства и влияния на генофонд человечества.

Рассуждений об очевидности/неочевидности общественной опасности генетических манипуляций недостаточно для создания генетической юстиции. М. И. Ковалев предвидел возможность клонирования и изменения генома человека. Сегодня эти технологии стали реальностью, но отсутствует инструментарий защиты генетического достоинства и понимание опасностей манипуляций с геномом. Общество вошло в мир генетических технологий без необходимого правового регулирования.

М. И. Ковалев считал проблему баланса частных и публичных интересов фактором общественной опасности при манипуляциях с геномом. Он предложил принципы генетической юстиции: 1) приоритет генофонда над интересами граждан; 2) приоритет прав будущего человека над правами живущих, включая родителей; 3) принадлеж-

ность обществу права на научные открытия в области манипуляций с геномом.

Дело Хэ ускорит разработку нормативной базы для генетических исследований, контроля и ответственности. Уголовное право не должно быть основным инструментом борьбы с нарушениями в этой сфере.

Литература:

1. Ковалев М. И. Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека. Екатеринбург, 1996.
2. Berg P., Baltimore D., Brenner S., Roblin R. O., Singer M. F. Summary statement of the Asilomar conference on recombinant DNA molecules // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 1975. Vol. 72.
3. Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева и А. И. Чучаева, пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2017.
4. Allers K., Schneider Th. CCR5Δ32 mutation and HIV infection: basis for curative HIV therapy // *Current Opinion in Virology*. 2015. Vol. 14.
5. Кулделл Н., Бернштейн Р., Ингрэм К., Харт К. М. На пути к синтетической биологии. М., 2019.
6. Попова О. В. Технология CRISPR и проблема редактирования человека в дискурсе биоэтики // *Тенденции развития науки и образования*. 2018. № 42.
7. Сергеев Д. Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2018. Вып. 39.
8. Трощинский П. В. Правовая система Китая. М., 2016.
9. Park A. They Will Be Studied for the Rest of Their Lives. How China's Gene-Edited Twins Could Be Forever Changed By Controversial CRISPR Work // *Time*. 2019. June 17.
10. Patra S., Andrew A. A. Human, Social, and Environmental Impacts of Human Genetic Engineering // *Journal of Biomedical Sciences*. 2015. Vol. 4. Iss. 2. DOI: 10.4172/2254-609X.
11. Kenter M. J. H. Is it time to reform oversight of clinical gene therapy in the EU? // *British Journal of Clinical Pharmacology*. 2019. Vol. 85. P. 8–10.
12. Sontheimer E. J., Barrangou R. The Bacterial Origins of the CRISPR Genome-Editing Revolution // *Human Gene Therapy*. 2015. Vol. 26. Iss. 7. P. 413–424.

Взаимодействие гражданского общества и государства

Маленок Мария Юрьевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В современном мире взаимоотношения гражданского общества и государства приобретают особую значимость. Эта тема актуальна по нескольким ключевым причинам:

1. Развитие демократических процессов — гражданское общество выступает важным элементом демократии, обеспечивая обратную связь между властью и гражданами. Его институты (НКО, СМИ, общественные движения) способствуют прозрачности государственного управления, контролю за исполнением решений и защите прав человека.

2. Рост социальной активности — в условиях цифровизации и глобализации граждане становятся более вовлечёнными в общественно-политическую жизнь. Петиции, массовые акции, краудсорсинг и онлайн-платформы усиливают влияние общества на государственную политику.

3. Потребность в решении глобальных вызовов — пандемии, экологические кризисы, миграционные волны требуют совместных усилий государства и гражданских структур. Без

сотрудничества с НКО, волонтерами и экспертами власть не может эффективно реагировать на новые угрозы.

4. Конфликты и поиск баланса — в ряде стран наблюдается напряжение между государством и активистами (например, в вопросах цензуры, протестных движений). Изучение моделей взаимодействия помогает находить компромиссы между безопасностью и свободой, централизацией и самоорганизацией.

5. Международный контекст — гражданское общество играет ключевую роль в выполнении международных обязательств. Государства, игнорирующие диалог с общественностью, сталкиваются с санкциями и потерей репутации.

Анализ современных исследований и статистических данных позволяет выделить ключевые проблемы в отношениях между гражданским обществом и государством. Первая проблема — несбалансированность диалога, при которой государство либо игнорирует запросы граждан-

ских институтов, либо стремится их жестко контролировать. Так, в странах с авторитарными тенденциями (Россия, Турция, Венгрия) наблюдается законодательное ограничение деятельности НКО через законы об «иностранных агентах», что ведет к сокращению независимых общественных инициатив.

Вторая проблема — институциональная слабость гражданского общества, которая проявляется в недостаточной ресурсной базе, фрагментарности и низком уровне самоорганизации. Например, в странах с переходной демократией (Украина, Молдова, страны Центральной Азии) многие НКО зависят от международных доноров, а при сокращении финансирования их активность резко падает. Согласно исследованиям Европейского центра некоммерческого права, более 60 % гражданских организаций в Восточной Европе сталкиваются с проблемой устойчивости. При этом даже в развитых демократиях (США, Германия) отмечается снижение участия граждан в традиционных формах самоорганизации (профсоюзы, партии) на фоне роста индивидуализма. Это создает дисбаланс: государство получает меньше качественной обратной связи, а общество — меньше возможностей влиять на решения власти.

Для комплексного изучения взаимодействия гражданского общества и государства применяется комбинация качественных и количественных методов, позволяющих выявить как системные закономерности, так и специфику конкретных случаев.

1. Институциональный анализ — этот метод предполагает изучение правовых и организационных механизмов, регулирующих отношения между государством и гражданскими структурами. Анализируются законы о НКО, государственных грантах, публичных слушаниях, а также институты общественного контроля. Важное значение имеет сравнение законодательных рамок в разных странах для выявления тенденций к либерализации или ограничению гражданского пространства [3].

2. Социологические методы (опросы, экспертные интервью) — для оценки уровня доверия и вовлеченности граждан применяются:

— Массовые опросы (например, Eurobarometer, World Values Survey), фиксирующие отношение населения к НКО, государству и формам участия в общественной жизни.

— Глубинные интервью с представителями НКО, активистами и чиновниками, помогающие понять барьеры и мотивацию сторон.

— Фокус-группы для выявления латентных конфликтов или потенциала сотрудничества.

3. Сравнительно-исторический анализ — изучение эволюции моделей взаимодействия в разных политических контекстах позволяет выявить зависимость от традиций государственности, уровня демократии и экономического развития.

4. Статистический и сетевой анализ:

— Обработка данных по количеству НКО, динамике госфинансирования, судебным искам против активистов.

— Анализ социальных сетей.

Демократическое направление развития российского общества находится в прямой зависимости от состояния функционирования гражданского общества, которое призвано инициировать, осуществлять и поддерживать посредничество между правящей элитой и населением, способствовать формированию и укреплению интеграционных связей в системе «государство-гражданин».

Объединить гражданские самодеятельные идеи населения в единую систему можно в рамках баланса в сотрудничестве между гражданским обществом и государством. Это признают и лидеры большинства политических и общественных объединений России.

В научных исследованиях утверждается, что гражданское общество появляется там, где могут создаваться объединения без участия государственных институтов. При этом гражданское общество как социальное явление состоит в органической связи с российским государством и государственной властью. Для полного понимания взаимодействия государства и общества необходимо изучать конкретные правовые механизмы взаимодействия структур гражданского общества с органами государственной власти — законодательной и исполнительной. Втягивание общества в процесс укрепления законности и правопорядка осуществляется в различных формах. Например, участие разных общественных структур в процессе создания законов, которые затрагивают интересы широких слоев граждан, способствующих самоопределению и саморазвитию гражданского общества. Конституционные основы государственного строительства (это народовластие, федерализм, суверенность Российской Федерации, ее целостность и единство, верховенство Конституции Российской Федерации, федеральных законов, разделение при осуществлении единой власти по вертикали и горизонтали, разграничение предметов ведения и др.), последовательно реализуемые на практике, способны обеспечить целостность и стабильность системы исполнительной власти, Принцип участия граждан в формировании органов исполнительной власти закреплен в ст. 32 Конституции Российской Федерации, в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации, в частности, применительно к выборам глав администраций краев, областей.

Но приведенный список принципов не может быть признан исчерпывающим. Например, португальские юристы И.Мораиш, Ж. М. Ф. де Алмейда и Р. Л. Лейте Пинту пишут о таких принципах, как следование публичному интересу, справедливость и беспристрастность. Итальянский административист М.Джаннини дополняет эти принципы еще одним — равным отношением ко всем людям, что означает недопустимость дискриминации [5].

Признаками единства государства и гражданского общества выступает совпадение многих целей и задач. Формирование государства и создание гражданского общества, имеют одну цель — стоять на защите его прав и интересов. Право граждан на объединение закреплено в Конституции (ст. 30 Конституции РФ). Это право дает гражданам воз-

возможность свободно и самостоятельно выбрать любые формы негосударственной деятельности, но не вступающих в противоречия с требованиями закона. Эти объединения являются необходимым составным элементом гражданского общества. Важно отметить, что гражданское общество существует только в условиях построения экономической системы на правовых началах. Рынок имеет место только при наличии свободных субъектов — собственников имущества, что само по себе значит, что каждому из этих собственников должна быть гарантирована защита и от неправомерного влияния государства, и от диктата поставщика. В этом хорошо прослеживается единство гражданского общества и государственно-правового регулирования общественных отношений. Такое соотношение сил практически не меняется с годами, возможны лишь небольшие отклонения. При этом единство гражданского общества и государства проявляется и в государственном обеспечении условий для самовыражения и свободы человека, его инициативы, предпринимательской деятельности и т. д. Всё многообразие форм собственности, многопартийность, политический плюрализм, широкие экономические, политические и личные права и свободы человека и гражданина закреплены конституционно. В этом проявляется наличие у российских граждан правовых возможностей, которые позволяют им осознавать себя субъектами гражданского общества, а также осуществлять реализацию и своих личных и коллективных интересов. Единство гражданского общества и правового государства состоит в одновременном их формировании, и в создании гражданского общества, которое преследует общую цель — социальные институты призваны служить человеку, защищать его права и интересы. Данное единство проявляется и в том, что организация и деятельность основных общественно-политических, экономических и социальных структур осуществляется в соответствии с Конституцией РФ и действующим законодательством. Единство рассматриваемых социальных и государственно-правовых явлений находит свое проявление в демократическом политическом режиме. Содержание такого режима составляют цивилизованные приемы, способы осуществления государственной власти

и предоставляемая гражданам мера их свободы, активного участия в политической, экономической, социально-культурной и иных областях жизни общества.

Ключевые результаты исследования:

1. Асимметрия в диалоге между государством и гражданским обществом:

Анализ данных подтвердил, что в большинстве стран, включая Россию, сохраняется неравноправный характер взаимодействия. Государственные структуры часто воспринимают гражданские инициативы как угрозу, а не как партнеров.

2. Дефицит устойчивости гражданского общества:

Исследование выявило, что гражданские организации сталкиваются с:

- финансовой зависимостью;
- низким уровнем общественного доверия;
- слабой координацией;
- большинство организаций работают разрозненно, дублируя функции.

3. Позитивные практики в регионах и за рубежом:

Несмотря на проблемы, в некоторых субъектах РФ и за рубежом существуют успешные модели сотрудничества:

- публичные советы при органах власти с реальными полномочиями,
- грантовые конкурсы с прозрачными критериями отбора и др. [4].

Таким образом, гражданское общество и его взаимодействие с государством остается актуальной и дискуссионной темой современной науки. Гражданское общество — это показатель демократизации всех основных направлений жизнедеятельности граждан, но и средство модернизации государственной и общественной жизни. Основное предназначение гражданского общества состоит в полном воздействии на государство с целью максимально полезного служения государства интересам граждан. Таким образом, гражданское общество, защищая права и свободы человека и гражданина, создавая настоящую возможность для удовлетворения разнообразных потребностей, интересов и ценностей человека, способствует формированию истинной демократической, правовой государственности, становясь его фундаментом.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Текст.// Библиотечка «Российской газеты». Права и свободы личности. Международные документы, комментарии. Вып.19.-М.-1998.-С.4–8.
2. Закон Орловской области от 06.07.04. № 411-ШЗ «О местном референдуме в Орловской области» // Орловская правда. 2004. -26 мая.
3. Конституция и гражданские акты буржуазных государств ХУП-ХІХ в. в. М.-1957.
4. Конституция РФ (с измен, от 14.10.2005 г.) Текст. М., 2006. 64 с.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Библиотечка «Российской газеты». Права и свободы личности. Международные документы, комментарии. Вып. 19.-М.-1998.-С.8–17.
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. // Библиотечка «Российской газеты». Права и свободы личности. Международные документы, комментарии. Вып. 19.-М.- 1998.-С. 17–26.
7. Положение о Совете при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека // Российская газета.-2004.-12 ноября.

8. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 25.04.2005 // «Новые законы и нормативные акты» приложение к «Российской газете» -2005.-№ 18- С.23–13.
9. Аксаков, К. С. Записки о внутреннем состоянии России Текст. // Теория государства у славянофилов [Текст].- СПб.,-1998.
10. Акулич, М. М. Гражданское общество как фактор самоуправления // Социум и власть. 2006.- № 2. — С. 12–27
11. Гуськов, Ю. В. Демократия и гражданское общество в России: возможности формирования // Социальная политика и социология. 2005.- № 1.- С.111–120.
12. Дайджест социологической информации. Формирование общественной палаты РФ // Социология власти. 2005.- № 5. — С. 166–170.
13. Кузьмин, В. Комиссия по правам человека сменила название и состав // Российская газета. 2004. 12 ноября.
14. Лапин, Н. И. Ценности и знания. Мониторинг «Наши ценности и интересы» // Социология. 2004- № 1. -С.38–43.
15. Осадчая, Г. И. Социальная доктрина России Текст. // Социальная политика и социология. 2004. № 3. — С. 18–26.
16. Панарин, А. С. Гражданское общество: принцип первичности индивида / А. С. Панарин [Текст]. М.: Проспект.-2004. — С.42–70.
17. Афиногенов, Д. В. Народная законодательная инициатива в России Электронный ресурс. / Д. В. Афиногенов: обзор регионального законодательства. Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs>.
18. Баранов, Н. Политические отношения и политический процесс в современной России Электронный ресурс. / Н.Баранов. Режим доступа: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskie-otnosheniya-i-politicheskij-protsess-v-sovremennoj-rossii>.
19. Беляева, Н. Ю. Законодательные инициативы общественных объединений Электронный ресурс. / Н. Ю. Беляева. Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/GU/7.html>.
20. Дзыбова, С. Г. Институт делегированного законотворчества Электронный ресурс. / С. Г. Дзыбова. Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-delegirovannogo-zakonotvorchestva>.

Полномочия и процессуальная самостоятельность следователя

Молостов Денис Владимирович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В настоящей статье исследуется правовая природа процессуальной самостоятельности следователя как ключевого элемента уголовно-процессуальной деятельности. Автор проводит комплексный анализ законодательных положений, доктринальных подходов и судебной практики, определяющих объем полномочий следователя. Особое внимание уделяется проблемам реализации процессуальной самостоятельности в условиях взаимодействия с прокурором и судом. В заключении предлагаются направления совершенствования правового регулирования данного института.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, уголовный процесс, прокурорский надзор, судебный контроль, уголовно-процессуальные полномочия.

1. Введение

Институт процессуальной самостоятельности следователя занимает центральное место в системе уголовного судопроизводства, поскольку от степени его независимости напрямую зависит эффективность расследования и соблюдение прав участников процесса. Несмотря на законодательное закрепление (ст. 38 УПК РФ), в науке уголовного процесса остается дискуссионным вопрос о реальных пределах самостоятельности следователя, особенно в условиях усиления прокурорского надзора и судебного контроля.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между процессуальной независимостью следователя и законными механизмами его подотчетности. В данной статье предпринята попытка системного анализа данной проблемы с учетом современных правовых реалий.

2. Теоретико-правовые основы процессуальной самостоятельности следователя

Понятие процессуальной самостоятельности следователя разрабатывалось в трудах таких ученых, как В. З. Лукашевич, Н. А. Колоколов, А. П. Рыжаков. В общем виде его можно определить как предоставленную законом возмож-

ность следователя самостоятельно, без необоснованного вмешательства, принимать решения в рамках уголовного дела, неся при этом ответственность за их законность и обоснованность (Лукашевич, 2018).

Содержание данного принципа раскрывается через систему полномочий, закрепленных в ст. 38 УПК РФ:

- возбуждение уголовного дела;
- принятие дела к своему производству;
- определение направлений расследования;
- вынесение процессуальных решений.

Однако, как справедливо отмечает А. В. Смирнов, абсолютная самостоятельность следователя невозможна в условиях современной процессуальной системы, построенной на принципах построенной на принципах взаимного контроля и уравнивания полномочий.

3. Взаимодействие следователя с прокурором и судом: проблемы баланса

Процессуальная самостоятельность следователя существует в условиях двойного контроля:

1. Прокурорский надзор (ст. 37 УПК РФ) — включает утверждение обвинительного заключения, дачу согласия на избрание меры пресечения и другие ключевые решения.

2. Судебный контроль (ст. 29 УПК РФ) — санкционирование следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан.

Как показывает практика, именно на этом этапе возникают основные коллизии. По данным исследований И. Л. Петрухина, в 30 % случаев прокуроры вносят изменения в обвинительное заключение, что ставит под вопрос реальную самостоятельность следователя (Петрухин, 2021).

4. Современные вызовы процессуальной самостоятельности

Эмпирические исследования выявляют следующие проблемы:

1. Ведомственная зависимость — несмотря на формальную самостоятельность, следователи СК РФ и МВД часто следуют указаниям руководства (Божьев, 2022).

2. Процессуальная волокита — избыточные требования согласований замедляют расследование.

3. Недостаточные гарантии защиты — механизмы обжалования решений прокурора остаются малоэффективными.

5. Перспективы совершенствования правового регулирования

На основе анализа научных позиций (Гуценко, 2019; Александров, 2023) предлагаются следующие меры:

1. Расширить право следователя на судебное обжалование указаний прокурора.
2. Оптимизировать перечень решений, требующих санкционирования.
3. Ввести дополнительные гарантии независимости через институт дисциплинарного иммунитета.

6. Заключение

Процессуальная самостоятельность следователя остается динамично развивающимся институтом, требующим дальнейшего научного осмысления и законодательной корректировки. Представляется, что оптимальной моделью является система, в которой независимость следователя сочетается с эффективным, но не избыточным контролем со стороны прокуратуры и суда.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
2. Уголовные процесс России: учебник / Александров А. С., Ковтун Н. Н., Поляков М. П., Сереброва С. П.; науч. ред. В. Т. Тomin. — Москва: Юрайт, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). — 821 с.; 22 см.; ISBN 5-94879-094-0 (в пер.)
3. Процессуальная самостоятельность следователя: правда или миф? / Ермакова А. Л., Чаплыгина В. Н.; Государство и право. — 2022. — № 5. — С. 145–147.
4. Правоохранительные органы. Учебник для юридических вузов и факультетов. / Гуценко К. Ф., Ковалев М. А.; Издание 5-е, переработанное и дополненное. Под ред. К. Ф. Гуценко. — М.: Издательство «Зерцало», 2000. — 400 с.
5. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного расследования и предания суду / Лукашевич В. З., Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Ленинград: [б. и.], 1967. — 32 с.

6. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием. / Петрухин И.; Российская юстиция. – 1998. — № 9.
7. Модели уголовного процесса. / Смирнов А. В.; СПб.: Изд-во Альфа, 2000.

О необходимости учета и доказывания вины мнимых собственников в делах о банкротстве (в защиту «соломенных человечков»)

Назарько Вадим Сергеевич, аспирант
Сибирский юридический университет (г. Омск)

На предмет соответствия принципу справедливости рассмотрены некоторые аспекты господствующей судебной практики привлечения к имущественной ответственности лиц, в отношении которых были совершены сделки, оспоренные в рамках дел о несостоятельности (банкротстве), то есть мнимых собственников имущества (так называемых балансодержателей). Исследован вопрос о необходимости законодательного закрепления необходимости учитывать при привлечении таких лиц к ответственности степень их осведомленности о противоправном характере совершенных ими действий, а также вины и ее формы. Сделан вывод о принципиальной недопустимости объективного вменения в их отношении.

Ключевые слова: мнимый собственник, балансодержатель, соломенный человечек, объективное вменение, повышенные стандарты доказывания, вне разумных сомнений, номинальный владелец, сопричинитель вреда.

С момента принятия в девяностых годах прошлого века первых в постсоветской России законов, регулирующих несостоятельность (Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19.11.1992 г. и Закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») в практике арбитражных судов по делам о банкротстве главный фокус внимания правоведов и правоприменителей едва ли надолго задержался на такой рутинной деятельности, как передача имущества должника арбитражному управляющему, реализация и пропорциональное распределение денег между кредиторами. Да, всё названное — соль и смысл процедур, применяемых в делах о банкротстве, но до настоящего времени планомерное, конструктивное и добросовестное сотрудничество между должником, кредиторами и арбитражным управляющим остается лишь декларативной задачей (или вектором).

Злободневным же и самым обычным является положение, при котором до объявления должника банкротом, то есть до момента юридической и практической смены прежнего менеджмента, доведшего бизнес до финансового краха, активы должника формально или реально были из его собственности. Это явление повлекло за собой активное развитие института оспаривания сделок в делах о банкротстве, потому что, как правило, имущество выводится неправомерно, с явными признаками злоупотребления правом, а нередко и признаками преступления.

У каждого из лиц, так или иначе уличенных в выводе имущества должника в ущерб кредиторам, у нас презюмируется наличие собственной роли, осознанного вклада в это неправомерное действие и его пагубный результат, поэтому, исходя из задачи общей превенции, судебная

практика единодушно и солидарно карает всех сколь угодно причастных, ссылаясь в числе прочих на нормы ст. 1080 ГК РФ о солидарной ответственности сопричинителей вреда.

Например, в деле № А40–131425/2016, получившем широкую известность среди юристов с сфере банкротства под названием «дело Самыловских» (А40–131425/2016) Девятый арбитражный апелляционный суд (в Постановлении от 09.01.2021 г.):

— Применил ст. 1080 ст. ГК РФ, согласно которой совместные причинители вреда отвечают совместно;

— В целях квалификации действий как совместных указал: согласованность, направленность на реализацию общего для всех намерения, то есть на то, что может быть принято соучастие в любой форме, в том числе соисполнительство, пособничество и т. д.;

— Установил, что аффилированное лицо (Кириенко): непосредственно участвовало в деятельности организаций, было директором, консультировало директоров иных фирм, работало в фирмах-контрагентах, являлось руководителем общества, на счета которого перенаправлены скрытые от налогообложения денежные средства, было в браке с должником;

— Установил, что должник Самыловских и Кириенко передали в дар своим детям принадлежащее им на праве собственности имущество и что подобное не соответствует стандартным сделкам дарения, совершаемым между лицами, находящимися в отношениях родства или свойства.

— Установил, что на момент дарения сын должника достиг 15 лет, получил квартиры должника;

— Установил, что второму сыну должник и аффилированное лицо подарили 50 млн руб.;

— Рассмотрел вопрос о наличии у детей умысла на содействие родителям в уходе от обязательств;

— Признал мнимую сделку фиктивной, т. к. у нее не было цели достижения конкретных результатов, волеизъявление сторон не совпадало с их истинной волей;

— Установил, что хотя надлежащих доказательств того, что дети контролировали общество, нет, а также не могли они и довести его до банкротства, но вместе с тем изложенное не исключает возможность использования родителями личности детей для причинения вреда кредиторам; — Установил, что, в частности, должники могут оформить переход права собственности на имущество к детям лишь для вида, без намерения создать соответствующие правовые последствия, совершив тем самым мнимую сделку;

— Установил, что имущество детям должником передано сразу после подачи заявления о банкротстве.

— Применил п. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которому обязанность возместить может быть возложена и на лицо, не являющееся причинителем вреда, т. к. вред кредиторам может причиняться не только доведением до банкротства, но и умышленными действиями, направленными на создание невозможности получения кредиторами полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц, виновных в банкротстве должника, в том числе путем приобретения их имущества родственниками по действительным безвозмездным сделкам, не являющимся мнимыми, о вредоносной цели которых не мог не знать приобретатель.

— Сделал вывод о том, что, несмотря на несовпадение оснований требований к контролирующим должника лицам (которые создали предпосылки банкротства) и приобретшим их имущество родственникам (которые создали невозможность полного исполнения), требования кредиторов к ним преследуют единую цель — по этому и требования являются солидарными.

Верховный Суд России в Определении от 25.09.2020 N 310-ЭС20–6760 такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности, как признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц признал практически не отличающимся от предусмотренного действующей в настоящее время статьей 61.11 Закона о банкротстве основания ответственности в виде невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих лиц. Это значит, что существенный объем правовых подходов к толкованию положений как прежде действовавшего, так и обновленного законодательства является общим (в том числе это относится к разъяснениям норм материального права, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 No 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»).

Таким образом, судебной властью (точнее, арбитражными судами) выработан достаточно отчетливый подход

к этому вопросу, и общим правилом теперь стало, что в отсутствие формального статуса контролирующего лица ответчик может быть признан действующим совместно с контролирующим должника лицом (статья 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации), поскольку фактически выступал в качестве соисполнителя (пункт 22 постановления No 53), что приводит к одним и тем же материально-правовым последствиям для ответчика в случае удовлетворения иска.

Однако очевидно, что приведенное обобщение справедливо далеко не всегда, а значит, велик риск применения несоразмерных санкций к лицам, не заслужившим подобного.

Номинальные руководители и номинальные участники, «балансодержатели», «мнимые» (они же «фиктивные») собственники, «титульные» и «бенефициарные» владельцы; «лица, в отношении которых совершены оспоренные сделки», «соломенные человечки» (соответственно нем., фр. и англ.: *Strohmann*, *homme de paille*, *man of straw*), «деревянные головы» (то есть марионетки) (от ит. *testa di legno*), которых практика всеми силами пытается расчеловечить даже, как видим, на уровне терминологии, все-таки имеют конституционное право на судебную защиту, особенно от имущественных взысканий, размер которых зачастую сильно превосходит величину самого крупного штрафа, который может быть назначен приговором по уголовному делу.

Очевидно, что размер и суровость наказания, сходные с теми, что могут последовать за совершение преступления, предъявляют особые запросы и к средствам защиты.

Однако здесь вместо логически ожидаемой презумпции невиновности исследователь данного вопроса столкнется с совершенно обратным: с повышенными стандартами доказывания и т. н. «опровержимыми презумпциями», облегчающими доказывание наличия оснований для привлечения к ответственности. Главным образом, со стандартом «вне разумных сомнений».

До 2020 года принцип «вне разумных сомнений» в единичных случаях применялся судами, и это часто вызывало резкую критику у практикующих юристов. С. Л. Будылин высказался об одном из первых случаев его применения СКЭС ВС РФ в определении от 04.06.2018 г. по делу № 305-ЭС18–413: «Помимо прочего, коллегия сформулировала новый для российского права тезис, согласно которому в гражданском процессе существует целая иерархия стандартов доказывания, причем к требованиям кредиторов, аффилированных с должником в банкротстве, применяется максимально жесткий стандарт — «вне разумных сомнений». К сожалению, определение Коллегии в части стандартов доказывания нельзя назвать внятно мотивированным. Стоит также заметить, что применение столь жесткого стандарта в гражданском или арбитражном процессе представляется как минимум спорным, в том числе с конституционно-правовой точки зрения. В самом деле, ведь предъявление к кредитору завышенных требо-

ваний относительно доказывания существования задолженности означает, что во многих случаях спор о фактах будет решаться неправильно: фактически существующая задолженность будет признана несуществующей ввиду недоказанности по жесткому стандарту. А это равносильно изъятию у кредитора его собственности» [2].

Другие ученые, например, О. Р. Зайцев в статье «К вопросу о признании собственника мнимым (прячущим чужое имущество от кредиторов)» [3], опубликованной 27.11.2021, пишет, что разоблачение мнимых собственников — «это очень верная и важная идея, поскольку это очень распространенное вредное явление и наше право должно научиться с ним справляться».

Со сказанным трудно спорить, потому что каждое из этих слов — правда, вывод имущества действительно вредное явление, однако ведь и преступления — вредное явление, но при выявлении, расследовании, доказывании и наказании преступлений у подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и даже осужденных есть ряд неотъемлемых процессуальных прав и преимуществ, которых лица, именуемые мнимыми собственниками, вполне осознанно лишены законодателем и судебной властью в делах о банкротстве. В частности, презумпция невиновности в их случае открыто превращена в презумпцию вины.

Между тем требования справедливости, равенства перед законом обязывают исправить это положение.

Если обратиться к самому Закону о банкротстве, то едва ли не единственной нормой, смягчающей обрушивание всех возможных негативных последствий правонарушения на головы «соломенных человечков», можно назвать статью 61.7 («Отказ в оспаривании сделок должника»), из которой следует: «Арбитражный суд может отказать в признании сделки недействительной в случае, если стоимость имущества, приобретенного должником в результате оспариваемой сделки, превышает стоимость того, что может быть возвращено в конкурсную массу в результате оспаривания сделки, или если приобретатель по недействительной сделке вернул все исполненное в конкурсную массу».

Все это указывает на то, что правоприменители и законодатель создали умышленный образ мнимого собственника имущества, который просто обязан быть: а) глубоко информированным о содержании и целях его действий, связанных с оформлением на его имя имущества должника, б) энергично мотивированным в плане содействия должнику (его бенефициару) в выводе имущества из-под опасности обращения на последнее взыскания в пользу независимых кредиторов, в) имеющим направленность воли на причинение вреда кредиторам должника, г) состоящим в таком сговоре с должником (его бенефициаром), который предполагает равенство и сотрудничество (по типу простого товарищества), д) осознанно вставшим на путь ведения незаконной деятельности.

Однако это верно далеко не во всех случаях, а значит, правила, регулирующие правоприменение, не универ-

сальны, ведь они фактически презюмировали наличие у мнимого собственника (или балансодержателя) вины, хотя ни в законе, ни в обязательных для применения судами разъяснениях органов высшей судебной власти по этому вопросу понятие вины не упоминается: все сводится к вопросу о том, действительна сделка или нет. И если сделка на его беду недействительна, то «соломенный человечек» автоматически причисляется к группе сопричинителей вреда со всеми негативными последствиями для его имущественной сферы. А как мы видим из приведенной статьи 61.7 Закона о банкротстве, даже осознав неблагоприятные последствия собственных действий (например, узнав о том, что должник недобросовестен и укрывал имущество) и приняв правомерное решение полностью вернуть полученное от должника имущество в конкурсную массу, мнимый собственник не гарантирован от применения к нему наказания в виде имущественных взысканий, потому что освобождение от него — это право, а не обязанность арбитражного суда.

Такой подход весьма слабо учитывает те случаи, когда в действиях мнимого собственника отсутствует какая-либо вина. Например, родственник, друг должника, его секретарша или садовник вполне могут откликнуться на просьбу должника оформить на их имя имущество или даже бизнес, ведь на практике далеко не всегда должники адекватно и полно информируют мнимых собственников, отчетливо произнося: «Я — недобросовестный должник и имею неправомерную цель избежать необходимости платить по своим долгам, для этого мне необходимо скрыть от кредиторов моё имущество и бизнес, которые для этого потребуются фиктивно оформить на Ваше имя, но пользоваться и распоряжаться ими буду я путём дачи Вам соответствующих указаний, которые Вы будете беспркословно исполнять за плату либо без таковой».

Пожалуй, случаи такого полноценного информирования исчезающе малочисленны, а значит, и степень вины мнимого собственника во некоторых случаях стремится к нулю.

Между тем Верховный Суд России в п. 8 «Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) указывает на то, что заключение сделки, направленной на вывод имущества, — это обязательно противоправное поведение.

А противоправное поведение в рамках правонарушения обязательно виновно, обратное предполагает возможность объективного вменения, что недопустимо в цивилизованном правовом порядке, поскольку в поведении людей в хозяйственном обороте возможны случаи: а) добросовестного заблуждения мнимого собственника относительно мотивов должника, оформившего на него своё имущество, б) недостаточной квалифицированности мнимого собственника в вопросах хозяйственной жизни, гражданского права, бизнеса. — В двух названных ситуациях мерилom добросовестности мнимого собственника могут быть действия по добровольному возврату имуще-

ства должника в конкурсную массу по мере его информирования судом и/или лицами, участвующими в деле о банкротстве, потому что, осознавая необходимость отдать чужое имущество лицу, которому оно принадлежит, даже самое неквалифицированное лицо в рамках общей морали обязано это сделать, что уже само по себе должно гарантировать его от дальнейшего преследования и присвоения статуса сопричинителя вреда.

Таким образом сложившиеся в практике применения законодательства о банкротстве правила, касающиеся

меры ответственности и судьбы мнимых собственников (балансодержателей, «соломенных человечков»), в условиях отсутствия у судов обязанности учета их вины как сопричинителей вреда, видов этой вины и ее степени, в некоторых случаях могут допускать объективное вменение, то есть привлечение лица к ответственности за действия или деятельность, которые не охватывались его волей, не составляли его умысла и не образуют неосторожности, а значит в этих случаях несправедливы, что требует корректировки на законодательном уровне.

Литература:

1. Арабова Т. Ф., Будылин С. Л. Дело о транзитном должнике или Верховный Суд о субординации требований в банкротстве. Комментарий к Определениям Судебной коллегии ВС РФ от 14.02.2019 N 305-ЭС18-17629, от 28.03.2019 N 305-ЭС18-17629(2) // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. N 9. С. 7.
2. Будылин, С. Л. Стандарты доказывания в банкротстве / С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 11. — С. 130–157. — EDN YNAPET.
3. Зайцев О. Р. «К вопросу о признании собственника мнимым (прячущим чужое имущество от кредиторов)» (zakon.ru): https://zakon.ru/blog/2021/11/27/k_voprosu_o_priznanii_sobstvennikom_mnimymi_pryachuschi_chuzhoe_imuschestvo_ot_kreditorov
4. Карпова, А. А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность / А. А. Карпова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 6. — С. 138–163. — DOI 10.37239/2500-2643-2023-18-6-138-163. — EDN JEEYZT.
5. Кокорин И. В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии и США. С. 128.
6. Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. // «Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу», 2020, N 9, Специальный выпуск.
7. Обзор практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от 29.01.2020.
8. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2023 N 307-ЭС22-15103(2,5) по делу N А56-104043/2019.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

Взаимодействие органов публичной власти — субъектов РФ в законотворческом процессе

Палазник Илья Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

«Законотворческий процесс — это процесс создания текстов законопроектов, их подготовка к рассмотрению и рассмотрения в парламенте государства» [1, с. 306]. Данный процесс включает в себя действия по удовлетворению потребностей в правовом регулировании общественных отношений при помощи подготовки проекта, принятию, подписанию и обнародованию закона. Участ-

никами законодательного процесса будут являться публичные органы власти субъектов РФ, входящие в государственные органы и органы местного самоуправления.

Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2], закрепляет принцип единства системы публичной власти, согласовывая их взаимо-

действие на всех уровнях, в том числе в законодательном процессе. Н. Л. Пешин указывает, что «создание действенного механизма взаимодействия государства и муниципальных образований в условиях провозглашенного Конституцией Российской Федерации принципа самостоятельности местного самоуправления по-прежнему является одним из ключевых и наиболее актуальных на сегодняшний день вопросов» [3, с. 39].

Процесс совместного сотрудничества государственных и муниципальных органов власти в сфере законотворчества требует создания региональной нормативной базы, которая позволяет решать вопросы конкретного региона. Именно поэтому изучение состояния общественных отношений и определение необходимости их правового регулирования является первостепенной задачей, позволяя определять аспекты изменения и внесения дополнений в уже действующее законодательство, а также осуществлять прогнозирование дальнейшей линии нормотворчества.

Для решения важных вопросов в данной сфере законодательные органы субъектов РФ проводят парламентские слушания. Процедура процесса регулируется регламентом законодательного органа субъекта РФ с указанием инициатора, порядка принятия решения о проведении мероприятия, определения темы, процедуры проведения, порядка участия приглашенных лиц.

Статья 5 Конституции РФ закрепляет за субъектами право создавать свое законодательство [4]. Основной закон России также предоставляет право субъектам Российской Федерации в своих конституциях закреплять правомочие по определению процедурных правил своей деятельности в виде регламентов.

Регламент законодательного органа субъекта РФ — это уникальный правовой кодекс, принятый самими депутатами для обеспечения четкой и легитимной работы. Этот документ детально прописывает все процедуры: от созыва сессий и формирования повестки до правил дебатов, голосования и законодательного процесса, гарантируя порядок в обсуждениях и защищая права каждого народного избранника. Он выступает архитектором внутренней жизни парламента (структура органов, работа комитетов, депутатская этика), основой его эффективности и главным гарантом того, что принятые законы и решения будут юридически безупречны, отражая при этом специфику региона в рамках федеральных основ. Без этого свода правил слаженная работа регионального представительного органа власти была бы невозможна.

Определяя круг субъектов законодательной инициативы в региональный парламент, Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ предоставил это право, прежде всего, высшему должностному лицу, высшему исполнительному органу субъекта РФ. В Саратовской области правом законодательной инициативы в соответствии со ст. 68 Устава Саратовской области обладают:

- Губернатор области;
- депутаты областной Думы;

- Правительство области;
- представительный орган местного самоуправления;
- прокурор области;
- областной суд;
- Молодежный парламент при областной Думе [5].

На пленарном собрании комитетов имеют право участвовать заинтересованные органы власти, инициаторы законодательной инициативы. Они обсуждают и девают заключение в ходе рассмотрения законопроектов. Стоит отметить недостаточное правовое регулирование данного аспекта участия.

Хотя процедурные правила регламента задают общие рамки, они требуют большей конкретики: законопроекты, затрагивающие полномочия или сферу деятельности органов публичной власти субъекта РФ, обязательно должны направляться этим органам на отзыв и привлекать их представителей к обсуждению на пленарном заседании регионального парламента — это ключ к качеству и легитимности норм.

Заключительная стадия законодательного процесса — подписание и обнародование закона высшим должностным лицом субъекта РФ, обладающим правом либо утвердить акт, либо наложить вето с мотивированным обоснованием отклонения или предложением поправок. Однако это вето не абсолютно. Законодательный орган вправе преодолеть его, подтвердив свое решение квалифицированным большинством — не менее двух третей голосов от списочного состава депутатов. В этом случае закон обретает силу независимо от позиции главы региона и подлежит безусловному подписанию и обнародованию.

Правовую основу создания регионального законодательства составляют различные нормативно-правовые акты, но особо стоит отметить регламенты региональных парламента и специальные законы, регламентирующие правотворчество в субъекте РФ в целом. Данная концепция отечественной юридической науки находит свое отражение и в действующих законах субъектов РФ. Так, закон «О правовых актах города Севастополя» устанавливает систему правовых актов г. Севастополя, определяет общие требования к разработке нормативно-правовых актов, проведению экспертизы проектов законов, изданию, принятию, опубликованию и вступлению в силу правовых актов г. Севастополя, их систематизации, реализации и осуществлению правового мониторинга в г. Севастополе [6].

Комплексный подход к региональному нормативно-правовому регулированию позволяет создать единую систему регулирования, тем самым обеспечивая нормализацию сразу всех сфер общественной жизни региона с учетом особенностей развития конкретного субъекта РФ.

Достаточно острой проблемой остается недостаточная нормативная проработка участия институтов публичной власти в предварительном обсуждении проектов законов. Необходимо законодательно закрепить:

1) их обязательное привлечение к проведению специальной научной экспертизы проектов законов с составлением профессионального заключения;

2) требование о безусловном направлении законопроектов профильным органам власти, чьи полномочия и сферы ответственности они затрагивают.

Такая экспертная вовлеченность и превентивная оценка не только повысят качество нормотворчества, но

и станут существенной гарантией беспрепятственной реализации законных полномочий этих органов.

Широкое привлечение органов публичной власти субъектов РФ к процессу разработки и принятия законов повысит эффективность правотворчества субъекта РФ, обеспечит высокое качество регионального законодательства, его объективность, научную обоснованность, системность и своевременность принятия и совершенствования.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. С. 306.
2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.
3. Пешин Н. Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М., 2007. С. 39.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 16.06.2025.
5. Устав (Основной Закон) Саратовской области // URL: <https://docs.cntd.ru/document/933007412>
6. Закон г. Севастополя от 29.09.2015 № 185-ЗС «О правовых актах города Севастополя» // URL: https://sevszakon.ru/view/laws/bank/09_2015/o_pravovyh_aktah_goroda_sevastopolya/

Особенности страховых правоотношений в условиях цифровизации

Перезовова Ксения Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Цифровизация затрагивает практически все виды финансовых правоотношений. В статье автор исследует особенности страховых правоотношений в условиях цифровизации.

Ключевые слова: финансовые правоотношения, страховые правоотношения, цифровизация, нормативное правовое регулирование.

Сложная структура финансовых взаимоотношений, возникающих в процессе осуществления финансовой деятельности, подвержена регулированию разнообразными законодательно-правовыми и нормативными актами. Финансовые правовые нормы устанавливают нормы и порядок функционирования государственных органов, действующих в рамках своих полномочий и обязательств, связанных с финансированием, распределением ресурсов и осуществлением контроля. Финансовая нормативная база представлена множеством различий в зависимости от актуальных задач и функций государства.

В условиях стремительного распространения технологий из сферы информационно-коммуникационных технологий и процессов цифровой трансформации прогрессивных финансовых взаимодействий появляется необходимость создания новых законов.

Страховые правоотношения, относящиеся к числу финансовых отношений, претерпевают трансформации на фоне внедрения цифровых технологий, что затрагивает методы их формирования, изменения и завершения. Яркое проявление подобных изменений наблюдается в сфере обязательного социального страхования, выполняющего роль реализации социальной политики и служащего основным элементом системы социальной защиты граждан.

По вопросам цифровизации отсутствует унифицированный взгляд. Согласно стратегии формирования информационного общества, цифровая экономика охватывает деятельность, в которой данные в цифровом формате выступают в качестве основного ресурса производства. Преимущество в скорости обработки больших объемов данных, наряду с возможностями глубокого анализа информации, значительно превышает результаты

традиционных методов, внося улучшения в процессы производства, оптимизацию применения технологий и оборудования, а также эффективность логистических операций и продаж товаров и услуг.

Действие цифровизации открывает перед бизнесом необъятные горизонты, одновременно создавая новые вызовы. Такая ситуация в немалой степени касается области финансов, где риск потерь способен возрасти вслед за расширением цифровых операций. Эксперты, проявляя осторожность, выражают опасения относительно потенциального усиления зависимости от технологий, способных облегчать бизнес-процессы и вносить изменения в привычные нюансы повседневной жизни, формируя новое восприятие обыденности с помощью цифровых интерфейсов. Технические сбои или потеря доступа к цифровым платформам могут вызвать негативные последствия.

Поддержка позиции о целесообразности интеграции цифровых технологий в сферу государственных услуг основывается на достоверной информации о результатах повышения качества обслуживания. Ключевые аспекты и нормы, подлежащие учёту при создании электронных сервисов, отражены в приказе Минкомсвязи России от 30 января 2019 года № 22 «Об утверждении плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на период 2019–2024 годов» [1].

Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. определена цель «Цифровая трансформация», в рамках которой установлены следующие целевые показатели, характеризующие достижение национальной цели к 2030 г. [4]:

- достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления;

- увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 %;

- рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97 %;

- увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года.

Отметим, что инициирование цифровизации государственной сферы в России состоялось с принятием Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1]. Данный нормативный акт стал основой возможностей для граждан получать услуги в цифровом формате, помимо предоставления права выбора, соответствующего удобства обращения с государственными структурами. При всем этом закон также наделил органы власти полно-

мочиями требовать перехода на цифровой формат в отношении определённых видов услуг.

На данный счет интересна правовая позиция правоприменителей. Так, суд Эрзинского района 25 августа 2021 года рассмотрел ходатайство заместителя прокурора и вынес решение, обязывающее Управление труда и социального развития Эрзинского кожууна предоставить услуги в электронном формате. Суд удовлетворил исковые требования, установив три месяца для реализации решения [7].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года обозначил старт значимой инициативы по совершенствованию цифровых технологий и установил главные направления их развития до 2024 года. В рамках программы «Цифровая экономика» преследуется цель интеграции цифровых решений в государственное управление и в другие сектора экономики. Основной задачей стало обеспечение граждан возможностью получения государственных услуг в электронном формате, что отражено в паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» [3].

В соответствии с пунктом шесть статьи второй Федерального закона № 210-ФЗ под электронными государственными и муниципальными услугами понимаются услуги, предоставляемые посредством информационных и телекоммуникационных технологий и реализуемые через единый портал государственных услуг, а также региональные онлайн-ресурсы. Данная формулировка подразумевает наличие площадки для электронного общения между соискателями, представителями властных структур и другими организациями, наряду с применением альтернативных информационно-телекоммуникационных средств, утверждённых Правительством Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону № 210-ФЗ, к заявителям предоставляется возможность отправки запросов на государственные и муниципальные услуги посредством онлайн-сервисов; исключением служат случаи, определённые действующим законодательством. В случаях, предусмотренных ведомственными указаниями, заявитель вправе самостоятельно определять предпочитаемый способ получения услуги. В тех ситуациях, когда закон закрепляет исключительно электронный способ выдачи, возможность выбора отсутствует.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 ФЗ № 210-ФЗ при предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме могут осуществляться:

- 1) предоставление в установленном порядке информации заявителям и обеспечение доступа заявителей к сведениям о государственных и муниципальных услугах;

- 2) подача запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги и иных документов, необходимых для предоставления государственной или муниципальной услуги, в том числе документов и информации, электронные образы которых ранее были заверены в соответствии с пунктом 7.2 ч. 1 ст. 16 ФЗ № 210-ФЗ, и прием

таких запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги и документов, органом, предоставляющим государственную услугу, органом, предоставляющим муниципальную услугу, либо подведомственной государственному органу или органу местного самоуправления организацией, участвующей в предоставлении государственной или муниципальной услуги, с использованием информационно-телекоммуникационных технологической и коммуникационной инфраструктуры, в том числе единого портала государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг;

3) получение заявителем о ходе выполнения запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги;

4) взаимодействие органов, предоставляющих государственные услуги, органов, предоставляющих муниципальные услуги, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, участвующих в предоставлении предусмотренных ч. 1 ст. 1 настоящего Федерального закона государственных и муниципальных услуг;

5) получение заявителем результата предоставления государственной или муниципальной услуги, если иное не установлено федеральным законом;

б) иные действия, необходимые для предоставления государственной или муниципальной услуги.

Согласно паспорту федеральной программы «Цифровое государственное управление», включённой в государственную программу «Цифровая экономика», необходимо обеспечить перевод государственных и частных услуг в цифровой формат. Регулирующее действие осуществляется на основании закона № 210-ФЗ, в котором установлен порядок предоставления как государственных, так и муниципальных услуг. Данное законодательное положение охватывает органы государственной власти, пенсионные учреждения, исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации и муниципальные образования, осуществляющие определённые функции. В дополнение к этому, распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2011 года № 729-р создало перечень услуг, подлежащих предоставлению в электронном виде органами государственной и муниципальной власти, охватывающий задания и заказы [5].

Сфера социального обслуживания охватывает широкий спектр услуг, начиная от предоставления информации о доступных социальных поддержках и принимая заявки в учреждениях, находящихся под контролем исполнительных органов субъектов Российской Федерации (согласно пунктам 44 и 45 Перечня услуг). Согласно положениям закона № 210-ФЗ, государственные органы обязаны обеспечить возможность предоставления услуг дистанционно с применением Интернета, включая электронные форматы и услуги онлайн.

Постановление Правительства РФ, утверждённое 26 марта 2016 года № 236, утвердило требования к предоставлению услуг в электронном формате [6]. Они охватывают этапы формирования и подачи заявок, их последующее рассмотрение, уведомление граждан о результатах обработки, организацию платежей и запись на приём к специалистам. Согласно разделу 2 данного документа, доступ к электронным услугам обеспечивается не только через «Единый портал государственных и муниципальных услуг», но также через сайты субъектов Федерации и иные интернет-ресурсы органов власти.

Тем не менее, даже при наличии правовой основы в судебной практике наблюдается ситуация, когда значительная часть граждан и организаций, осуществляющих предоставление услуг, не готовы в полной мере принять цифровые технологии. Существующая модель, особенно в удалённых населённых пунктах, находится на стадии предшествующей цифровизации. Повышение эффективности мониторинга за качеством предоставляемых электронных услуг требует принципиально нового подхода к регулированию.

Таким образом, на сегодняшний день, становится очевидно, что в соответствии с задачами реализации программ развития цифровой экономики России, органы государственной власти обязаны ориентироваться на вектор, заданный В. В. Путиным на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Президент отметил, что цифровая экономика — это не отдельная отрасль, по сути это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. Формирование цифровой экономики — это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний на десятилетия вперед».

Литература:

1. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024 № 521-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.
2. Приказ Минкомсвязи России от 30.01.2019 № 22 (ред. от 17.07.2024) «Об утверждении плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на период 2019–2024 годов» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327319/ (дата обращения: 04.07.2025)
3. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 2018. Ст. 2817.

4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 2024. Ст. 2584.
5. Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2011 № 729-р (ред. от 28.11.2018) «Об утверждении перечня услуг, оказываемых государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное задание (заказ) или муниципальное задание (заказ), подлежащих включению в реестры государственных или муниципальных услуг и предоставляемых в электронной форме» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 18. 2011. Ст. 2679.
6. Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 (ред. от 17.04.2023) «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 15. 2016. Ст. 2084.
7. Решение Эрзинского районного суда Республики Тыва от 25.08.2021 № 2а-145/2021~М-121/2021 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327319/ (дата обращения: 04.07.2025)

Административная ответственность за правонарушения в энергетике

Поздняков Мирон Евгеньевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В работе проводится анализ правового регулирования административной ответственности в сфере энергетики. Выдвигаются предположения о недостатках правового регулирования и отсутствия четких критериев разграничения энергетики от смежных, указанных в главе КоАП РФ, областей права.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, правонарушения в энергетике, топливно-энергетический комплекс.

Понятие «энергетика» с точки зрения правового регулирования имеет множество различных токований и проявлений. Наиболее общая дефиниция содержится в международном стандарте, который закрепляет, Что энергетика — это «область экономической деятельности, науки и техники, охватывающая энергетические ресурсы, производство, передачу, преобразование, аккумулирование, распределение и потребление энергии различных видов» [1].

В Российской Федерации сегодня действует более сотни нормативных правовых актов различного уровня, регулирующих деятельность энергетического комплекса. Среди них, к примеру, федеральные законы «О естественных монополиях», «Об энергоснабжении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Об электроэнергетике», «О газоснабжении в Российской Федерации», «Об экспорте газа», «О теплоснабжении», «Об использовании атомной энергии» и другие.

Несмотря на то, что объекты энергетики могут являться субъектом предпринимательской деятельности, государству необходимо регулировать процесс их деятельности в большей степени, чем иных организаций. Это связано с повышенной значимостью их деятельности для общества и повышенной опасностью.

В научной литературе отмечается, что публичное управление в энергетическом комплексе можно выразить в следующих направлениях: ценовое регулирование, лицензирование отдельных видов деятельности и опреде-

ление круга субъектов, которые подлежат обязательному обслуживанию энергией разных видов или установление минимального уровня их обеспечения [2].

Вместе с этим, еще одним направлением регулирования деятельности в энергетике, являются составы административных правонарушений, закрепленные в Главе 9 КоАП РФ.

Отдельно обратим внимание на то, что законодатель объединил сразу три вида правонарушений: энергетику, строительство и промышленность. Подобное группирование не раз становилось предметом научной критики.

Так, например, А. А. Каюда говорит о том, что три этих отрасли не соответствуют друг другу и должны рассматриваться по отдельности, исходя из своих особенностей [3].

Мы также можем с этим согласиться, т. к. энергетика, строительство и промышленность, не части единого комплекса и не соотносятся как части и целое, они также имеют очень большую специфику, и их нельзя признать частью друг друга.

С точки зрения энергетики — она является отправной точкой регулирования деятельности топливно-энергетического комплекса (ТЭК) — еще большего объема законодательного регулирования. Все это позволяет согласиться с мнением, высказанным А. А. Каюда, о недостатках правового регулирования в части группировки составов правонарушений.

Сложность и специфика административной ответственности в области энергетики приводит к недостаточности правового регулирования даже в рамках самого

КоАП РФ, т. к. в рассматриваемой главе сосредоточено много различных правоотношений, которые сложно соотносятся между собой.

Можно привести в пример состав правонарушения, предусмотренный ст. 7.19 КоАП РФ — Самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа, Что предполагает незаконную врезку к объектам ТЭК. Возникает логичный вопрос, посягает ли такое правонарушение на сферу энергетики. Ответ, на наш взгляд, положительный. Но и отрицать, что такие действия напрямую оказывают влияние и на право

собственности (где располагается данный состав правонарушения), мы не можем.

Вместе с этим, количество подобных нарушений велико из года в год, а подобные действия не только посягают на собственность (на энергию, которая имеет собственников), но и угрожает безопасности.

Исследование показателей привлечения лиц к административной ответственности за самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа, предусмотренное ст. 7.19 КоАП РФ, говорят о высоком количестве таких правонарушений [4].

Исходя из этого, можно с полной уверенностью утверждать, что энергетика требует более подробной и тщательной проработки в нормативно-правовых актах, в данном случае в КоАП РФ.

Приведенные обстоятельства, неизбежно вызывают определенные сложности в правоприменительной практике, поскольку при квалификации правонарушений, предусмотренных гл. 9 КоАП РФ, возникает необходимость обращения к различным нормативно-правовым актам, в которых раскрываются специфические признаки, характеризующие содержание деятельности в сфере энергетики, а также зачастую приходится квалифицировать действия по иным статьям КоАП РФ, даже не смотря на

то, что они посягают и на энергетику и на безопасность в сфере энергетики.

На основании вышесказанного, сделан вывод о несовершенстве норм административного права, которое не выделяет энергетику как отдельный объект посягательства, смешивая ее со сферой строительства и промышленностью, которые не являются ни родовым, ни смежным понятием, по отношению к энергетике, что зачастую вызывает сложности правоприменения. Также отметим, что рассмотрение сферы энергетики в качестве отдельной составляющей (от иных отраслей деятельности) дает более широкие возможности для предупреждения и пресечения административных правонарушений.

Литература:

1. ГОСТ 19431–2023. Межгосударственный стандарт. Энергетика и электрификация. Термины и определения (введен в действие Приказом Росстандарта от 24.10.2023 N 1218-ст) // М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.
2. Кузнецов И. Н. Публичное администрирование топливно-энергетического комплекса в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29. С. 445–450.
3. Каюда А. А. Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8–2. С. 143–346.
4. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // [Электронный ресурс]. Судебная статистика РФ. Режим доступа: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/adm/t/31/s/1>

Анализ правоприменительной практики недействительности сделок с недвижимостью

Полищук Валентина Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Чердакова Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский экономический институт

Недвижимость и сделки с ней играют большую роль в гражданско-правовом регулировании, что обусловлено их высокой экономической ценностью, необходимостью государственной регистрации, а также существенным влиянием на стабильность имущественного оборота и защиту прав участников гражданских правоотношений. В настоящей статье проводится анализ правоприменительной практики признания сделок с недвижимостью недействительными, особое внимание уделяется сделкам с земельными участками. Автор исследует судебную практику, выявляя сложности в толковании норм гражданского законодательства. Особое внимание уделяется последствиям признания сделок недействительными.

Ключевые слова: недействительность сделок, оспоримые сделки, ничтожные сделки, недвижимость, сделки с недвижимостью, земельный участок.

Analysis of law enforcement practice of invalidity of real estate transactions

Estate and transactions with it play a major role in civil law regulation, which is due to their high economic value, the need for state registration, as well as a significant impact on the stability of property turnover and the protection of the rights of participants in civil legal relations. This article analyzes the law enforcement practice of recognizing real estate transactions as invalid, with special attention paid to transactions with land plots. The author examines judicial practice, identifying the difficulties in interpreting the norms of civil legislation. Particular attention is paid to the consequences of recognizing transactions as invalid.

Keywords: invalidity of transactions, voidable transactions, voidable transactions, estate, estate transactions, land plot.

Согласно части 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации [1], каждый гражданин наделен правом свободно использовать свои возможности и имущество для осуществления предпринимательской и прочей разрешенной законодательством деятельности. Конституционные основы гарантируют свободу заключения сделок как одно из основных гражданских прав и укрепляют принципы свободы, равенства и защиты частной собственности, обеспечивая гражданам и юридическим лицам возможность заключать необходимые сделки в рамках закона.

Согласно статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ [2]), сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Это законодательное определение сделок имеет принципиальное значение для гражданского оборота, поскольку оно устанавливает унифицированные правовые критерии для признания определенных действий сделками. Этим обеспечивается единообразие в квалификации их юридических последствий, стабильность договорных отношений и предсказуемость сторон сделок.

Статья 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ [3]), называет объектами земельных отношений: 1) земля как природный объект и природный ресурс; 2) земельные участки; 3) части земельных участков. Земельный участок согласно п. 3 ст. 6 ЗК РФ, является

недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. Иное определение было добавлено в 2021 году в статью ГК РФ. Согласно указанной норме, «земельным участком признается часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом. Земельный участок является недвижимой вещью». Земельный участок, как объект недвижимости, обладает особым правовым статусом, регулируемым не только гражданским, но и земельным, градостроительным, экологическим и иным законодательством, что обуславливает повышенные требования к законности совершаемых с ним сделок [5, с. 77].

В современном законодательстве понятие недвижимого имущества даёт статья 130 ГК РФ. Так, согласно положениям данной статьи, к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, а также здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимости также относятся подлежащие государственной регистрации морские и воздушные суда, суда внутреннего плавания. При рассмотрении определения недвижимого имущества в первую очередь внимание привлекает признак прочной связи с землей. Зачастую признак прочной связи с землей называют «естественным».

Под прочной связью с землей статьей 130 ГК РФ понимается невозможность перемещения объекта без несоизмеримого ущерба его назначению [4, с. 35].

На практике зачастую объекты именуются зданиями, сооружениями, объектами незавершенного строительства, в действительности же они могут не отвечать признаку определения недвижимости, который указан в законе. Так, к примеру, такими объектами в изученной практике являлись навес [8], наружные стены [7].

Недействительные сделки с недвижимостью представляют собой юридические действия, связанные с отчуждением, приобретением или изменением прав на недвижимость, которые в силу нарушений требований закона или существенных условий договора признаются судом не имеющими юридической силы. Недействительность сделок с недвижимостью может возникать по различным основаниям, которые можно разделить на две категории: ничтожные и оспоримые сделки. Ничтожные сделки с недвижимостью не порождают правовых последствий с момента их совершения и не требуют судебного оспаривания для признания их недействительными. Оспоримые сделки с недвижимостью признаются недействительными только по решению суда, если одна из сторон докажет наличие пороков воли или иных нарушений, которые не являются столь очевидными, как в случае ничтожных сделок. К таким сделкам относятся, например, договоры, заключенные под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (кабальные сделки).

Совершенствование механизма государственной регистрации права собственности на недвижимость является одной из проблем развития правового регулирования сделок с недвижимостью. Анализ судебной практики показывает, что договор может быть заключен со злоупотреблением правом. Так, между ПАО «Совкомбанк» (кредитор) и должником заключен кредитный договор, на основании которого банк выдал Ф. 3190800 руб. под залог недвижимости. Должник и Ф. подписали предварительный договор, согласно которому первый выразил намерение продать земельный участок и жилой дом Ф. В п. 4 предварительного договора Ф. указал, что выдал в качестве аванса денежные средства в размере 3 060 000 руб. Предполагалось, что договор купли-продажи жилого дома будет заключен по цене 14 000 000 руб. Ф. значится в качестве собственника земельного участка и расположенного

на нем жилого дома, ранее принадлежавших должнику. Финансовый управляющий обратился в суд первой инстанции с материально-правовым требованием к ответчику и указал на признание недействительной цепочки сделок по отчуждению недвижимого имущества в пользу Ф. и последующего отчуждения объектов недвижимости, применение последствий недействительности сделок. Суд первой инстанции, изучив материалы дела, установил, что договор был заключен со злоупотреблением правом, и признал оспариваемую сделку недействительной, применив соответствующие последствия ее недействительности, указав, что отчуждение имущества должника без его ведома в спорный период свидетельствует о недобросовестных действиях ответчика, направленных на ущемление прав кредиторов, которые рассчитывали на исполнение обязательств со стороны должника [6].

Это решение соответствует сложившейся сегодня судебной практике, согласно которой суды активно противодействуют схемам, позволяющим должникам выводить активы из-под взыскания, особенно в период финансовой несостоятельности, признавая наличие злоупотребления правом. Критериями недобросовестности в подобных случаях являются: отсутствие реального встречного предоставления (сомнительность платежей, заниженная цена сделки); совершение сделки в ущерб кредиторам (нарушение их прав на погашение долга за счет имущества должника).

Таким образом, анализ правоприменительной практики недействительных сделок с недвижимостью показывает, что такие сделки признаются судом не имеющими юридической силы в силу нарушений требований законодательства. Основными причинами признания сделок недействительными являются несоблюдение установленной формы (например, отсутствие государственной регистрации), пороки воли, нарушение прав заинтересованных лиц. Есть системные проблемы в данной сфере, выражающихся в необоснованных отказах в регистрации недвижимости, отсутствия необходимой документации или сомнений в ее достоверности, а также в случаях противоправных действий, если совершается незаконное отчуждение объектов недвижимости. Положительным моментом является то, что судебная практика последовательно занимает позицию неприятия злоупотреблений правом, что находит отражение в признании недействительными сделок, направленных на отчуждение имущества должников в ущерб интересам кредиторов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025 г.) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
4. Турганбаева А. Э. Понятие недвижимого имущества как объекта гражданских прав и его признаки // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2020. № 1. С. 34–36.

5. Шарифулин А. А. Понятие «земельный участок» в свете легализации его определения в Гражданском Кодексе Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1. С. 75–80.
6. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 01.06.2023 г. по делу № А10–7763/2021. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pv4zqs3Xek5B/> (дата обращения: 25.06.2025).
7. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2018 г. по делу № А32–54018/2017 // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/W0nzDhxxnGxv/> (дата обращения: 25.06.2025).
8. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2018 г. по делу № А32–10089/2017 // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mIxJj87jcQ6W/> (дата обращения: 25.06.2025).
9. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 29.06.2023 г. по делу № А47–9703/2022. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5Y4ky7LZJR5T/> (дата обращения: 25.06.2025).

Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений в сфере электронных средств платежа

Сергеев Богдан Игоревич, студент магистратуры
Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Определено понятие обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений в сфере электронных средств платежа, обозначены проблемы и тенденции развития правового регулирования, исследованы теоретические положения.

Ключевые слова: понятие, признаки обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений в сфере электронных средств платежа, теоретические вопросы особенностей обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений в сфере электронных средств платежа, законодательство.

Circumstances to be established in the investigation of crimes in the sphere of electronic means of payment

Sergeev Bogdan Igorevich, master's student
Scientific advisor: Balugina Tatyana Sergeevna, associate professor
Kuban State University (Krasnodar)

The concept of circumstances to be established during the investigation of crimes in the sphere of electronic means of payment is defined, problems and trends in the development of legal regulation are identified, theoretical provisions are examined.

Keywords: concept, features of circumstances to be established during the investigation of crimes in the sphere of electronic means of payment, theoretical issues of the features of circumstances to be established during the investigation of crimes in the sphere of electronic means of payment, legislation.

Теневая экономика оказывает негативное влияние не только на финансово-экономические процессы в государстве, но и в общем на развитие государства. Думается, что наиболее опасными последствиями, которые образуются в государстве по причине вывода денежных средств в теневой сектор, являются растущая инфляция, высокий уровень коррупции, рост организованной преступности.

В международно-правовых актах предпринимаются попытки скоординировать усилия на осуществление противодействия выводу денежных средств в теневой сектор путем разработки большого количества практико-ориентированных методик. Стоит отметить, что преступления,

указанные в ст. ст. 172, 174, 187 УК РФ достаточно часто изменяющиеся и относительно молодые категории, которые вызывают высокие трудности в расследовании преступных деяний.

В. М. Лебедев указывал, что обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), именуются предметом доказывания в теоретических исследованиях [1, с. 34]. Они являются совокупностью фактических обстоятельств, необходимых к установлению для разрешения по существу конкретного дела. По своей сущности предмет доказывания — значимые в юридическом смысле обстоятельства и стороны расследуемого события, установление которых необходимо для принятия

по делу итоговых решений. В переводе с латинского языка «facta concludentia» — это факты, на основании которых можно сделать юридический вывод.

В ст. 73 УПК РФ указано, что при производстве по уголовному делу доказыванию подлежат следующие аспекты:

- 1) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 2) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 3) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 4) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 5) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 6) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Доказательственное право — это фундаментальный институт уголовного процесса, который состоит из комплекса нормативных положений, определяющих предмет, содержания и цели доказывания, специфику доказывания в досудебных и судебных стадиях производства. Предмет доказывания — это центральный элемент доказательственного права. Конечно, как и в любом другом институте, имеется большой комплекс практических и теоретических проблем, которые необходимо исправить.

Практика применения положений ст. 187 УК РФ и множество научных исследований, осуществляющиеся ранее свидетельствует о определенных трудностях в понятии и сущности предмета преступного деяния. Проанализировав содержание диспозиции ст. 187 УК РФ, можно выделить некоторый перечень предметов: платежные карты, средства оплаты, распоряжение о переводе денежных средств, электронные носители информации, компьютерные программы, технические устройства. Предлагаем рассмотреть правовой статус и содержание указанных элементов.

Н. С. Потапенко говорил вполне правильные вещи о необходимости применения термина «фиктивный» вместо фальсификации, так как последний означает в своей сущности исключительно внешнее сходство объекта материального мира с оригиналом [2, с. 23]. Однако в правоприменительной практике указанный аспект не вызывает проблем, но с позиции содержательной и юридической техники такая ситуация не совсем корректна.

Подделка средства платежа — это изготовление лицом (неуполномоченным), или внесение заведомо недостоверной информации, не соответствующая воле создателя. Следовательно, подделку имеет возможность совершить исключительно неуполномоченное на эмиссию лицо. Из указанных вопросов проистекает вопрос в области синтаксической конструкции ст. 187 УК РФ. Иными словами, подделкой может являться исключительно какая-то часть

исследуемых предметов. Например, распоряжения о переводе средств платежа, платежные карты, средства и документы оплаты.

К данным предметам напрямую относятся следующие документы: платежные поручения-требования, платежные поручения, инкассо, инкассовые поручения, банковские и платежные ордера, денежные средства электронного характера. По отношению имеющихся остальных платежных средств (ст. 187 УК РФ): компьютерные программы, технические устройства, электронные носители информации, электронные средства, стоит сказать, что к ним невозможно применить термин поддельный.

Необходимо отметить, что диспозиция данной правовой нормы содержит союз «а также», разделяя ее на две составные части: первая — имеет признаки поддельности, вторая — предназначение (неправомерный перевод, прием, выдача денежных средств). На основании анализа правоприменительной практики необходимо отметить, что в качестве предмета выступают платежные средства, которые относятся ко второй части диспозиции.

Под электронными носителями информации К. А. Строянкова понимает специально предназначенные для совершения преступного деяния устройства, которые дают возможность осуществлять неправомерно хранение и сбор [3, с. 46]. Но в практической плоскости иногда возникают ситуации признания таковыми конкретных предметов, которые достаточно легально имеют происхождение и предназначение.

Проанализировав обозначенную ситуацию, заметим, что в науке выстроена достаточно понятная система отнесения определенных предметов к электронным средствам и носителям информации, отраженными в ст. 187 УК РФ. Выступают, как правило, электронными средствами следующие элементы:

- ключи электронных подписей;
- электронно-цифровая подпись;
- банковская карта;
- абонентский номер мобильного телефона;
- код подтверждения в системе;
- одноразовые СМС-пароли;
- логин и одноразовый пароль в виде СМС-сообщения.

Полагаем, указанные предметы в своей сущности соответствуют действительности, но, безусловно, с течением времени появляются все новые формы, и называть закрытый перечень предметов некорректно.

USB-токен рассматривается в большинстве случаев с позиции электронного носителя информации, на котором имеются определенные сведения пароль и логин с целью осуществления действий платежного характера. Необходимо отметить, что при некоторых ситуациях судебные органы власти относят к данной категории СМС-пароли и банковские карты. Они являются конкретным аналогом подписи (собственной) с целью обеспечения к электронным носителям, но это скорее исключение.

Двуединная сущность предмета — это причина указанной двойственности предмета, которая, как пра-

вило, выражается через призму единства средства платежа (электронного), а также носителя информации. Электронное платежное средство имеет виртуальный характер, а существует в материальном предмете, то есть электронном носителе информации.

Логин и пароль можно привести в качестве примера для реализации действий в области платежа, которые записаны на носитель информации (электронной), которые записываются на ключ электронной подписи на флэш-карте, USB-токен.

Подробная проверка поступившей информации о преступлении должна проводиться для установления признаков субъекта, объекта, объективной стороны. Зачастую на стадии проведения проверки появляются основные версии. К типичным следственным версиям относятся: во-первых, совершено ли конкретное преступление должностным лицом организации, во-вторых, возможно ли совершение преступления иным лицом, в-третьих, относится ли деяние к преступлению по ст. ст. 172, 174, 174.1, 187 УК РФ, в-четвертых, имеет ли место оговор, то есть ложное сообщение, в-пятых, правильно ли оценен с правовой точки зрения проверяемый факт заявителем, поскольку квалификация преступных деяний имеет множество нюансов и сложностей.

Преступники, совершающие противоправные деяния по обозначенным статьям достаточно часто совершают дачу взятки должностным лицам, либо имеют с ними тесные связи, то есть порядок получения ими различных дозволений имеет большое количество особенностей и привилегий. К таким действиям относят:

ускорение проведения соответствующих процессуальных действий;

нарушение порядка делопроизводства (поступления, регистрации документов);

внеочередное рассмотрение спора, нарушение установленных правил по оформлению документов;

ускоренный порядок подготовки документов к их рассмотрению.

Иными словами, любое отклонение от законодательно установленного порядка осуществления полномочий должностного лица может являться признаком как коррупционного преступления, так и любого из исследуемых [4]. Кроме того, имеется метод обнаружения преступных деяний по ст. ст. 172, 174, 174.1, 187 УК РФ «методом от противного». Экономическое состояние лица, занимающегося определенной деятельностью, также может являться признаком, свидетельствующим о причастности к преступным деяниям. Например, не обосновано высокий уровень жизни семьи потенциального подозреваемого лица, наличие ценностей, элитной недвижимости и так далее. То есть идет превышение расходов над доходами семьи, причем как правило в значительном размере.

Очень часто в заявлениях или иных сообщениях о преступлениях по ст. ст. 172, 174, 174.1, 187 УК РФ не хватает объема данных, чтобы установить полноту признаков состава указанных преступлений. Информация подобного

рода предоставляется в письменной и устной форме. Предполагается, что следует в таких случаях составить запросы о предоставлении конкретных сведений из соответствующих организаций. Цель — получение полного объема информации. Очень часто обращаются к лицам, которые имеют специальные знания в той или иной экономической деятельности.

Рекомендуется дополнительно получить материалы о указанном в заявлении лице из правоохранительных органов. По возможности как можно объемнее получить информацию от лиц, которые могут быть причастны к указанному в заявлении факту. На следователя возлагается обязанность организовать проводимую проверку таким образом, чтобы потенциальные подозреваемые никак не смогли узнать о мероприятиях.

Комплекс следующих действий необходимо провести следователю при проверке сведений.

Во-первых, системно изучить информацию о структуре незаконной деятельности организации, а также условия ее функционирования в соответствии с местом работы лица [5, С. 45]. Более того, необходимо провести параллельно проверку должностных лиц уполномоченных органов, которые имеют полномочия по надзору в той сфере экономики, в которой совершаются преступления, на предмет установления коррупционных отношений. Для «полноты картины» следует проанализировать функции учреждения, порядок делопроизводства, состояние контроля и учета, финансовое, организационное, управленческое состояние деятельности организации.

Во-вторых, тщательно ознакомиться с материалами проверок или непосредственно уголовных дел, которые хранятся в тех или иных архивах правоохранительных органов, имеющихся на проверяемых лиц с целью выявления подробной информации.

В-третьих, очень полезным для качества расследования является проведение документальных проверок, исследования документов, ревизий, предметов. Для правильного восприятия специфической информации должны быть к данному мероприятию привлечены профильные специалисты.

В-четвертых, рекомендуется использовать информацию, предоставленную оперативными сотрудниками, которая получена в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. Важнейшими из них являются:

— опросы (заявителя, иных лиц) на предмет установления обстоятельств, которые имеют существенное значение для проверки;

— оперативное наблюдение, которое проводится на рабочем месте лица, автомобиле и так далее, при помощи технических средств фиксации;

— наведение справок;

— прослушивание и фиксация телефонных переговоров;

— возможно оперативное внедрение в среду, в которой осуществляется профессиональная деятельность должностного лица;

— обследование некоторых помещений на предмет выявления следов преступления (например, служебный кабинет).

В первую очередь следователь должен установить, на какой стадии совершения находится преступление, то есть имеет ли место устойчивое и длящееся нарушение закона, или речь идет о единично совершенном деянии. В случае, когда оно на стадии подготовки проводится оперативный эксперимент. В рамках него под строжайшим оперативным контролем должностное лицо задерживается с поличным после совершения преступного деяния.

Данные, которые в большинстве случаев получают оперативным путем, а также в дальнейшем требующие подробного расследования, учитывающиеся при возбуждении уголовного дела следующие:

дружеские отношения внутри организации между руководящими лицами и рядовым штатом сотрудников, которое проявляется в совместном проведении свободного от работы времени;

образ жизни лица или его семьи не по средствам;

находящиеся во владении (дома, на работе, автомобиле) лица крупных денежных сумм и иных ценностей, которые превышают возможность накопления их законным образом;

установление фактов выполнения определенных работ (ремонт транспорта, квартир, строительство объектов недвижимости) для удовлетворения имущественных интересов лица за счет средств и силами подконтрольных лиц;

обеспечение благами из соответствующих фондов предприятия (например, квартиры, автомобили, путевки) лица, а также членов его семьи.

Информация, которая собрана в рамках проведенной проверки с правовой точки зрения оценивается с позиции достаточности материалов для возбуждения уголовного дела. После проведения указанного действия следователь принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, при учете всех нами указанных рекомендаций имеется реальный шанс увеличить качество расследования преступлений данной категории.

Литература:

1. Лебедев, В. А. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2011. — 245 с.
2. Потапенко Н. С. Уголовная ответственность за подделку банковских карт // Российское право. 2019. № 6. С. 20–32.
3. Строянкова К. А. Некоторые вопросы квалификации преступлений по ст. 187 УК РФ. М., 2019. — 462 с.
4. Отмывание преступных доходов, полученных от коррупционных преступлений и преступлений против интересов государственной службы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/WGTYP_\(2023\)_7_rev_1_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/WGTYP_(2023)_7_rev_1_rus.pdf) (дата обращения: 23.01.2025).
5. Чельшева О. В. Учебник по криминалистике. М., 2017. — 377 с.

Социальная защита: понятие, направления, формы, субъекты. Социальное обеспечение: понятие, формы. Соотношение социальной защиты и социального обеспечения

Соломонович Ирина Ивановна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В современном мире, полном экономических и социальных перемен, изучение социального обеспечения и социальной защиты становится как никогда актуальным. Это путь к пониманию механизмов поддержки уязвимых слоев населения, снижению уровня бедности и обеспечению социальной стабильности.

Знание принципов и инструментов социальной защиты позволяет эффективно разрабатывать и внедрять программы, направленные на повышение качества жизни граждан, защиту их прав и создание справедливого общества.

В современном обществе социальная защита и социальное обеспечение играют ключевую роль в обеспечении социальной стабильности, поддержании достойного

уровня жизни граждан и смягчении негативных последствий рыночной экономики.

Социальная защита в Российской Федерации — это многоуровневая система, направленная на поддержку граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации или нуждающихся в особой помощи. Она опирается на Конституцию РФ, федеральные законы и нормативные акты, и включает в себя различные формы поддержки, предоставляемые как государством, так и негосударственными организациями.

Система социальной защиты в Российской Федерации постоянно развивается и совершенствуется, чтобы отвечать потребностям меняющегося общества. Приоритетными направлениями являются поддержка семей

с детьми, инвалидов, пожилых людей, а также граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Несмотря на достигнутые успехи, в системе остаются проблемы, такие как недостаточность финансирования, неравномерное распределение ресурсов, необходимость повышения эффективности. Важным направлением дальнейшего развития является внедрение современных технологий и повышение качества предоставляемых услуг.

Эффективная система социальной защиты должна включать в себя развитое социальное обеспечение, а также другие инструменты, такие как активные программы занятости, социальные услуги, направленные на поддержку семьи и детей, а также механизмы по борьбе с дискриминацией и социальной изоляцией. Цель — не просто предоставление временной помощи, но и создание условий для устойчивого повышения качества жизни и благосостояния граждан.

Социальная защита и социальное обеспечение — взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Социальное обеспечение, как правило, рассматривается как более узкое понятие, фокусирующееся на предоставлении материальной поддержки в случаях старости, инвалидности, болезни, потери работы или кормильца. Это включает в себя выплаты пенсий, пособий, стипендий и других видов материальной помощи, гарантированных государством. Социальное обеспечение является важной, но лишь составной частью системы социальной защиты.

Социальная защита, в свою очередь, представляет собой более широкую концепцию, охватывающую все государственные и частные механизмы, направленные на снижение рисков и уязвимости граждан, а также на обеспечение их доступа к базовым социальным услугам, таким как здравоохранение, образование, жилье и трудоустройство.

Таким образом, социальное обеспечение является важной, но лишь частью системы социальной защиты. Социальная защита включает в себя не только материальную поддержку, но и комплекс мер по социальной адаптации, реабилитации и интеграции в общество.

Эффективная система социальной защиты должна включать в себя развитое социальное обеспечение, а также другие инструменты, такие как активные программы занятости, социальные услуги, направленные на поддержку семьи и детей, а также механизмы по борьбе с дискриминацией и социальной изоляцией.

Социальная защита является широкой концепцией, охватывающей все государственные и частные механизмы, направленной на снижение рисков и уязвимости граждан, обеспечение их доступа к базовым социальным услугам, таким как здравоохранение, образование, жилье, трудоустройство, и создание условий для достойной жизни. Она охватывает широкий спектр направлений и форм помощи, ориентированных на различные категории населения, нуждающиеся в поддержке.

Социальная защита включает в себя не только материальную поддержку, но и комплекс мер по социальной адаптации, реабилитации и интеграции в общество.

Поддержка доходов населения как направление социальной защиты включает в себя выплату пенсий, пособий, а также предоставление социальных выплат и компенсаций. Целью является обеспечение минимально необходимого уровня доходов для удовлетворения базовых потребностей разных групп населения страны.

В рамках социального обслуживания населению предоставляются услуги, направленные на удовлетворение потребностей граждан, нуждающихся в посторонней помощи, в таких формах как уход на дому, предоставление мест в домах-интернатах, реабилитационных центрах.

Формами социальной защиты в Российской Федерации являются денежные выплаты, натуральная помощь, например, такая как обеспечение лекарственными препаратами, продуктами питания, социальные услуги и льготы и субсидии, предоставляемые на оплату коммунальных услуг, проезд в общественном транспорте, получение образования и медицинских услуг.

Субъектами социальной защиты в Российской Федерации являются государственные органы власти, органы власти субъектов и местного самоуправления, социальные учреждения, негосударственные организации, такие как благотворительные фонды и коммерческие организации, участвующие в предоставлении социальных услуг, работодатели, предоставляющие своим работникам социальные гарантии и льготы, а также граждане, являющиеся получателями социальной поддержки или участвующие в ее предоставлении.

В Российской Федерации действует многоуровневая и разветвленная система законодательства, направленная на обеспечение социальной защиты и социального обеспечения граждан. Эта система призвана гарантировать достойный уровень жизни, поддержку в трудных жизненных ситуациях и реализацию социальных прав населения.

Конституция Российской Федерации закрепляет основные социальные права граждан, такие как право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39). Конституция гарантирует право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41), право на образование (статья 43), право на жилище (статья 40) и другие социально значимые права.

Основу федерального законодательства в сфере социальной защиты и социального обеспечения составляют Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», который определяет правовые основы оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам, Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», регламентирующий виды, размеры и условия предоставления пенсий по государственному пенсионному обеспечению, Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах соци-

ального обслуживания граждан Российской Федерации», устанавливающий правовые и организационные основы социального обслуживания, и Трудовой кодекс Российской Федерации, регулирующий трудовые отношения и устанавливает гарантии для работников, включая пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам.

Субъекты Российской Федерации принимают собственные законы и нормативные акты, развивающие и конкретизирующие федеральное законодательство в сфере социальной защиты и социального обеспечения с учетом региональных особенностей и потребностей. Региональное законодательство может предусматривать дополнительные меры социальной поддержки для различных категорий граждан, проживающих на территории соответствующего субъекта РФ.

Стоит отметить, что отдельные категории граждан имеют особый юридический статус. Российская Федерация с особым вниманием относится к тем, кто ее защищает. Военная служба представляет собой особый вид государственной службы по защите Родины в Вооруженных силах РФ, войсках Национальной Гвардии, других войсках, формированиях и органах в установленном законом порядке.

Важным направлением социальной политики государства по отношению к военнослужащим является их пенсионное обеспечение, соответствующее высокому статусу таких граждан и роли военной службы в обществе. Пенсии военнослужащим финансируются из государственного бюджета и представляют собой разновидность пенсий по государственному пенсионному обеспечению.

Также эта категория граждан, при выполнении ими служебных обязанностей, может ограничиваться в некоторых общегражданских правах, поэтому государство берет на себя ответственность не только за социальную защиту военнослужащих, но и с вниманием относится к членам их семей.

Несовершеннолетние дети в Российской Федерации в случае гибели одного или обоих родителей приобретают право на пенсию по потере кормильца в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и Федеральным законом от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

Вместе с тем, дети погибших военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, имеют право на назначение пенсии по потере кормильца на основании положений Закона Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей».

Пенсия по потере кормильца может быть назначена только по одному основанию, в первом случае, в целях ее назначения необходимо обращаться в Социальный фонд Российской Федерации. Во втором случае, прием документов и оформление выплаты осуществляется военным комиссариатом региона, в котором несовершеннолетний обратился с таким заявлением.

В качестве примера регионального законодательства в области социального обеспечения семей военнослужащих можно отметить Закон Псковской области от 05.03.2012 № 1148-ОЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки родителей и супругов военнослужащих, погибших (умерших) после 16 января 1995 года вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы».

Таким образом, законодательная база в сфере социальной защиты и социального обеспечения представляет собой сложный, но необходимый инструмент для обеспечения социальной стабильности и благополучия граждан с учетом их индивидуальных потребностей и жизненных обстоятельств.

Стоит отметить, что развитие цифровых технологий является важным аспектом в социальной сфере, позволяя автоматизировать часть процессов назначения и выплаты пенсий и пособий, сократить сроки назначения и получения социальных выплат, а также повысить доступность посредством развития цифровых сервисов, позволяющих проводить оформление дистанционно.

Целью развития системы социальной защиты и социального обеспечения является не просто предоставление временной помощи, но и создание условий для устойчивого повышения качества жизни и благосостояния граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025).
3. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 29.10.2024).
4. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (ред. от 07.06.2025).
5. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (ред. от 29.10.2024).
6. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ред. от 28.02.2025).
7. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024).

8. Закон Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и членов их семей» (ред. от 23.05.2025).
9. Закон Псковской области от 05.03.2012 № 1148-ОЗ «О дополнительном мере социальной поддержки родителей и супругов военнослужащих, погибших (умерших) после 16 января 1995 года вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы» (ред. от 06.12.2013).

Тенденции развития микрофинансовой деятельности в РФ

Уразов Артём Александрович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируется роль микрофинансовых организаций в экономике РФ. Автор анализирует меры, принимаемые государством, направленные на снижение долговой нагрузки заемщиков. В статье рассматривается тенденция к укрупнению микрофинансовых организаций, связанная с вводимыми ограничительными мерами. Рассмотрено влияние макропруденциальных лимитов на сферу микрофинансирования.

Ключевые слова: микрофинансовая деятельность, макропруденциальные лимиты, показатель долговой нагрузки, финансовый контроль.

Trends in the development of microfinance activities in the Russian Federation

The article analyzes the role of microfinance organizations in the Russian economy. The author analyzes the measures taken by the government to reduce the debt burden of borrowers. The article examines the trend towards the consolidation of microfinance organizations due to the restrictive measures imposed. The article also examines the impact of macroprudential limits on the microfinance sector.

Keywords: microfinance activities, macroprudential limits, debt burden indicator, financial control.

На современном этапе развития экономического сектора роль микрофинансовых организаций с каждым годом существенно возрастает, когда в реалиях кризиса многим юридическим и физическим лицам необходимо решать проблему крайней нехватки финансовых средств: с каждым годом наблюдается увеличение совокупного объема выданных микрозаймов, количество заемщиков МФО и кредитного портфеля микрозаймов. Соответственно возникает потребность в жесткости регулирования данной сферы предпринимательской деятельности ввиду непрозрачности условий выдаваемых кредитов, возникновения огромных штрафов при просрочке платежа и других ситуаций, приводящих к возникновению огромной долговой нагрузки на заемщика.

На современном этапе принимаются различные меры по защите прав должников: были приняты изменения к закону о микрофинансировании и микрофинансовых организациях, которые ограничивают предельный размер долга по «займам до зарплаты» четырехкратным размером суммы самого кредита. Кроме того, Закон о МФО дополнен статьей 12.1, согласно которой после возникновения просрочки исполнения обязательства заемщика МФО по договору потребительского займа, срок возврата по которому

не превышает одного года, вправе продолжать начислять заемщику проценты только на не погашенную им часть суммы основного долга. МФО не вправе осуществлять начисление процентов за период с момента достижения общей суммы подлежащих уплате процентов размера, составляющего двукратную сумму непогашенной части займа, до момента частичного погашения заемщиком суммы займа и (или) уплаты причитающихся процентов.

По данным, опубликованным Банком России, за 2023 год микрофинансовые организации выдали более 1 триллиона рублей, а размер совокупного портфеля на 01.01.2024 составил 442 млрд рублей, квартальный прирост в течение года находился в диапазоне 4–6 %. Отмечено, что в 2023 году на рынке последовательно начали действовать меры, направленные на снижение долговой нагрузки заемщиков, а именно, установлены макропруденциальные лимиты, ограничивающие объем выдаваемых займов гражданам с высокой долговой нагрузкой и введены ограничения максимальной суммы переплаты по займу (130 % от тела долга) и максимального размера ежедневной процентной ставки (0,8 % в день) [3].

Основной тенденцией на настоящий момент в сфере микрофинансирования является необходимое укруп-

нение и связанное с этим снижение их количества в государственном реестре микрофинансовых организаций. Это во многом связано с ограничительными мерами, вводимыми Центральным банком, которые в свою очередь приводят к оздоровлению микрофинансового сектора. После введения новых требований к организациям, осуществляющим деятельность на микрофинансовом рынке, ликвидированы те из них, которые испытывают недостаток капитала, в целях увеличения устойчивости и надежности деятельности МФО [4].

Другим немаловажным направлением является повышение активности работы с накопленной и вновь возникающей просроченной задолженностью в деятельности МФО. Результатом является постепенное устойчивое снижение доли просроченной задолженности в структуре активов МФО. Следствием этого является необходимость формирования устойчивого ядра клиентской базы МФО [2]. На современном этапе развития МФО, функционирующих от 3 до 5 лет, выявляется определенная доля субъектов МСП, повысившая свою финансовую грамотность и культуру работы с заемными финансовыми средствами через взаимодействие с МФО в течение нескольких лет. Указанная часть заемщиков составляет пул постоянных клиентов МФО. Анализ их кредитной истории демонстрирует положительный эффект для развития МСП: объемы и цели привлечения денежных средств увеличиваются и развиваются с учетом развития субъектов МСП на территории субъекта Российской Федерации.

Важным изменением, принятым в 2023 году, характеризующее ужесточением политики в сфере микрофинансирования стало введение макропруденциальных лимитов (МПЛ). Этот инструмент подразумевает количественные ограничения на выдачу кредитов заемщикам с высоким показателем долговой нагрузки (ПДН), представляющие собой отношение среднемесячных платежей заемщика по всем кредитам к его среднемесячному доходу. Теперь у МФО на заемщиков с нагрузкой выше 80 % не должно приходиться более 35 % от всех выданных за квартал займов.

Литература:

1. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: федер. закон от 2 июля 2010 года N 151-ФЗ (последняя редакция) // pravo.gov.ru: официальный интернет-портал правовой информации. – Версия Проф. – М., 1995. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102139631>
2. Об утверждении Концепции развития государственных микрофинансовых организаций: Приказ Минэкономразвития России от 09.11.2020 N 745 URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-09112020-n-745/kontseptsii-razvitiia-gosudarstvennykh-mikrofinansovykh-organizatsii/>
3. Тенденции микрофинансового рынка в 2023 году | Банк России // <https://cbr.ru/>: Центральный Банк Российской Федерации. – Версия Проф. – М., 2000. — URL: https://cbr.ru/analytics/microfinance/mfo/mmt_2023/
4. Оголихина С. Д. Проблемы и тенденции развития микрофинансовых организаций России в условиях экономического кризиса // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. — 2016. — Т. 6. № 1. — С. 243–249.

Необходимо отметить, что в настоящий момент наблюдается ситуация усиленной борьбы за клиентов — особенно тех, у кого низкая долговая нагрузка. Тем клиентам, которым МФО одобрили займы, со временем будут доступны среднесрочные относительно крупные займы, а также прочие продукты: например, займы с оплатой частями, займы в точках продаж и т. д. За таких заемщиков кредиторы будут бороться между собой, предлагая им различные акции, скидки, программы лояльности и проч. Политика удержания постоянного клиента выйдет на первый план и потребует от кредиторов дополнительных усилий от организаций.

Дополнительно необходимо отметить, что с 01.02.2024 вступил в силу Федеральный закон от 04.08.2023 № 467-ФЗ, которым внес изменения в Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Так, теперь контроль за деятельностью банков и микрокредитных организаций по взысканию задолженности будет осуществлять служба судебных приставов, ранее данное ведомство осуществляло контроль только за профессиональными коллекторскими организациями. Также, служба судебных приставов будет вести государственный реестр коллекторских организаций, занимающихся возвратом просроченной задолженности граждан, который будет формироваться автоматически в рамках межведомственного взаимодействия с Банком России [1]. Данный закон предусматривает возможность взаимодействия должника и кредитора в электронном виде (электронная почта и ЕПГУ).

Таким образом, основным направлением в сфере микрофинансовой деятельности является законодательное ужесточение требований, предъявляемых к деятельности МФО. Наблюдается ужесточение регулирования, усиление концентрирования, количественное сокращение организаций, регулятивные требования ужесточаются — все эти факторы оказывают значительное влияние на функционирование микрофинансового рынка на современном этапе.

Методы юридической науки, используемые при исследовании особенностей и свойств судебного штрафа как меры уголовно-правового характера

Утеева Луиза Азатовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Судебный штраф является одной из мер уголовно-правового воздействия, введенный Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Законодательно он отнесен к иным мерам уголовно-правового характера, но в доктрине вопрос о его правовой природе остаётся дискуссионным. Изучение судебного штрафа, как меры уголовно-правового характера требует комплексного подхода, включающего использование различных методов юридической науки. Данная статья посвящена рассмотрению основных методологических подходов, применяемых при анализе особенностей и свойств судебного штрафа, позволяющие определить его правовую природу, а также ведущие к выявлению перспектив дальнейшего развития научных исследований в данной области.

Ключевые слова: метод, методы юридической науки, методология, юриспруденция, свойства, особенности, судебный штраф, мера уголовно-правового характера.

Введение

Вопросы уголовного права являются одними из наиболее сложных и многогранных областей юриспруденции. Судебный штраф представляет собой специфический вид наказания, характеризующийся определенными особенностями и свойствами, отличающими его от иных видов наказаний. Для глубокого понимания сущности судебного штрафа и его роли в правовой системе необходимы специальные методы исследования, позволяющие выявить закономерности и тенденции в применении данной меры уголовно-правового характера.

Методологические подходы к исследованию судебного штрафа

Анализ нормативно-правовых актов

Одним из ключевых методов изучения судебного штрафа является анализ нормативных правовых актов, регулирующих порядок назначения и исполнения штрафов. Это позволяет определить рамки применения штрафа, установить критерии его назначения и оценить эффективность правового регулирования. Примером такого анализа может служить исследование Главы 11 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), а именно статьи 76.2, в которой устанавливаются основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а также Раздела VI УК РФ, а именно главы 15.2, в которой в статьях 104.4, 104.5 УК РФ [1], закрепляются понятие судебного штрафа, меры ответственности за уклонение от его уплаты, а также порядок определения размера судебного штрафа. Исследование и анализ Федерального закона от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», определяет порядок взыскания судебных штрафов.

Социологический опрос

Метод социологического опроса используется для выявления общественного мнения относительно эффективности применения судебного штрафа. Опрос населения и специалистов в области права помогает понять восприятие обществом данного вида наказания и выявить возможные проблемы в его реализации. Например, проведение опросов среди лиц, которым назначен судебный штраф, сотрудников правоохранительных органов, сотрудников прокуратуры позволяет выявить отношение к судебному штрафу и предложить пути улучшения практики его применения.

Статистические исследования

Статистика играет важную роль в изучении судебной практики применения штрафов. Сбор и анализ статистических данных позволяют выявить динамику изменения количества назначенных штрафов, средний размер взысканных сумм и соотношение между назначением штрафа и иными видами наказаний. Использование статистического метода способствует выработке рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Верховный Суд Российской Федерации регулярно проводит мониторинг и обобщение судебной практики, касающейся освобождения от уголовной ответственности, в том числе в случаях, предусмотренных статьей 76.2 Уголовного кодекса РФ («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»). Цель таких мероприятий заключается в обеспечении единообразия и обоснованности применения положений закона всеми судебными инстанциями страны.

За период действия ст. ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ институт судебного штрафа подтвердил свою востребован-

ность в правоприменительной практике. В соответствии со статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ судебный штраф в 2017 году был назначен 20 639 лицам, в 2018 году — 33 329 лицам [2].

Приведенные данные, действительно указывают на устойчивый рост числа случаев, когда суды принимают решение освободить обвиняемого от уголовной ответственности с применением судебного штрафа как меры уголовно-правового характера.

Рассматриваемая практика освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа свидетельствует о широком распространении данной меры по всей территории Российской Федерации. Данная мера уголовно-правового характера применялась в отношении лиц, совершивших различные преступления небольшой и средней тяжести (кражу, мошенничество, присвоение или растрату, умышленное уничтожение или повреждение имущества и др.).

Историко-правовое исследование

Историческое развитие института судебного штрафа представляет интерес для исследователей, поскольку оно отражает эволюцию взглядов общества и государства на наказание преступников. Изучение истории возникновения и развития судебного штрафа позволяет выявить причины появления данной меры наказания, а также определить факторы, влияющие на изменение её содержания и формы. Так, исторический анализ показывает, что институт судебного штрафа зародился ещё в Древнем Риме [5] и претерпел значительные изменения в ходе исторического развития российского права.

Усиление дифференцированного подхода к привлечению к уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления средней и небольшой тяжести, фактически привело к появлению новой систематизации категорий преступлений, объединяющей два элемента:

- 1) преступления небольшой и средней тяжести;
- 2) тяжкие и особо тяжкие преступления.

Тем самым законодатель укрепляет восстановительно-компенсационные функции в уголовной политике, которые позволяют существенно улучшить положение лиц, совершивших преступные посяательства.

Упомянутые функции можно условно разделить на два направления:

- 1) возмещение вреда потерпевшему
- 2) компенсационные выплаты в бюджет государства.

В этой классификации положения статьи 76.2, стоят особняком, так как могут быть отнесены как к первой, так и ко второй группе: данная норма может способствовать как возмещению вреда потерпевшему, так и компенсационной выплате в бюджет в форме судебного штрафа.

С инициативой, касающейся введения нового вида освобождения от уголовной ответственности, выступил Верховный Суд Российской Федерации. В пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении

изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [3] необходимость включения соответствующей нормы обосновывалась тем, что она создаст дополнительные условия для вывода из-под острого уголовно-правовой репрессии, в общей сложности, более трехсот тысяч человек. В социальной структуре общества это вызовет положительные изменения, так как число имеющих судимость лиц значительно сократится. Рассматриваемые новеллы УК РФ позволяют прекратить уголовное преследование, в связи с применением других уголовно-правовых мер, не только в рамках судебного рассмотрения, но и ходе расследования уголовного дела. Благодаря этому, по мнению законодателя, предполагается повысить эффективность процессуальной экономии. Расчет был сделан на то, что в рамках предупреждения преступлений основную нагрузку примут на себя иные меры уголовно-правового характера и механизм уголовной репрессии будет включаться только, если последние не достигнут своих целей. Таким образом, благодаря новому основанию освобождения от уголовной ответственности предполагалось избавлять от наказания ежегодно до двадцати пяти тысяч лиц [6].

Сравнительно-правовой анализ

Применение сравнительно-правового метода позволяет сравнить практику назначения судебного штрафа в разных странах мира. Этот метод даёт возможность выявить особенности национального законодательства и международной практики, а также заимствовать позитивный опыт зарубежных стран. Сравнение опыта применения судебного штрафа в России и других странах, таких как Республика Беларусь, Молдова, Казахстан, Армения, Азербайджан позволит разработать рекомендации по оптимизации отечественной системы уголовных наказаний.

Похожие на судебный штраф положения, регламентирующие обязательные денежные отчисления в казну государства и при этом не являющиеся наказанием, присутствуют в законодательстве Республики Беларусь, Казахстан и Молдовы. В указанных странах вместо судебного штрафа присутствует выплата в бюджет государства.

Так в уголовном законодательстве Казахстана имеет наличие принудительный платеж, отличающийся от судебного штрафа тем, что он взыскивается в принудительном порядке.

В уголовном законодательстве Республики Кыргызстан принудительный платеж применяется и к юридическим лицам [4].

Особенности и свойства судебного штрафа

Исследование особенностей и свойств судебного штрафа предполагает выявление характеристик, при-

сущих именно этому виду наказания. Среди таких характеристик можно выделить следующие аспекты:

— финансовое воздействие: штраф оказывает финансовое давление на лицо, нарушившее закон, заставляя его компенсировать ущерб обществу;

— индивидуализация наказания: размер штрафа определяется индивидуально исходя из тяжести совершенного деяния и имущественного положения лица;

— социальная справедливость: применение штрафа должно соответствовать принципам социальной справедливости, обеспечивая равное отношение ко всем правонарушителям независимо от их материального положения;

— эффективность наказания: необходимо обеспечить высокую степень исполнения штрафных санкций, исключая случаи уклонения от уплаты штрафа.

Эти характеристики требуют особого внимания со стороны законодателя и правоприменителя, так как они влияют на восприятие населением законности и справедливости правосудия.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.07.2025).
2. «Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» (статья 76.2 УК РФ). (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508032/
3. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/document/cons>
4. Абдуллаева, Н. А. Судебный штраф в российском законодательстве и законодательстве зарубежных стран. Сравнительно-правовой анализ. / Н. А. Абдуллаева. — Текст: непосредственный // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-shtraf-v-rossiyskom-zakonodatelstve-i-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran-sravnitelno-pravovoy-analiz>
5. Медведев, В. Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в архаический период / Медведев, Г. В. — Текст: непосредственный // Общество и право. — 2010. — № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-sud-i-protsess-v-drevnem-rime-v-arhaicheskiy-period/viewer>
6. Михайлов, Д. О. Социально-правовые предпосылки появления судебного штрафа в российском уголовном праве. / Д. О. Михайлов. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2018. — № 3(30). <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovye-predposylki-poyavleniya-sudebnogo-shtrafa-v-rossiyskom-ugolovnom-prave>

Заключение

Изучение особенностей и свойств судебного штрафа требует применения широкого спектра методов юридической науки. Комплексный подход к исследованию данной темы позволяет выявить основные направления совершенствования законодательства и практики применения судебного штрафа. Будущие научные исследования должны учитывать указанные методологические подходы и развивать их применение в целях повышения качества правового регулирования и эффективности борьбы с преступностью.

Данная статья предназначена для юристов, преподавателей юридических дисциплин и студентов, изучающих уголовное право и процесс. Она призвана способствовать углубленному пониманию механизмов назначения и исполнения судебного штрафа и служит основой для дальнейших теоретических и практических разработок в указанной сфере.

Цифровизация правосудия: облегчение доступа к правосудию или угроза для судебного процесса?

Чупина Диана Андреевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В данной статье раскрываются преимущества и риски внедрения информационных технологий в гражданское и арбитражное судопроизводство, рассматриваются правовые проблемы, связанные с цифровизацией гражданского и арбитражного процессов.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, видеоконференцсвязь, электронный документооборот, протокол судебного заседания, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство.

В последнее время наблюдается тенденция цифровизации правосудия: информационные технологии все больше и больше используются в гражданском и арбитражном судопроизводстве, в том числе электронная подача документов, участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи и веб-конференции, в 2024 году на одном из совещаний Председатель Совета судей РФ В. Момотов объявил о намерении по переходу на электронное правосудие [1].

С одной стороны, данная тенденция благоприятно влияет на развитие принципа процессуальной экономии в арбитражном и гражданском процессах, сокращение нагрузки на аппарат суда, обеспечивает доступность правосудия за счет сокращения расходов сторон на участие в судебном процессе, но с другой стороны, цифровизация судебного процесса обусловлена определенными угрозами: раскрытием информации с ограниченным доступом ввиду возможных сбоев и кибератак на системы судов [2], сложностью в проверке подлинности личности лиц, участвующих в судебных заседаниях путем использования систем видеоконференцсвязи и веб-конференции, а также документов, поданных с помощью электронного документооборота.

Данная работа нацелена на анализ положительных и негативных сторон внедрения информационных технологий в процесс правосудия на примере конкретных институтов: участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи и веб-конференции, внедрения искусственного интеллекта для выполнения технических функций аппарата суда, электронного документооборота.

Во-первых, рассмотрим участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи (далее — ВКС) и веб-конференции.

В соответствии со ст. ст. 155.1, 155.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) при наличии в судах технической возможности осуществления видеоконференцсвязи, веб-конференции лица, участвующие в деле, и иные участники процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования данных систем при условии заявления ими ходатайства об этом или по инициативе суда (только для ВКС).

Безусловно, ВКС и веб-конференция упрощает судебный процесс в случае отдаленного или даже труднодоступного места нахождения судебного органа, отличного от места нахождения лиц, участвующих в деле. В отличие от ВКС веб-конференция имеет большое преимущество: лицу, участвующему в деле, или иному участнику не нужно являться в судебный орган в назначенное время,

достаточно подключиться к судебному процессу посредством использования технического устройства. Кроме того, участие в судебном заседании путем использования данных систем позволяет лицам, участвующим в деле, сокращать транспортные и временные издержки, а также расходы на представителя.

Нередко суды признают положительные аспекты использования данных систем в судебных процессах, поэтому удовлетворяют ходатайства об участии сторон и иных участников процесса в судебном заседании, опросе свидетелей, экспертов, специалистов путем использования систем видеоконференцсвязи и веб-конференции [10]. Полагаем, что особую актуальность данные системы приобретают в процессах, когда опрос лиц является обязательным для разрешения дела, например, опрос ребенка, достигшего возраста 10 лет и длительно находящегося (проживающего) на территории Российской Федерации, отдаленной от места нахождения суда, рассматривающего дело, или за ее пределами, в споре об определении его места жительства¹.

Однако участие в судебном заседании путем использования систем ВКС и веб-конференции сопряжено со следующими рисками: возможность кибератаки в момент проведения судебного заседания с целью завладения конфиденциальной информацией, в том числе персональными данными лиц, участвующих в деле. [7, 8]. Кроме того, в силу совершенствования информационных технологий не стоит исключать возможность злоупотребления лицами, участвующими в деле, процессуальными правами и использования ими дипфейков с целью ввести суд в заблуждение. Ввиду того, что данный институт получил свое распространение относительно недавно, не до конца установлены границы дозволенности и правомерности такого участия. Например, не так давно участие представителя в судебном заседании с использованием ВКС путем подключения к процессу из салона автомобиля судом было оценено как неуважение к суду [3].

Во-вторых, цифровизация правосудия сопряжена с внедрением информационных технологий для замены технических функций работников суда с целью снижения нагрузки на аппарат суда и ускорения судебного процесса.

Например, в некоторых регионах Российской Федерации (Сахалинской области [4], Удмуртской республики [5]) используется искусственный интеллект для подготовки протоколов судебных заседаний. В целях сохранения объективности и достоверности при отражении всех обстоятельств дела в связи с наличием так называемых галлюцинаций искусственного интеллекта полагаем, что такие протоколы в обязательном порядке

¹ В соответствии со ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

должны проверяться работниками суда, что особо не облегчает бремя аппарата суда.

В-третьих, рассмотрим электронный документооборот, который в особенности распространился во время пандемии.

Безусловно возможность электронной подачи документов, ознакомления с материалами дела через официальные порталы судов общей юрисдикции, ГАС «Правосудие», систему «КАД арбитр» облегчает судебный процесс [6, 7, 9], но в связи с тем, что лица, участвующие в деле, обязаны проходить аутентификацию личности при входе в данные системы и тем, что процессуальные документы оцифровываются, существует большая угроза раскрытия конфиденциальной информации. Кроме того, нередко лица, участвующие в деле, злоупотребляют своими процессуальными правами посредством подачи много-

численных и необоснованных ходатайств с их последующей отменой [8].

Таким образом, оценив преимущества и недостатки цифровизации правосудия, несмотря на то что безусловно внедрение информационных технологий упрощает судебный процесс, данная тенденция скрывает в себе фундаментальные угрозы — раскрытие конфиденциальной информации и персональных данных лиц, участвующих в деле, возможность злоупотребления лицами, участвующими в деле, процессуальными правами. По вышеизложенным основаниям до массового внедрения элементов цифровизации в гражданское и арбитражное судопроизводство, необходимо предусмотреть механизмы, способствующие минимизации данных рисков, и обеспечить соблюдение конфиденциальности сведений, установленных в рамках судебного процесса.

Литература:

1. Семинар-совещание председателей советов судей судов и советов судей субъектов Российской Федерации: — Текст: электронный // vsrf.ru: [сайт]. — URL: https://vsrf.ru/press_center/news/33446/ (дата обращения: 05.07.2025).
2. Некоторые онлайн-сервисы российских судов не работают из-за сбоя: — Текст: электронный // tass.ru. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22076067?ysclid=m799388u96221029935> (дата обращения: 05.07.2025).
3. Суд не оценил «автопробег» адвоката: — Текст: электронный // fparf.ru. URL: <https://fparf.ru/news/media/sud-ne-otsenil-avtoprobeg-advokata/> (дата обращения: 05.07.2025).
4. В Сахалинской области технологии ИИ будут вести протоколы судебных заседаний: — Текст: электронный // mingu.sakhalin.gov.ru. URL: <https://mingu.sakhalin.gov.ru/press-center/event/v-sahalinskoj-oblasti-tehnologii-ii-budut-vesti-protokoly-sudebnyh-zasedanij> (дата обращения: 05.07.2025).
5. В Удмуртии внедряются сервисы на базе искусственного интеллекта: — Текст: электронный // it.udmurt.ru. URL: https://it.udmurt.ru/press_center/news/v-udmurtii-vnedryayutsya-servisy-na-baze-iskusstvennogo-intellekta/?sphrase_id=49898 (дата обращения: 05.07.2025).
6. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, А. В. Незнамов, А. В. Незнамов, В. В. Ярков // European and Asian Law Review. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-i-tsivilisticheskiy-protsess-problemy-vzaimovliyaniya> (дата обращения: 05.07.2025).
7. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад / А. В. Кашанин, А. Б. Козырева, Н. А. Курносова, Д. В. Малов. — М., 2020. URL: <http://црсп.рф/wp-content/uploads/2020/07/w-informacionnie-tehnologii-v-pravosudii.pdf> (дата обращения: 05.07.2025).
8. Крымский Д. И., Мельникова А. В. Злоупотребление процессуальными правами в контексте цифровизации правосудия // Вестник гражданского процесса. 2023. N 1. С. 306–327.
9. Луконина Ю. А. Диалектика цифровизации правосудия по гражданским делам: ключевые коллизии и пути их преодоления // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. N 10. С. 46–48.
10. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2025 по делу № 88–14988/2025 (УИД 50RS0048–01–2023–010405–25); Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.08.2024 N 07АП–1831/2024 по делу № А45–9854/2023.

Исторические этапы становления и развития института прав и свобод человека и гражданина в РФ

Шаяхметова Венера Мавлетзяновна, студент

Научный руководитель: Конвисарева Любовь Петровна, кандидат педагогических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается сущность становления и развития института прав и свобод человека и гражданина в РФ. Раскрываются основные этапы становления и развития данной системы. Проводится краткий анализ основных положений Конституций в истории России, регулирующих развитие прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: Конституция РФ, права и свободы, история развития прав и свобод, органы государственной власти.

Институт прав и свобод человека и гражданина прошел длительный путь на этапе своего формирования и закрепления в действующей Конституции Российской Федерации. Рассматривая исторический аспект возникновения главы 2 Конституции РФ, можно выделить два основных исторических этапа:

- советский этап;
- современный этап [2].

Советский этап развития института прав и свобод человека и гражданина напрямую связан с развитием конституционализма в России. Краткий исторический обзор позволит понять процесс появления и закрепления прав и свобод человека и гражданина, которые нашли отражение в Конституции 1993 года.

Первая Конституция Российской Федерации была принята в 1918 году и закрепляла отдельный перечень прав и свобод граждан, в частности, в ней были отражены такие права, как: свободу вероисповедания, слова, печати, собраний, право на труд и бесплатное образование. При этом далеко не все современные права и свободы нашли свое закрепление, к тому же сильно были ограничены политические права граждан.

В каждой последующей принятой Конституции перечень прав и свобод расширялся, например, с принятием Конституции 1925 года в данном перечне нашли свое отражение такие права, как свобода совести; свобода собраний; право убежища; право на пользование родным языком и т. д. [3].

В свою очередь, с принятием Конституции 1936 года институт прав и свобод человека был значительно расширен. Впервые был закреплён расширенный перечень прав и свобод, ставший прототипом для современной Конституции. В частности, в ней были закреплены права на труд, отдых, материальное обеспечение в старости и образование. Конституция гарантировала правовую охрану личной собственности граждан СССР, приобретённой на трудовые доходы и сбережения, а также право наследования личной собственности.

Последней предшественницей Конституции РФ стала Конституция 1977 года, которая действовала до 1993 года и являлась завершающей советского периода развития и становления института прав и свобод человека и гражданина.

Она закрепила в себе основы правового статуса человека и гражданина в СССР в главе «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР», которая была значительно расширена и объединяла двадцать одну статью. Среди новых прав и свобод были закреплены такие, как: право на труд с возможностью выбора профессии; право на выбор рода занятий и работы; право на жилище; право на пользование достижениями культуры; право на участие в управлении государственными и общественными делами; свобода творчества и другие [2].

Современный этап развития института прав и свобод начинается с принятием 12 декабря 1993 года по итогам всенародного голосования Конституции РФ, которая закрепила в себе главу 2 «Права и свободы человека и гражданина». Признавая права и свободы высшей ценностью, законодатель придал им особое значение, а, следовательно, обеспечил такие процессы, как их реализацию и защиту, в частности со стороны государственных органов.

Права и свободы человека и гражданина подразделены на группы:

- личные права и свободы, обеспечивающие неотъемлемы от человека гарантии его жизни, в частности, в законе закреплено право на жизнь, на свободу передвижения, свободу мысли и т. д.;
- политические права и свободы, которые обеспечивают возможности граждан принимать участие в политической жизни страны и реализовывать управление;
- социальные права и свободы, направленные на обеспечение основных социальных прав граждан, в частности, на медицинское обслуживание, получение образования, социальной поддержки и т. д.;
- экономические права и свободы, которые предполагают обеспечение экономической жизни граждан, в частности права на владение имуществом;
- культурные права и свободы, регламентирующие обеспечение человека аспектами культурной жизни.

Данная классификация является общепринятой и отражает полный перечень прав и свобод человека и гражданина, нашедших свое закрепление в современном законодательстве.

Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина в РФ имеет повышенное значение в системе действующего законодательства, а также государственных органов власти. В частности, усиленная защита данного института предусмотрена следующими аспектами:

- наделение всех ветвей власти полномочиями по охране и защите прав и свобод граждан в РФ;
- наделение системы местного самоуправления полномочиями по охране и защите прав и свобод граждан в РФ;
- функционирование Конституционного Суда РФ, обеспечивающего непосредственную охрану и защиту прав и свобод граждан, равно как и конституционного строя в РФ;
- закрепление в Конституции РФ положений главы 9, регламентирующих невозможность внесения поправок и пересмотр главы 2 в рамках действующей Конституции;
- закрепление в УК РФ главы 19 «Преступления против прав и свобод человека и гражданина» и т. д. [2].

Анализируя деятельность органов государственной власти в РФ в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, можно отметить, что выделяются две ос-

новые меры данного воздействия: выявление, пресечение и недопущение фактов нарушений прав и свобод человека и гражданина, и восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, можно отметить, что институт прав и свобод человека и гражданина прошел длительный период становления и развития, который делится на два основных этапа: советский этап и современный этап. Современная конституция гарантирует личные, политические, социальные, экономические и культурные права каждому

гражданину. Каждая из указанных категорий закрепляет в себе обширный перечень отдельных прав и свобод граждан, обеспечивающих их жизнедеятельность в государстве и обществе.

Анализируя положения Конституции РФ, можно отметить, что институт прав и свобод человека и гражданина на сегодняшний день имеет определенную сформированность и системность, однако изменения, происходящий в современном обществе и мире могут стать причиной их корректировки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Акбутина А. Б. История развития и формирования прав, свобод и обязанностей в РФ [Электронный ресурс] // URL: https://articulus-info.ru/wp-content/uploads/2018/11/6_2018o_Akbutina-Pavlov.pdf
3. Стремоухов А. В. Эволюция прав человека в советской и постсоветской России [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-sovetskoy-i-postsovetskoy-rossii>

Следователь как участник уголовного судопроизводства: процессуальный статус и проблемы его определения

Шиманец Мария Казимировна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается уголовно-процессуальный статус следователя в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются функции, права и обязанности следователя, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Особое внимание уделяется дискуссии о правомерности отнесения следователя исключительно к стороне обвинения, учитывая его обязанности по защите прав и законных интересов всех участников уголовного процесса. Рассматривается проблема процессуальной самостоятельности следователя и ограничения, накладываемые на нее прокурорским надзором.

Ключевые слова: следователь, предварительное следствие, уголовно-процессуальный статус, процессуальная самостоятельность.

Институт предварительного следствия играет ключевую роль в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. Эффективность расследования преступлений, соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса, а также обеспечение законности и обоснованности принимаемых решений напрямую зависят от деятельности следователя. В связи с этим, исследование уголовно-процессуального статуса следователя, его функций, прав и обязанностей, с учетом проблемы его процессуальной самостоятельности, является актуальным и значимым для совершенствования правоприменительной практики и развития уголовно-процессуальной науки.

Согласно п. 41 ст. 5 УПК РФ, следователь — это должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным

кодексом [1]. Эволюция института уголовно-процессуального статуса следователя в России происходила в контексте реформирования законодательства, регламентирующего уголовное судопроизводство и судебную систему. Данный процесс был вызван необходимостью корректировки нормативной базы, определяющей структуру и функционирование органов предварительного следствия, а также совершенствования правового регулирования процедуры предварительного следствия с целью эффективного осуществления возложенных на следователя задач по защите прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Уголовно-процессуальный статус следователя представляет собой отражение совокупности всех связей и отношений данного участника уголовного судопроизводства, определяющих его процессуальное положение, возникающих при реализации им своих прав и выпол-

нении своих обязанностей [2]. В широком смысле, он включает в себя функции, принципы деятельности, права и полномочия, гарантии реализации прав, а также ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на следователя полномочий.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, следователь выступает в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Он наделен полномочиями осуществлять уголовное преследование от имени государства, наряду с прокурором и дознавателем. При выявлении признаков состава преступления, следователь в рамках своей компетенции принимает меры по установлению события преступления, избобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 1–2 ст. 21 УПК РФ).

При этом наделение следователя обвинительными функциями не является исчерпывающим определением его процессуальной роли. На следователя возложен ряд полномочий, не связанных с функцией обвинения, что порождает дискуссии в юридическом сообществе о правомерности отнесения его исключительно к стороне обвинения.

Профессор Л. В. Головкин отмечает, что следователь неизбежно совершает действия, которые по своей сути представляют собой защиту прав и интересов обвиняемых и подозреваемых, оказание им юридической помощи, что характерно для защитника, выполняющего функцию защиты (п. 46 ст. 5, ч. 1 ст. 49 УПК РФ) [3].

Действительно, положения закона обязывают следователя разъяснять подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивать возможность их реализации (ч. 1 ст. 11, ч. 1 и 2 ст. 16 УПК РФ). Кроме того, следователь не вправе произвольно отказывать в удовлетворении ходатайств обвиняемого (подозреваемого), защитника о производстве следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела (ч. 1, 2 ст. 159 УПК РФ). Важным аспектом является и обязанность следователя собирать доказательства, которые не только подтверждают виновность лица в совершении преступления, но и исключают преступность и наказуемость деяния, смягчают наказание или освобождают лицо от уголовной ответственности и наказания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Таким образом, следователь в соответствии со ст. 6 УПК РФ осуществляет двуединую задачу уголовного судопроизводства — защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступных действий, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [4].

В то же время, неотъемлемым элементом процессуального статуса следователя являются гарантии его процессуальной самостоятельности и независимости. Эти гарантии призваны обеспечить объективность и беспристрастность расследования, исключить незаконное вмешательство в деятельность следователя со стороны каких-либо лиц или органов.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкое определение понятия процессуальной самостоятельности следователя, однако, согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь наделен процессуальными полномочиями, связанными с самостоятельным определением направления расследования и принятием решений о производстве следственных и иных процессуальных действий. Таким образом, следователь, будучи субъектом, наделенным властными полномочиями, независимо от ведомственной принадлежности и занимаемой должности, является процессуально самостоятельной фигурой в уголовном судопроизводстве. Различные авторы в юридической литературе трактуют процессуальную самостоятельность следователя как комплекс выполняемых им функций, как его процессуальное право или как его процессуальную обязанность.

Важно отметить, что процессуальная самостоятельность следователя не является абсолютной и подлежит ограничению посредством многоуровневого механизма ведомственного и судебного контроля, а также прокурорского надзора. В юридической науке под термином «прокурорский надзор» понимается специфическая деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на ее территории [5].

Статья 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 устанавливает, что полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, определяются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и иными федеральными законами [6].

Статья 37 УПК РФ устанавливает конкретный перечень полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, в том числе: истребование и проверка законности и обоснованности решений следователя об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела; требование от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства; участие в судебных заседаниях при рассмотрении вопросов об избрании меры пресечения; утверждение обвинительного заключения по уголовному делу и др.

Особую значимость в этом контексте приобретает вопрос о соотношении процессуального статуса следователя и прокурора, осуществляющего надзор за законностью предварительного следствия. Конституцией Российской Федерации, а именно статьей 129, закреплена правовая статус прокурора, обусловленный его функцией по осуществлению надзора за соблюдением законности. В отличие от этого, правовой статус следственных органов не закреплён непосредственно в нормах Конституции РФ, что, по нашему мнению, является упущением в действующем законодательстве. Более детальное закрепление

правового статуса следственных органов, в том числе на конституционном уровне, позволило бы обеспечить надлежащий уровень соблюдения процессуальной самостоятельности и независимости их должностных лиц.

Анализ уголовно-процессуального статуса следователя позволяет сделать вывод о его сложном и многогранном процессуальном положении. Несмотря на формальное отнесение к стороне обвинения, следователь выполняет ряд функций, направленных на защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, в том числе подозреваемых и обвиняемых. Это обстоятельство ставит под сомнение однозначность отнесения следователя исключительно к стороне обвинения и требует дальнейшего научного осмысления его процессуальной роли. Более того, процессуальная самостоятельность сле-

дователя, необходимая для эффективного расследования преступлений, ограничена системой контроля и прокурорского надзора, что требует баланса между независимостью следователя и соблюдением законности. Необходимость обеспечения этого баланса между обвинительной функцией, обязанностью защиты прав личности и процессуальной самостоятельностью является ключевым аспектом совершенствования деятельности следователя и повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку практических рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики с целью обеспечения справедливого и законного уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Мухаметшин Ф. Б., Гумерова Р. Р. Уголовно-процессуальный статус следователя в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 103.
3. Головки Л. В. Курс уголовного процесса. — 2-е изд., испр. — М. // Статут, 2017. С. 325.
4. Резник Г. М. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов — 4-е изд., перераб. и доп. — М. // Юрайт, 2024. С. 154.
5. Винокурова Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для бакалавров — 11-е изд., перераб. и доп. — М. // Юрайт, 2013. С. 13.
6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 20.11.1995. — № 47. — ст. 4472.

Ведомственный и судебный контроль за деятельностью следователя

Шиманец Мария Казимировна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается вопрос о балансе между процессуальной самостоятельностью следователя и необходимостью контроля за его деятельностью в рамках уголовного судопроизводства. Анализируются механизмы ведомственного контроля, осуществляемого руководителем следственного органа, и судебного контроля. Проводится сравнительный анализ эффективности и ограничений каждого из видов контроля, а также предлагаются возможные пути совершенствования законодательства для повышения процессуальной самостоятельности следователя.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, ведомственный контроль, судебный контроль, процессуальная самостоятельность, уголовный процесс.

Следователь является ключевой фигурой в механизме уголовного судопроизводства. Именно на следователя возлагается задача принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, определение направления расследования и осуществление следственных действий, направленных на изобличение виновных лиц. От качества работы следователя напрямую зависит эффективность борьбы с преступностью и защита прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Несмотря на значимость роли следователя, вопрос о его процессуальной самостоятельности до настоящего времени остается дискуссионным. С одной стороны, статья 38 УПК РФ закрепляет за следователем право самостоятельно определять направление расследования и принимать решения о производстве следственных действий. С другой стороны, на практике данная самостоятельность ограничена ведомственным контролем со стороны руководителя следственного органа. Кроме того, определенное

влияние на деятельность следователя оказывает и судебный контроль.

Согласно пункту 3 части 2 статьи 38 УПК РФ [1], следователь наделен процессуальными полномочиями, связанными с самостоятельным определением направления расследования и принятием решений о производстве следственных и иных процессуальных действий.

При этом, внесенные в связи с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [2] коррективы, а также последующее реформирование полномочий руководителя следственного органа, якобы направленные на совершенствование правовых механизмов обеспечения процессуальной самостоятельности следователя, привели к еще большей зависимости следователя от его непосредственного руководителя.

Наиболее наглядным примером данного противоречия являются положения статьи 38 УПК РФ, закрепляющей процессуальную самостоятельность следователя, и статьи 39 УПК РФ, регламентирующей полномочия руководителя следственного органа. В частности, в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 39 УПК РФ, руководитель следственного органа наделен полномочием давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения. Фактически, данные положения нивелируют закрепленную в статье 38 УПК РФ процессуальную самостоятельность следователя.

Институт контроля за деятельностью следователя со стороны руководителя следственного органа был введен законодателем с целью устранения негативных проявлений в практике следственных органов, обусловленных недостаточной квалификацией и отсутствием достаточного профессионального опыта отдельных следователей. Вместе с тем, необходимость согласования большинства принимаемых решений с руководителем следственного органа негативно сказывается на деятельности следователей, демотивирует их, убеждает в декларативности норм о процессуальной самостоятельности.

Некоторые авторы предлагают в качестве дополнительной гарантии процессуальной самостоятельности следователя наделить его правом судебного обжалования указаний и решений руководителя следственного органа в порядке, установленном статьей 125 УПК РФ. Однако, в рамках действующего законодательства такая инициатива представляется практически неосуществимой. Это связано с тем, что статья 125 УПК РФ предусматривает возможность обращения за судебной защитой в досудебных стадиях исключительно для обжалования действий должностных лиц органов, осуществляющих уголовное преследование, которые способны причинить

ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Кроме того, представляется целесообразным рассмотреть возможность внесения изменений в УПК РФ, направленных на расширение сферы судебного контроля за деятельностью следователя. В частности, можно предусмотреть возможность обжалования в суд указаний руководителя следственного органа, если следователь считает, что они противоречат закону или нарушают права и законные интересы участников уголовного процесса. При этом, решение суда по данному вопросу должно быть обязательным для исполнения руководителем следственного органа.

Вместе с тем, необходимо усилить ответственность руководителей следственных органов за необоснованное вмешательство в процессуальную деятельность следователей. В частности, можно предусмотреть дисциплинарную ответственность за дачу незаконных или необоснованных указаний, а также за воспрепятствование осуществлению процессуальных полномочий следователя.

В отличие от ведомственного контроля, осуществляемого внутри следственного органа, судебный контроль носит внешний характер. Наиболее актуальным аспектом является форма судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий, которые потенциально могут нарушить конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Судебный контроль имеет место исключительно в случае обращения к нему заинтересованных лиц как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Его цель заключается в обеспечении процессуального равенства указанных участников уголовного судопроизводства за счет разрешения судом, обладающим независимостью и объективностью, ряда принципиальных вопросов, определяющих ход производства по уголовному делу. Так, по мнению И. А. Давыдовой, «целью (той или иной формы) судебного контроля является судебная защита прав, свобод и законных интересов личности, государства и общества; обеспечение законности и правопорядка в стране» [3].

В частности, согласно со ст. ст. 22, 23 и 25 Конституции РФ [4], ограничение права на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также неприкосновенность жилища может быть ограничено лишь на основании судебного решения. В связи с этим судебный контроль реализуется посредством удовлетворения судом или отказом в удовлетворении ходатайства следователя о производстве следственных действий, осуществление которых может привести к ограничению указанных конституционных прав и свобод человека и гражданина (п.п. 4–9, 10.1, 11 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, ч. 1 ст. 165 УПК РФ).

Рассмотрение такого ходатайства производится судьей единолично в процессе исследования всех обстоятельств расследуемого дела, а принятое решение влияет на ход всего досудебного производства по расследованию преступления. Так, в силу ч. 1 ст. 125 УПК РФ, суд может признать незаконным любое решение следователя, которое способно причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суд обладает дискреционными полномочиями по отмене любых действий и решений следователя. Уголовно-процессуальное законодательство фактически предусматривает возможность признания большинства решений следователя причиняющими ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

Деятельность следователя отчасти носит творческий характер, предполагая необходимость самостоятельного выбора оптимального варианта дальнейших действий из нескольких альтернативных. Учитывая то, что при детальном изучении обстоятельств дела отсутствует возможность предугадать, какие конкретные действия способствуют установлению истины при расследовании преступления и принятию справедливого решения, возникает вопрос о возможности проведения объективного исследования обстоятельств дела судом так же, как и следователем.

Суд не имеет возможности глубоко вникнуть во все нюансы дела, поскольку его ознакомление с материалами осуществляется опосредованно. В связи с этим суд лишен возможности детального рассмотрения всех аспектов конкретных обстоятельств дела, а также общения с участниками уголовного судопроизводства. Учитывая вышеизложенное, в рамках осуществляемого судом внепроцессуального контроля оценка доказательств ограничена их относимостью и достаточностью для целей судебного контроля.

Суд не вправе оценивать доказательства, представленные органами уголовного преследования, с точки зрения их достоверности, поскольку это потребовало бы проведения судебного следствия и повлекло бы вмешательство суда в ход предварительного расследования.

Вопрос об оценке допустимости доказательств является дискуссионным. С одной стороны, суд не может основывать свои решения на заведомо незаконных доказатель-

ствах, с другой стороны, он не обладает процессуальными возможностями проверки их допустимости.

Представляется обоснованным, что в случае выявления нарушений закона, влекущих признание доказательства недопустимым, суд имеет право принимать решения по вопросам судебного контроля без учета незаконно полученных сведений.

Для получения судебного разрешения на производство следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, органы предварительного следствия в своих ходатайствах должны указывать, какое конкретно следственное действие подлежит производству, место его проведения, а также сведения доказательственного характера, которые могут быть получены при осуществлении таких следственных действий.

Главной задачей судебной системы является осуществление правосудия и установление истины. При этом в отношении истины, в силу ее объективной природы, не может иметь место усмотрение. Исходя из этого, следует заключить, что объем дискреционных полномочий суда заведомо меньше, нежели у следователя.

В частности, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5] судья не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности делать выводы об обоснованности обвинения, оценке доказательств и о квалификации деяния.

Таким образом, существующий баланс между необходимостью контроля и обеспечением процессуальной самостоятельности следователя представляется неудовлетворительным. Для повышения эффективности расследования преступлений и защиты прав и свобод граждан необходимо совершенствовать законодательство, направленное на расширение сферы судебного контроля и усиление ответственности руководителей следственных органов за необоснованное вмешательство в процессуальную деятельность следователей. Только в этом случае можно будет говорить о реальной процессуальной самостоятельности следователя и повышении эффективности уголовного судопроизводства в целом, первостепенной задачей которого является соблюдение конституционных прав и свобод граждан.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 05.06.2007 № 87-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. — 11.06.2007. — № 24. — ст. 2830.
3. Давыдова И. А. Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. С. 10–14.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 28 (579) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 23.07.2025. Дата выхода в свет: 30.07.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.